Д213381

Дж. ДАВЛЕТОВ, А. ИЛЬЯСОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ

ТҮРКМЕНИСТАН ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш. БАТЫРОВ АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

Ж. ДӨВЛЕТОВ, А. ЫЛЬЯСОВ

ТҮРКМЕНИСТАНЫҢ РУССИЯ БИРИКДИРИЛМЕГИ

РЕДАКТОРЛАР
тарых ылымларының докторы *А. Г. Гаррыев*
тарых ылымларының докторы *Н. А. Халфин*

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ
АШГАБАТ — 1972

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. БАТЫРОВА

Дж. ДАВЛЕТОВ, А. ИЛЬЯСОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ

РЕДАКТОРЫ
доктор исторических наук *А. К. Каррыев*
доктор исторических наук *Н. А. Халфин*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
АШХАБАД—1972

9 (С)
Д 13

Работа раскрывает процесс присоединения Туркмении к России, показывает особенности и характер этого процесса в отдельных районах, дает всесторонний анализ внутренней и внешнеполитической обстановки в Туркмении.

ВВЕДЕНИЕ

Присоединение туркменских земель к России, происходившее в конце 60-х — середине 80-х годов прошлого столетия, явилось одним из наиболее важных исторических событий в жизни туркменского народа до Великой Октябрьской социалистической революции. Вопреки реакционно-захватническим методам действий царизма во время завоевания края, его последующей антинародной, колонизаторской политике, присоединение Туркменистана, как и всей Средней Азии, к России по своим объективным результатам имело прогрессивное значение. Положительное значение присоединения сказалось на экономическом, политическом и культурном развитии Туркменистана в составе Российской империи и прежде всего в формировании всех необходимых предпосылок для социального и национального освобождения туркмен с помощью и под руководством пролетариата России. Именно поэтому разработка вопросов, непосредственно связанных с историей этого важного события, имеет большое научное и политическое значение.

Присоединение Туркменистана к России—весьма сложный процесс, в котором переплелись политические интересы царской России, империалистической Англии и соседних с Туркменистаном феодальных деспотий, в особенности Ирана и Хивы, с классовой и межплеменной борьбой внутри туркменского общества. По ряду конкретных причин и обстоятельств процесс вхождения отдельных районов Туркменистана в состав России происходил далеко не в одинаковой форме: одни районы были присоединены мирным путем, другие были завоеваны царскими войсками.

Без научного марксистского анализа всех сторон и аспектов продолжительного и сложного процесса присоединения

туркменских земель к России, без строго объективного изучения всего комплекса вопросов, с ним связанных, нельзя раскрыть его действительный смысл и содержание, его значение в истории туркменского народа. В значительной степени этим также объясняется необходимость всестороннего изучения данной проблемы.

Проблема присоединения Туркменистана к России в различных аспектах освещалась уже во многих работах советских авторов[1]. Однако в этом исключительно важном и сложном вопросе по сей день существует весьма серьезный пробел. Он заключается в недостаточно полном освещении всех этапов присоединения. Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой попытку восполнить этот пробел, осветив на базе новых, совершенно не изученных ранее материалов, историю присоединения Туркмении к России на всех его этапах, и, по возможности,во всех аспектах, делая при этом основной упор на анализ процесса присоединения. Книга — итог многолетней работы ученых Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР. Авторы ставили своей целью не только обобщить новые факты, не включенные в научный оборот, но и осмыслить в их свете все то, что уже ранее было известно, и таким образом воссоздать более или менее полную картину присоединения Туркмении к России, показать ход этого длительного, своеобразного, многопланового и противоречивого процесса с учетом всей сложности внутреннего и внешнего положения Туркмении.

Методологической основой для написания настоящей монографии служили гениальные труды классиков марксизма-

---

[1] А. К. Каррыев. Вхождение Мургабского оазиса в состав Российской империи. Известия ТФАН СССР, 1951, № 3; его же. Величайшее прогрессивное значение присоединения Туркмении к России. «Коммунист Туркменистана», 1953, № 1; его же. Присоединение Туркменистана к России и его прогрессивное значение. Ашхабад, 1956. Общ-во по распр. полит. и науч. знаний Туркменской ССР (на туркменском языке); его же. Присоединение Туркменистана к России и его прогрессивное значение. Известия АН ТССР, 1959, № 2; История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 106—140; М. И. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., Изд-во восточной литературы, 1960; А. Ильясов. Авантюрная деятельность английских агентов в Мургабском оазисе в момент его присоединения к России. Ученые записки Марыйского пединститута, вып. 1, Мары, 1957; Д. Давлетов. К вопросу о присоединении Ахала к России. Известия АН ТССР (сер. общ. наук) 1960, № 2; его же. Укрепление позиций царизма на восточном берегу Каспийского моря и присоединение Западного Туркменистана к России. Известия АН ТССР (сер. общ. наук), 1962, № 4; и другие.

ленинизма. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса неоднократно подчеркивается прогрессивная роль России и русского народа в исторических судьбах народов Востока и всего человечества[1]. Вместе с тем в их произведениях со всей объективностью разоблачается захватническая, колонизаторская политика царизма в Средней Азии[2]. В трудах основоположников научного коммунизма дается глубокий и всесторонний анализ международной обстановки второй половины XIX в., а также методов колониальной политики капиталистических стран, в частности Англии — одной из могущественных колониальных держав мира того времени.

Признавая историческую прогрессивность роли русского капитализма для национальных окраин империи, В. И. Ленин вместе с тем отмечал все «отрицательные и мрачные» его стороны[3].

Эти и многие другие указания классиков марксизма-ленинизма послужили исходной научной позицией при характеристике узловых принципиальных вопросов темы.

Монография написана в основном на архивных источниках, использованы документальные материалы Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА), Центрального государственного исторического архивах СССР (ЦГИА), центральных государственных архивов Туркменской, Узбекской и Грузинской ССР, Марыйского областного архива, а также материалы сборников архивных документов[4]. Фонды вышеуказанных архивов содержат огромное количество материалов по теме монографии. Авторы стремились использовать наиболее важные и ценные документы, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

Наряду с архивными источниками в работе были критически использованы многочисленные работы дореволюционных авторов (Н. И. Гродеков, А. Маслов, М. Алиханов-Аварский, В. А. Туган-Мирза Барановский, Л. К. Артамонов, К. К. Абаза, А. Ржевусский, Б. С. Эсадзе и др.), которые в большинстве

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] Там же, т. XVI, ч. 2, стр. 34. Примечание.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. III, стр. 597.

[4] Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Сост. проф. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, под ред. Г. И. Карпова, А. Г. Соловьева, Д. Ф. Масловец. Ашхабад, 1946; Присоединение Туркмении к России. Сб. арх. документов. Ответ составитель Г. Б. Акопов, под ред. А. Ильясова. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1960. (Далее сб. «Присоединение...»).

своем являлись непосредственными участниками завоевания и присоединения Туркмении.

В монографии также использованы многочисленные периодические издания 70—80-х годов. При освещении отдельных вопросов были использованы устные сообщения старожилов, а также материалы рукописного фонда Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР, работы советских историков, изучающих историю присоединения к России в своих республиках и в особенности в соседних с Туркменистаном республиках Средней Азии.

Главы I (§ 1 и 2), II, IV, V настоящей монографии написаны Дж. Давлетовым, главы I (§ 3), III, VI, VII, VIII — А. Ильясовым.

Авторы приносят искреннюю благодарность сотрудникам сектора истории досоветского периода Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР, всем лицам, принимавшим участие в создании труда. Выражаем нашу сердечную признательность И. Л. Сосонкину, оказавшему большую помощь при подготовке рукописи к печати.

ГЛАВА I

ТУРКМЕНИСТАН НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Общая характеристика экономического и социально-политического положения Туркменистана

Вопрос о социально-экономическом и политическом положении Туркменистана в предколониальный период в исторической литературе уже освещался. Более или менее подробные сведения о туркменских племенах, их перемещении и расселении, общественно-политическом устройстве, культуре, быте можно найти в двухтомной истории Туркменской ССР, а также в работах А. А. Рослякова[1], Ф. К. Максимовича[2], А. И. Акатовой[3] и других авторов. Поэтому ограничимся лишь общей характеристикой основных туркменских районов, уделяя особое внимание вопросу их взаимоотношений с соседними государствами, главным образом — с Россией. Положение туркменского общества того времени будет рассмотрено нами преимущественно с точки зрения выяснения причин сложности затянувшегося процесса присоединения Туркмении к России, различного характера вхождения в состав Русского государства отдельных туркменских районов.

Накануне присоединения к России туркменский народ переживал один из самых тяжелых и трудных периодов своей

[1] А. А. Рослякова. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, 1957.

[2] Ф. К. Максимовича. Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960.

[3] А. И. Акатова. Туркменские племена накануне их присоединения к Российской империи. Известия ТФАН СССР, 1950, № 5, 6.

многовековой истории. Часть туркмен находилась в зависимости от Ирана, другая часть входила в состав Хивинского ханства, третья — в состав Бухарского эмирата. Судьба и жизнь этих туркмен была полностью подчинена деспотическому режиму, господствовавшему почти во всех восточных странах. Территория же так называемой «Вольной Туркмении», куда входили прикаспийские районы, предгорные оазисы — Ахал и Атек, бассейны рек Теджен и Мургаб, служила объектом притязаний феодальных правителей Хивы, Ирана и Бухары и подвергалась с их стороны постоянным грабительским, опустошительным набегам. К этому следует добавить, что хотя к середине XIX в. массовое переселение туркмен из северных и центральных скотоводческих районов края в южные земледельческие районы Туркмении в целом уже прекратилось, процесс их устойчивого оседания в культурной полосе еще продолжался. В Ахале, Теджено-Серахском районах и особенно в Мургабском бассейне процесс этот сопровождался упорной борьбой отдельных туркменских племен за землю и воду. В ходе этой борьбы многочисленное и сильное племя — туркмен-текинцы, захватило лучшие земли и водные источники. В Ахальском оазисе они подчинили себе и отчасти вытеснили прежних жителей здешних земель (мелкие племена мехинли, нохурли, аннаули, авшар). В Мервском оазисе произошло столкновение текинцев с сарыками, которые впоследствии были оттеснены в Иолотанский и Пендинский оазисы.

Междоусобные войны и распри были еще одним из характерных и глубоко отрицательных явлений тогдашней Туркмении. В таких тяжелых исторических условиях не могло быть и речи о быстром росте производительных сил страны. Тем не менее к описываемому периоду во многих туркменских районах наблюдалось интенсивное разложение традиционного для Туркмении скотоводческого хозяйства, явно возрастал удельный вес оседлого земледелия, глубже развивались феодальные производственные отношения.

В жизни туркмен прикаспийских районов значительное место занимали добыча и разработка минеральных богатств прибрежья и близлежащих островов (Челекен, Огурджа и др.). Основными промыслами являлись добыча нефти, озокерита, серы, соли, краски. Вместе с тем почти все население прибрежья занималось рыболовством и охотой.

Обширные степные пространства на востоке от моря и на севере от реки Атрек служили базой для скотоводческого хозяйства. Весной и летом в течение 7—8 месяцев в году сюда передвигались кочевья туркмен-иомутов, которые с наступле-

нием холодов снова уходили на юг — к Атреку и Гюргену. По берегам этих рек и их притоков Чандыр и Сумбар располагались осёдлые земледельческие районы иомутов и гокленов. Значительная часть зимовок и посевов туркмен находилась в Астрабадской области Персии.

Сравнительно густонаселенные районы Туркмении располагались вдоль северного побережья гор Копетдага (Ахалский оазис и Атек), по бассейнам Теджена (Тедженский и Серахский оазисы) и Мургаба (Мервский, Полотанский и Пендинский оазисы), а также по среднему и нижнему течению Амударьи. Во всех этих районах были сравнительно лучшие (чем в прикаспийских) условия для земледельческого хозяйства, поскольку здесь была вода. А в условиях Туркмении земледелие невозможно без искусственного орошения. На орошаемых землях сеялись пшеница (в основном яровая), ячмень, люцерна, джугара, просо, кунжут, рис, маш, хлопок и бахчевые культуры. Существовали также плодовые сады и виноградники, разводилась шелковица[1].

Земледельческое и скотоводческое хозяйства туркмен носили весьма отсталый характер. Система севооборота была им абсолютно неведома. Истощенный участок земли попросту забрасывался, засевался новый. Такая переложная система хозяйства вызывала большие осложнения в распределении воды между различными селениями, мешала рациональному использованию и без того ограниченных водных ресурсов. Обработка полей велась крайне устарелыми способами, с применением самых примитивных орудий производства. Для орошения полей строились плотины и сооружались каналы, а в предгорной полосе и кяризы (подземные каналы). Однако при чрезвычайно примитивной ирригационной технике процент рационального и экономного использования водных ресурсов был весьма низким.

Трудоемкие работы по освоению новых земель, созданию и поддерживанию ирригационной сети в условиях крайне низкого уровня развития производительных сил требовали большого коллективного труда. Это обстоятельство явилось одной из основных причин сохранения у туркмен общинных институтов и таких родоплеменных делений, как «уруг», «тайпа». Сохранению общинных организаций способствовала и сложная внешнеполитическая обстановка, в которой жили туркменские племена, а также позиция их феодально-родовой верхушки,

---

[1] История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 17.

всячески стремившейся закрепить родо-племенные пережитки в целях маскировки, эксплуатации и закабаления рядовых членов общества. Однако сохранение внешних атрибутов родоплеменной организации и многочисленных пережитков патриархальных форм не дает оснований утверждать, как это пытались и пытаются делать многие буржуазные историки, что туркменское общество XIX в. было бесклассовым. Под оболочкой родо-племенных институтов уже давно происходила достаточно резкая классовая дифференциация, развивались и укреплялись феодальные отношения, усиливалась эксплуатация трудовых низов, углублялась и обострялась поляризация социальных сил.

Феодальная собственность на крупные участки земли и большое количество скота явились определяющим экономическим фактором туркменского общества в середине XIX в., обусловливая его феодальный по своей сущности характер.

На базе классового расслоения, углубившейся и обострившейся дифференциации, в этом обществе существовали различные социальные группы. Ханы, феодалы и их духовная опора в лице представителей мусульманского духовенства — мулл, ишанов, прибравшие к рукам основную часть орошаемой земли, водные источники и многочисленные отары скота, являлись господствующим эксплуататорским классом. Опираясь на феодальную собственность и ловко используя в своих интересах родо-племенные обычаи и порядки, они эксплуатировали трудящихся дайхан-земледельцев и скотоводов — непосредственных производителей, которые составляли основную массу эксплуатируемого населения. Хотя дайханин и считался формально свободным, но опутанный долгами и вынужденный арендовать у баев и феодалов на кабальных условиях землю, воду, скот и инвентарь, он фактически был в полной зависимости.

Отдельные феодалы имели рабов, которые в основном приобретались путем так называемых аламанов, то есть набегов, зачастую организуемых родовой знатью с целью наживы и обогащения. Труд рабов иногда использовался на земледельческо-оросительных работах, на строительстве кяризов и т. д. Однако рабовладение не имело в общественно-экономической жизни Туркмении сколько-нибудь значительного удельного веса. Этим в некоторой степени можно объяснить ту легкость, с которой русские власти впоследствии уничтожили в Туркмении рабство. Ремесленники и торговцы не выделялись как особые классы — обычно ремесло составляло подсобное занятие для незначительного количества крестьян, не порывав-

ших в то же время со своим основным занятием — скотоводством и земледелием. Торговлей и ростовщичеством занимались крупные скотоводы и земледельцы, а также отдельные зажиточные крестьяне[1]. Скотоводческое и земледельческое хозяйство туркмен носило в целом натурально-потребительский характер, внутренняя торговля была развита весьма слабо.

Классовая природа туркменского общества наглядно отразилась и в его организации. По структуре она была весьма несложной. Внутренняя жизнь аулов регулировалась аксакалами (яшули), которые, как правило, избирались из среды богатой и знатной верхушки. Аксакалы являлись официальными представителями своей общины в ее взаимоотношениях с соседями, а внутри ее выполняли в основном судебные функции. Для решения вопросов, касающихся всего рода или племени, созывались общеплеменные сходки, так называемые «маслахаты» или «генгеши», в которых принимали участие те же аксакалы и старшины, а также ханы, сердары, духовенство. На этих сходках рассматривались общеплеменные дела, вопросы внутреннего порядка, принимались решения об оборонительных или наступательных действиях, избирались ханы и т. д. Наиболее влиятельные феодалы, в зависимости от своих богатств, личных качеств, военных заслуг и занимаемого в обществе положения, получали титулы хана, бека, сердара, аталыка и проч., которыми они пользовались не только в своей общине, но и за ее пределами. Чаще всего тот же хан или сердар, даже если он был молод, считался яшули и избирался старшиной общины. В таких случаях он обладал уже не только судебной и административной властью, но являлся также и военным предводителем своей общины и дипломатическим ее представителем во взаимоотношениях с соседями.

До присоединения к России у туркмен были и общеплеменные ханы. Значительные изменения в социально-экономической основе туркменского общества, выразившиеся в дальнейшем развитии феодальных отношений, усиление в связи с этим классовой дифференциации и классовой борьбы, а также осложнение внешнеполитического положения вызвали необходимость создания в отдельных, наиболее развитых районах Туркмении, постоянной верховной власти в лице общеплеменного хана. Этим и объясняется появление на исторической арене таких военно-политических деятелей, как Нурберды-хан, Кият-хан, Коушут-хан, Атамурад-хан и др.

---

[1] История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 40.

История прикаспийских и атреко-гургенских туркмен первой половины XIX в. связана с именем Кият-хана, феодала и промышленника, последовательного сторонника присоединения Туркмении к России. В течение полустолетия Кият-хан принимал активное участие в развитии русско-туркменских взаимоотношений, возглавляя «русскую партию» туркмен, всемерно способствуя укреплению связей с Россией и содействуя русским властям и экспедициям в изучении и освоении восточного берега Каспийского моря. Опираясь на поддержку русских властей, Кият-хан стремился вместе с тем упрочить свое влияние среди туркмен.

В 50-х годах XIX в. из среды туркмен-текинцев выдвигаются в качестве видных политических фигур Нурберды-хан и Коушут-хан — наиболее влиятельные и богатые туркменские феодалы своего времени. Основная их заслуга заключалась в том, что оба они — первый в Ахале, а второй в Мерве, почти одновременно предприняли попытку объединения разрозненных туркменских племен. Стремление к объединению наблюдалось среди туркмен и раньше. Оно было обусловлено всем предшествующим ходом социально-экономического развития туркменского общества, а также осложнившейся внешнеполитической обстановкой. Идея объединения проходит в качестве лейтмотива в произведениях классиков туркменской литературы, особенно Махтумкули. Однако до Нурберды-хана и Коушут-хана не было предпринято каких-либо конкретных и реальных, действенных мер в этом направлении. Историческая обстановка, сложившаяся в третьей четверти XIX в., с новой силой поставила вопрос об объединении туркмен. И в этом смысле, с точки зрения объективного своего значения, деятельность Нурберды-хана и Каушут-хана носила прогрессивный характер. Но, осуществляя эту свою деятельность, Нурберды-хан и Коушут-хан преследовали чисто личные, корыстные интересы. Оба они были самыми крупными феодалами, нажившими огромные богатства путем беспощадного грабежа и жесточайшей эксплуатации своих сородичей — простых тружеников. Каждый из них руководствовался честолюбивым желанием во что бы то ни стало быть главным, единственным правителем всех туркмен, стремлением подчинить все племена и их ханов своей власти. Поэтому деятельность Нурберды-хана и Коушут-хана, направленную на объединение разрозненных племен, нельзя рассматривать как сознательное выражение интересов всего туркменского народа.

Однако в условиях феодально-родовой раздробленности и междоусобиц среди туркменских племен, а также постоянной

угрозы со стороны соседних феодальных государств, шаги, предпринятые Нурберды-ханом и Коушут-ханом, в частности их попытка создать регулярную армию, внедрить систему податей, в случае их успешного осуществления, могли бы сыграть положительную историческую роль на пути объединения и национальной консолидации туркменских племен, разобщенных и в экономическом, и в политическом отношениях. Объединение же и консолидация племен является, как известно, одной из серьезных предпосылок образования национальной государственности. Однако наличие в обществе значительных пережитков патриархально-родового строя и, что самое важное, отсутствие достаточных, тесных экономических связей, хозяйственной общности между различными племенами, препятствовало вместе с неблагоприятными природными условиями страны и общей отсталостью, объединению отдельных племен в единое общегосударственное целое.

Неприязненные взаимоотношения между отдельными племенами, а подчас и отдельными родами одного племени, зачастую переходившие в открытые столкновения, сохранялись. Значительная часть появившейся в результате развития феодальных отношений и классовой дифференциации туркменского общества групп крупных землевладельцев — ханов и сердаров с выгодой использовали создавшееся положение, так как это позволяло им произвольно и беспрепятственно эксплуатировать трудовое население отдельных общин. Вот почему эта эгоистично-близорукая аристократическая верхушка туркмен делала все возможное, чтобы сохранить свои веками освященные привилегии, не останавливаясь ради этого подчас даже перед открытым переходом на сторону иноземных завоевателей.

Отсутствием политического единства у туркмен пользовались их относительно более развитые соседи — централизованные феодальные государства: Иран, Хива и Бухара, которые всячески стремились утвердить свою власть над туркменскими оазисами. Обогащаясь за счет грабежа и разорения туркменских племен, иранские и хивинские феодалы различными способами (подкупом, угрозами, взятием заложников, интригами вокруг сепаратизма отдельных племенных ханов) вносили раскол в среду туркмен, что еще больше затрудняло объединение их в единое государство, способное оказать поработителям серьезное сопротивление.

Таким образом, для возникновения в рассматриваемый период туркменской национальной государственности, для объединения и национальной консолидации туркменских пле-

мен не оказалось еще достаточных социально-экономических и политических условий, хотя этого требовали интересы народа и прежде всего — интересы его свободы и независимости. Вот почему деятельность Нурберды-хана (а также и Коушут-хана) в этом направлении не могла тогда иметь успеха. Несмотря на все свое влияние и авторитет, огромную по тогдашним условиям власть, которой он был наделен, Нурберды-хану не удалось установить единства туркменских племен и искоренить междоусобицы. Этого не удалось сделать не только в масштабе всей Туркмении, но и в пределах самого Ахальского оазиса, главным ханом которого он считался.

Продолжительные междоусобные распри способствовали усилению роли и укреплению власти отдельных племенных ханов и сердаров, которые постепенно превращались в сюзеренов более мелких родовых вождей, также являвшихся по существу феодальными собственниками. Нередко те или иные племенные ханы подчиняли своей власти по нескольку родовых групп. Наиболее влиятельные из них не желали признавать власть главного хана и были не прочь встать на его место. Как у мервских, так и у ахальских текинцев в каждом из их четырех племенных разветвлений (бек, векиль, бахши, сычмаз) имелся какой-либо «свой» хан, которого они при первом же удобном случае стремились выдвинуть на место главного хана. При возникновении разногласий между родами по какому-либо спорному вопросу, ханы эти обычно составляли оппозицию друг против друга, но более всего против главного хана, и, опираясь на поддержку своих соплеменников, старались извлечь как можно больше выгоды из разрешения данного вопроса, не желая при этом идти на какие-либо уступки. Поэтому нередко бывали случаи, когда по требованию родовой знати этих оппозиционных групп на маслахате вместо главного хана избирались четыре хана (по одному из каждой племенной ветви), именуемых в архивных источниках «ханами-правителями».

Известно например, что власть Нурберды-хана, особенно в последние 10 лет его жизни, несколько раз ограничивалась ханами-правителями на какое-либо определенное время. Сам он на это время становился лишь одним из ханов-правителей и представлял интересы векильской ветви, которая при каждом таком случае выставляла его кандидатуру.

У туркменских племен не было постоянного и правильно организованного войска. В случае нападения со стороны соседних феодалов по призыву ханов или по решению маслахата собиралось народное ополчение. Каждый здоровый муж-

чина в соответствии с требованием обычного права (адата) обязан был с оружием в руках и, в зависимости от имущественного своего положения, конным или пешим явиться в условное место сбора, а затем следовать за своим ханом или сердаром, беспрекословно исполняя его приказания. При нападении опасного врага за оружие брались не только все мужчины, но иногда даже женщины и подростки. Вооружение было неоднородное — от пистолета, капсюльных ружей, кривых сабель, до ножниц для стрижки овец, привязанных к концу длинной палки[1], что лишний раз подтверждало имущественное и сословное неравенство туркмен.

Несмотря на недостаточную организованность и плохое вооружение, туркменские воины славились своей храбростью и умением владеть оружием, искусно маневрировать, стойко обороняться и стремительно наступать.

Вся внутренняя жизнь населения туркменских районов регулировалась неписанными законами адата и шариата (мусульманское право), которые составляли правовую основу общественной жизни, соответствовавшую его социально-экономической основе. Спорные дела между отдельными лицами и родами разрешались аксакалами обычно по адату. На основании шариата разбирались дела, касающиеся семьи, семейных отношений, брака, наследства и т. п. Блюстителями шариата являлись казии, муллы и ишаны, которые, пользуясь отсталостью и невежеством простого народа, стремились подчинить своему влиянию все стороны личной и общественной жизни людей. В их руках было обучение детей, а также совершение обрядов, связанных с рождением, смертью, браком, разводом, наследованием и т. д. Владея огромными участками земли, они обирали простой трудовой народ. Мусульманское духовенство туркмен играло глубоко реакционную роль, внушая людям догмы ислама о покорности и смирении, освещая и увековечивая консерватизм жизненного уклада, дикие нравы и обычаи. Реакционной по своему характеру была его роль и в политической жизни страны. Из архивных источников известно, что подавляющее большинство туркменских мулл и ишанов были ярыми противниками сближения с Россией. Их антирусская деятельность была одной из серьезных причин, приведших к кровопролитным сражениям под Геок-Тепе.

Культура туркменского народа, несмотря на значительные успехи туркменской литературы, заметные сдвиги в области

[1] История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад. Изд-во АН ТССР 1957, стр. 46

народного творчества, ремесленно-кустарного производства и строительства в целом была очень отсталой. Низкий уровень социально-экономической жизни, пережитки патриархально-родового строя, задерживавшие развитие производительных сил — основная причина культурной отсталости туркменских племен, выражавшаяся в почти сплошной неграмотности населения, отсутствии национальной письменности, крайне низком уровне образования, которое к тому же носило чисто религиозный характер (светское образование в то время отсутствовало).

Внешнеполитическое положение Туркменистана

В середине XIX в. внешнеполитическое положение Туркменистана определялось главным образом усилением агрессивных, захватнических целей соседних феодальных государств—Ирана, Хивы и Бухары. Правда, бухарские эмиры вынуждены были довольствоваться сохранением своего господства лишь над туркменами—эрсари в районах Чарджоу и Керки, но хивинские ханы и иранские шахи продолжали оспаривать друг у друга власть почти над всей остальной частью туркменских земель. Плодородные оазисы Южного Туркменистана оставались ареной кровопролитных войн, в которых вынуждено было принимать участие туркменское население этих районов. Народные массы вели мужественную борьбу против произвола соседних феодальных правителей, нанося подчас сокрушительные удары по их агрессивным планам. В то же время основная часть феодально-родовой знати туркмен — ханы и сердары за определенное вознаграждение оказывали услуги хивинскому хану или иранским правителям, иногда даже участвуя в их грабительских походах, направленных против самих же туркмен. Так, например, в 1842 г. в походе хивинского хана Рахимкули (1842—1845 гг.) против эрсарийских туркмен, наряду с сарыкскими и салырскими феодалами, принимали участие и текинские феодалы, известные в Ахале — Хансахат-сердар и Ханнепес-аталык[1].

Иранские источники свидетельствуют об активном участии текинской знати в реакционном по существу мятеже хорасанского феодала Салара[2], начавшемся в 1846 г под влиянием

---

[1] Ф. К. Максимович. Социально-экономический строй Закаспийских туркмен накануне присоединения к России Ашхабад, 1960, стр 97

[2] МИИТ, т II М.-Л., 1938, стр 240—243

и явном подстрекательстве английской разведки[1]. Опираясь на поддержку войск текинских ханов (Кара оглан-хана из Ахала, Коушут-хана и Ораз-хана из Серахса), Салар сумел на первых порах добиться значительных успехов, заняв Мешхед и упрочив на некоторое время свое влияние в Хорасане. Однако в 1850 г шахские власти осадили Мешхед и, несмотря на прибытие трехтысячного отряда марыйских туркмен на помощь Салару, мятеж этого авантюриста был подавлен, после чего начались казни и преследования его участников. Связь туркменских ханов с Саларом послужила шахскому правительству лишним поводом для организации против туркмен карательных экспедиций и набегов, от которых больше всего претерпели жители Ахала и Серахса.

Одновременно с этим туркменские оазисы продолжали подвергаться разорению и со стороны хивинских ханов. Начиная с 40-х годов XIX в. основным объектом притязаний Хивы и Ирана становятся районы Мерва и Серахса. Хивинский хан Мухамед Эмин за 10 лет своего правления (1845—1855 гг.) предпринял 8 больших походов против марыйских, серахских и тедженских туркмен. При этом каждый раз он добивался «покорности» также и со стороны ахальских туркмен. Главный удар хивинских войск был направлен против текинцев Серахса и сарыков, которые иногда обращались за помощью к иранскому правительству, которое пользовалось случаем для захвата туркменских земель.

За период 1850—1852 гг войска шаха дважды вторгались в район Серахса. В результате здесь было установлено иранское господство, которое, однако, продержалось недолго. Широкие массы туркмен не могли и не хотели мириться с гнетом хивинских и иранских феодалов. Все усиливающийся национальный гнет и военно-феодальная экспансия со стороны соседних деспотий в конце концов создавали благоприятную почву для все более активного и организованного сопротивления завоевателям. Уже сам по себе факт бесконечных военных походов, предпринимавшихся последними против туркмен, убедительно свидетельствует о борьбе туркменского народа за свою свободу и независимость.

В марте 1855 г текинцы Серахса под предводительством Коушут-хана наголову разбили хивинское войско Мухаммед Эмина, пытавшегося силой переселить их из родных, насиженных мест. Эта победа коренным образом изменила политиче-

---

[1] Об этом подробно см. М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М. 1952, стр. 172—173.

скую обстановку во всей Туркмении. Серьезный удар, нанесенный Хиве и вызвавший в ханстве длительную внутреннюю борьбу, привел к падению его престижа среди туркмен. Поражение Мухаммед Эмина в 1855 г. явилось как бы поворотным моментом в борьбе туркмен за свою независимость.

Характерной особенностью борьбы южнотуркменских племен в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. является их совместное выступление против завоевателей. Несмотря на политику систематического разжигания межплеменной розни, проводимую правительством Хивы и Ирана, их продолжавшаяся на протяжении веков военно-феодальная экспансия и жестокий национальный гнет создали ряд предпосылок для совместных выступлений туркмен против общего врага. Это особенно наглядно подтвердилось в битве около Карры-Кала в 1858 г.

Шах Ирана Насреддин (1848—1896 гг.), пользуясь ослаблением Хивы — своего главного соперника в борьбе за туркменские земли, решил в 1858 г. еще раз попытаться захватить Южный Туркменистан. С этой целью он дал распоряжение буджнурдскому ильхани Джафар Кули-хану захватить Карры-Кала и Ахал. Угроза завоевания вынудила гокленов, населявших Карры-Кала, обратиться за помощью к текинцам Ахала и иомутам.

Недалеко от Карры-Кала, в местечке Монджуклы-Депе, текинцы и иомуты соединились с гокленами и произвели внезапное нападение на войско Джафар Кули-хана. В результате кровопролитного сражения иранские захватчики понесли тяжелое поражение и вынуждены были отступить. Победители захватили много пленных и большое количество военных трофеев, в том числе пушку, которая была увезена и стояла сначала в Аннау, а затем в Геок-Тепе, где хранилась до захвата царизмом этой крепости, почитаемая текинцами как реликвия, напоминающая об их славной победе.

Объединенными силами туркмен, участвовавшими в разгроме войск Джафар Кули-хана, командовал Нурберды-хан Текинский, который был вознагражден за эту победу избранием его общеплеменным и главным ханом Ахала[1]. Историческое значение этой победы прежде всего состоит в том, что она

---

[1] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. I, стр. 67. Абдысетдар-казы называл Нурберды главным ханом Ахала еще до битвы под Карры-Кала. См. кн. рассказов о битвах текинцев. СПб, 1914, стр. 29.

предотвратила угрозу порабощения туркменских племен феодальным Ираном и способствовала усилению их дальнейшей борьбы за свою независимость. Вместе с тем сам факт совместного и успешного выступления туркменских племен под единым командованием явился большим политическим событием в истории туркменского народа вообще, в истории его национально-исторического развития — в особенности. Событие это наглядно показало единство целей, общность интересов всех туркменских племен в борьбе против захватнических планов и устремлений со стороны соседних феодальных государств, на протяжении веков грабивших и разорявших страну. Оно показало (и это самое важное) громадную силу объединенного народа в этой борьбе. Однако сложность внутриполитической истории Туркменистана этого периода заключается в том, что наряду с указанными фактами, свидетельствовавшими об исторически прогрессивном и отвечающем интересам народа сближении туркменских племен, в их взаимоотношениях наблюдались и совершенно противоположные по своим тенденциям и характеру явления. Так, в то время, когда население юго-западных районов Туркмении торжествовало победу над иранскими войсками, еще более сблизившую туркменские племена этих районов, в Мургабском оазисе шла жестокая борьба между сарыками и текинцами из-за плодородных земель. В этой борьбе принимал активное участие и феодальный Иран. Последний, стремясь укрепить свое влияние в Мары, поддерживал сарыкских феодалов, производя частые набеги на текинцев. В целях избавления от постоянных стычек с иранскими войсками, текинцы начали переселяться в северо-западные окраины Марыйского оазиса, в свою очередь вытесняя оттуда сарыков. Марыйские текинцы в борьбе с сарыкскими получили помощь от своих одноплеменников из Ахала. По этому поводу у Н. И. Гродекова имеются очень интересные данные.

«...Нур-Верды-хан, — пишет Гродеков, — через год после его выбора в ханы Ахала перешел в Мерв, откуда жившие там текинцы пришли просить его о помощи против сарыков, с которыми у них еще не были окончены счеты за владение плодоносными берегами Мургаба. Нур-Верды-хан, взяв с собой 2000 всадников, поехал в Мерв и в течение полугода покорил сарыков, частью вытеснив их из оазиса, а оставшихся расселил по 10—15 семейств между аулами текинцев Мерва. За это мервцы дали Нур-Верды-хану большой надел земли и воды и сосватали ему самую красивую и умную девушку из племени векиль—Гульджамал. Здесь он прожил два года, за-

тем возвратился в Ахал, где снова был признан ханом»[1]. Текинские ханы при помощи Нурберды-хана к 1860 г. окончательно укрепились в Мары, вытеснив оттуда сарыков. В ответ на это иранское правительство направило в Мары тридцатитысячную армию под начальством близкого родственника шаха Хамзы Мирзы Эшмет-Дауле Текинцы составили народное ополчение и под руководством Коушут-хана в кровопролитных сражениях, проходивших вначале недалеко от Кара-Яба и, главным образом, около развалин Сенд-Насыр, а затем также в Порсу-Кала и Серахсе, нанесли иранскому войску страшное поражение.

По словам хивинского историка Агехи, из общего числа иранских войск, насчитывавших 27 тыс человек, «часть погибла в сражении от меча храбрецов теке, часть умерла в пустыне от жажды, большая часть была забрана в плен»[2] Кроме того, в руки победителей попало громадное количество военных трофеев и другого имущества

Блестящие победы туркмен над Мухаммед Эмином (1855 г.) и иранскими войсками (1858—1860 гг.) предотвратили угрозу завоевания Туркмении Ираном и Хивой. Ни одно из этих агрессивных феодальных государств не смогли после этого предпринять сколько-нибудь организованного и серьезного похода против туркменских племен. Однако это еще отнюдь не означало, что туркмены навсегда избавились от разбойничьих набегов со стороны своих агрессивных соседей. Эти набеги продолжались вплоть до самого присоединения Туркмении к России. Имеются сведения о нападении иранских феодалов на туркмен даже в 1875 г., тогда, когда царизм сам уже открыто заявлял свои права на Туркмению. Так, из донесения русского консула в Иране Зиновьева от 1 сентября 1875 г. читаем: «...В конце июля месяца буджнурдский ильхани Яр-Мамед-хан сделал набег на туркмен-теке, которые потеряли при этом значительное число пленными и убитыми. головы последних отправлены в Тегеран»[3].

Необходимо подчеркнуть, что источники (особенно русские) содержат данные не только о грабежах со стороны хивинских и иранских феодалов. В них имеется немало сведений о так называемых «аламанах», то есть набегах, совершавшихся самими туркменами, причем сведения эти явно преувеличены и чрезмерно раздуты с шовинистских колонизатор

[1] Н. И Гродеков. Указ раб., т. I, стр. 70—71
[2] МИТТ, т. II, стр. 603—604.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 266.

ских позиций. Составители этих документов стремились в целях обоснования и оправдания колонизаторской политики русского царизма объяснить набеги туркмен их «зверством» и «природной склонностью и страстью к грабежам».

Вопрос об аламанах, вызвавший много споров среди советских историков, подробно освещается в ряде специальных работ[1]. Поэтому мы не будем на нем подробно останавливаться, а отметим лишь, что при определении причин, характера и целей аламанов надо исходить из конкретного анализа социально-экономической и политической жизни туркмен, которые не только вынуждены были вести борьбу с внешними врагами, но и находились в состоянии бесконечных междоусобных распрей.

Эти постоянные междоусобицы приводили к господству в стране анархии и произвола, когда отдельные группировки туркмен, возглавляемые родо-племенными ханами и сердарами, в своих отношениях с соседями иногда занимали противоположные друг другу позиции, совершали несогласованные действия, что нередко приводило к недоразумениям и нежелательным последствиям. От всего этого в первую очередь страдал простой трудовой народ — скотоводы и земледельцы

Такую внутриполитическую борьбу в Туркмении можно было наблюдать и перед самым присоединением к России. Борьба эта была вызвана в основном развитием феодальных отношений в самом туркменском обществе, а также внешнеполитическими обстоятельствами. Главными из этих обстоятельств были крайне натянутые враждебные взаимоотношения с соседними феодальными государствами. Вместе с тем определенную роль в этом деле стали играть англо-русские противоречия на Среднем Востоке, заметно усилившиеся в третьей четверти XIX в. Активизация антирусской деятельности британской разведки в пограничных с Персией районах Туркмении, с одной стороны, и все большее усиление влияния России среди туркмен — с другой, не могли не отражаться на внутриполитическом положении Туркменистана в тот период. Вот почему причины сложности затянувшегося процесса присоединения Туркмении к России и неодинакового характера вхождения в состав русского государства отдельных туркменских районов следует

---

[1] Г. И. Карпов. Аламаны. Туркменоведение, № 5, 6, 1931, А. К. Каррыев. Борьба туркмен против агрессии иранских шахов. Совет эдебияты. № 10, 11, 1949; А. А. Росляков. Аламаны. Советская этнография, № 1, 1955 и др.

объяснять исходя из совокупности всех указанных выше обстоятельств.

Известно, что туркменские племена, населявшие западные и юго-западные районы Туркмении — иомуты, гоклены, абдалы, игдиры и другие, еще издавна находились в определенных отношениях с Россией. Не вдаваясь глубоко в исторические подробности, укажем лишь на то, что начиная с XVIII в., они неоднократно обращались к русским властям с просьбой о принятии их в подданство России. Сохранившиеся архивные источники и опубликованные документы[1] убедительно показывают, как во время многочисленных русских экспедиций, предпринятых с целью изучения восточного берега Каспийского моря, прибрежные туркмены активно помогали исследователям, предлагая им услуги в качестве проводников, предоставляя перевозочные средства, обеспечивая продуктами питания. При этом каждый раз туркмены просили ходатайствовать перед «белым царем» о принятии их в русское подданство, о постройке крепостей на туркменском берегу, о разрешении русскому купечеству торговать с ними на Каспийском море.

Одной из причин тяготения прикаспийских туркмен к России являлось то, что они, как и другие туркменские племена, подвергались бесконечным грабительским набегам и притеснениям со стороны хивинских ханов и особенно персидских феодалов. Безграничный произвол соседних феодальных деспотий вынуждал туркмен искать защиту у более сильного государства, каким в то время могла быть для них только Россия. Туркмены-скотоводы испытывали потребность в пастбищах, часто нуждались в хлебе и других предметах потребления, что в условиях натянутых отношений с соседними государствами также вынуждало туркмен просить помощи у России.

История знает немало примеров, когда русские власти протягивали руку помощи голодающим туркменам, высылая к ним суда с хлебом, предоставляя им убежище от преследования со стороны врагов, разрешая им селиться и кочевать в степных просторах южной России. К середине XIX в. число туркмен, принявших русское подданство, доходило до 115 тыс. человек, объединенных более чем в 23 тыс. кибиток[2].

---

[1] См. сборник документов «Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России)». Ашхабад, изд-во АН ТССР, 1963.

[2] История Туркменской ССР, т. I, кн. 2, Ашхабад, изд-во АН ТССР, стр. 104.

Другим важным фактором сближения туркмен с Россией были их многовековые торговые связи. Окончательно установившись во второй половине XVI в., когда русское государство получило возможность выхода в Каспийское море и, постепенно развиваясь, эти связи к середине XIX в. стали играть исключительно важную и подчас едва ли не определяющую роль в общественно-экономической и политической жизни прикаспийских туркмен.

Основным промыслом значительной части прибрежных туркмен была добыча нефти, озокерита, соли, серы, краски. В то же время почти все население прибрежья занималось рыболовством. В скотоводческих районах Прикаспия туркмены-чарва выделывали шкуры, войлок, ковры. Все эти предметы в основном предназначались для продажи русским промышленникам и купцам. Торговля с русскими велась главным образом на острове Ашур-Ада, где еще в 1841 г. была основана русская военно-морская база. Туркмены привозили сюда для продажи рыбу, икру, визягу, соль, ковры, войлок, краски, а также шкуры (лисьи, корсаковые, шакальи), для себя же они покупали листовое железо, чугунные котлы, рыболовные снасти, сахар, чай и другие предметы[1].

В сближении с Россией были заинтересованы не только трудовые низы, больше всего претерпевавшие от междоусобиц и набегов соседних феодалов, но и значительная часть богатой верхушки туркмен-хозяев нефтяных колодцев, промысловых рудников, больших отар овец, рыбачьих артелей и т. д. Наиболее известные представители прикаспийских туркмен, подобно Кият-хану, стремились при помощи русского государства упрочить свое экономическое и политическое влияние в среде своих соплеменников. Дальновидная часть туркменской феодально-байской верхушки рассматривала царизм как гаранта своих имуществ, земельной собственности и власти, и поэтому была не прочь занять удобное местечко под крылом двуглавого орла.

Все перечисленные факторы в целом объясняют причину усиления влияния России в прикаспийских районах Туркмении, хотя мирное присоединение этих районов к России будет объясняться еще и другие факторами. В Ахале, Мары и других внутренних районах Туркмении влияние России было намного слабее. Население Ахала и Мары имело о России лишь смутные представления, в большинстве случаев взятые

---

[1] Л. С. Берг. История исследования Туркмении. Туркмения, т. I, Л., Изд-во АН ТССР, 1929, стр. 105—106.

из вымышленных рассказов духовных «грамотеев»-казиев и мулл. Однако, страдая от разорительных набегов соседних феодальных государств, испытывая гнет «своих» баев и ханов и постоянно страдая от их бесконечных междоусобных распрей, народные массы и здесь искали пути и возможности избавиться от такого тяжелого положения. Им надоело жить в постоянном страхе за свою жизнь, надоела необходимость держать соху одной рукой, чтобы другой держать оружие. Именно эта жажда мира и обусловила в первую очередь тяготение туркмен к России. Поэтому, когда западные районы Туркмении уже оказались в составе России, из Ахала, а впоследствии из Атека, Теджена и Мары к русскому командованию начали приходить делегации с мирными предложениями и просьбой о принятии в русское подданство. Тяга к России абсолютного большинства жителей Туркмении не могла, однако, исключить существования здесь и других партий и группировок, ориентировавшихся на Хиву, Иран и даже на Англию. В условиях родо-племенной раздробленности и междоусобиц это обстоятельство еще больше обостряло внутриполитическую борьбу и создавало большие трудности на пути мирного присоединения Туркмении к России. Многое впрочем зависело от политики самого царского правительства. Именно захватническим и грабительским характером этой политики следует объяснить причину кровопролитных сражений в Туркмении. Об этом подробно будет сказано в процессе изложения хода присоединения Туркмении к России. Роль важного военно-политического фактора в подготовке присоединения Туркмении к России сыграло подчинение последней среднеазиатских ханств.

ПОДЧИНЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ В ТУРКМЕНСКИХ РАЙОНАХ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА ЦАРИЗМА

В конце 50-х годов прошлого столетия на страницах русской периодической печати все громче стали раздаваться голоса о необходимости безотлагательного захвата среднеазиатских земель. В главном штабе уже велись работы по составлению наиболее преемлемых вариантов плана, бесконечно обсуждались вопросы, связанные с военными приготовлениями к будущему походу. Не менее бурно обсуждался «среднеазиатский вопрос» в ряде других ведомств и министерств. Он не сходил с повестки дня совещаний и заседаний различного рода объединений промышленников и заводчиков. Интересы

русской буржуазии и помещиков особенно рьяно отстаивали «Московские Ведомости» и другие печатные органы наиболее влиятельных политических и деловых кругов России.

Широкое военное наступление в Средней Азии началось в начале 60-х годов. К этому времени резко изменилось внутреннее и международное положение России. Царскому правительству удалось ослабить на время непосредственно возникшую опасность революционного взрыва в стране. Революционная ситуация, сложившаяся в 1861—1863 гг., не переросла в революцию. Самым жесточайшим образом были подавлены восстания 1863 г. в Польше, Литве, Белоруссии и на правобережной Украине. Полностью было закончено и длившееся в течение нескольких десятилетий покорение Кавказа. Оно отвлекало внимание правительства и ресурсы страны. Все это в известной мере задерживало попытки царизма приступить к решительным действиям в среднеазиатских ханствах. Осуществление планов военных захватов царизма в Средней Азии задерживалось так же сложившимися в то время внешнеполитическими условиями России. Царской России удается преодолеть трудности, связанные с политической изоляцией, в которой она находилась в течение всего периода после Крымской войны 1853—1856 гг.

После событий, происшедших во внутренней и внешнеполитической жизни страны, царизм приступил к осуществлению планов военного захвата среднеазиатских ханств. С этой целью царизм начал осуществление некоторых мер, направленных на расширение зоны действий на так называемых Сибирской и Сырдарьинской линиях. Осенью 1864 г. царские войска вплотную подошли к городу Ташкенту — одному из крупнейших торгово-экономических пунктов Средней Азии. 17 мая 1865 г. отряд царских войск под командованием генерала Черняева после ожесточенного штурма овладел городом[1].

Осенью 1865 г. Ташкент был объявлен независимым владением[2]. Осуществляя такую меру, царское правительство стремилось ослабить влияние Коканда[3] и Бухары на этот город. Прошло немного времени и из-за Ташкента начались стычки между отрядами царских войск и войск бухарского эмирата на Сырдарье (у местечка Ирджара). Результаты

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 88.

[2] Там же, стр. 89.

[3] К этому же периоду относится подчинение царизмом Кокандского ханства.

этих стычек оказались благоприятными для царизма. Бухарские войска терпели поражение за поражением. Отряды царских войск наступали, продвигаясь все дальше. В их руках оказались вскоре Ура-Тюбе, Джизак, Янги-Курган. Это означало отход части территории Бухарского эмирата к России. Теперь царское правительство могло там твердо установить свое господство.

В 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в г. Ташкенте. Царское правительство приступает к практическому решению вопроса об окончательном подчинении всего Бухарского эмирата[1].

Решительное наступление на Бухару началось весной 1868 г., и уже 1 мая упорные бои шли под Самаркандом. 2 мая царские войска заняли Самарканд и стали двигаться на запад, в сторону Катта-Кургана. Сражение на Зерабулакских высотах предрешило судьбу всего эмирата. 2 июня армия эмира потерпела здесь поражение. 23 июня 1868 г. между Россией и Бухарой был заключен мирный договор. Вся завоеванная территория до Зерабулака была присоединена к России и вошла в состав только что созданного Зеравшанского округа. Территория Туркестанского генерал-губернаторства теперь охватывала и значительную часть владений Бухарского эмирата. Так было завершено подчинение Бухарского ханства.

Через 5 лет договор 1868 г. был дополнен некоторыми новыми условиями. Новый договор был подписан 18 сентября 1873 г. Условия этого договора значительно расширяли права России в Бухарском ханстве. По условиям этого договора Бухара признавалась протекторатом царской России и ей запрещалось вести самостоятельные сношения с иностранными государствами[2]. По договору 1868 г. большая часть территории ханства (в том числе г. Самарканд) присоединялась к России. Из завоеванных территорий был образован Зеравшанский округ в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Правительство бухарского эмира было обязано предоставить русским подданным право свободной торговли и обеспечить их безопасность, разрешить русским купцам и промышленникам учреждение торговых агентств во всех жела-

---

[1] Более подробно о развитии русско-бухарских отношений и внутриполитической борьбы в самом ханстве в связи с продвижением русских войск см. Н. А. Халфин, «Присоединение Средней Азии к России», стр. 214–241.

[2] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 90

тельных им пунктах. Им было предоставлено право свободного проезда через территорию эмирата в соседние государства[1]. Путь русским торговцам во все уголки вновь приобретенного края был открыт. Обширный рынок ханства полностью был передан в руки русских купцов и промышленников. Договор 1873 г. еще более закрепил экономические и политические позиции России в бухарском ханстве.

Вполне понятно, почему этот договор сразу же вызвал большой резонанс среди деловых кругов за рубежом и в особенности в Англии. Характеризуя значение договора 1873 г для России, берлинский корреспондент газеты «Таймс» 5 января 1874 г. сообщил, что он составлен по образцу договора с Хивой, и, что новый договор даст возможность России организовать судоходство на Аму, а русские суда могут добраться до самых границ с Афганистаном. Корреспондент английской газеты подчеркивал как особенно важный фактор, что «...Бухара этим договором почти отделена от остального мира, так как доступ в нее открыт со стороны России только по русскому паспорту»[2].

1 января 1886 г. в Бухаре было учреждено Российское политическое агенство, которому представлялись широкие полномочия вмешиваться во внутренние дела ханства и обеспечивать осуществление необходимого контроля над деятельностью ханских властей[3]. На агентство возлагалась обязанность следить за внешнеполитическим состоянием ханства своевременно и во всех подробностях информировать Туркестанское генерал-губернаторство. Как видно, самостоятельность ханства была лишь номинальной. На самом деле эмир Бухары превратился в покорного вассала русского царя. Царское правительство не пошло на ликвидацию власти феодальных правителей Бухары как из внешнеполитических, так и из внутренних политико-административных соображений[4]. Учитывалось, например, не без оснований наличие такого серьезного фактора, как возможность новых осложнений во взаимоотношениях с Англией. Установив формально режим

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 90.

[2] Сб. «Туркестан», т. 5, стр. 67.

[3] Подробно о правах и обязанностях политического агента см. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 141. Об изменениях в компетенции политического агента см там же, стр. 145.

[4] История Туркменской ССР, т I, кн. 2 Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 116.

протектората над Бухарой, царское правительство учитывало также то обстоятельство, что сохранение прежних форм управления населением не только не тормозит, а наоборот будет содействовать осуществлению планов колониального порабощения населявших территорию ханства узбекского, таджикского, туркменского и других народов.

В течение первых двух десятилетий ни условия мирного договора 1868 г., ни какие-либо другие законодательные акты, касающиеся административно-хозяйственного устройства эмирата, не внесли существенных изменений в социально-политическую и экономическую жизнь туркменских районов ханства. Туркмены, населявшие районы среднего течения реки Амударьи, после завоевания ханства, остались подданными бухарского эмира.

Имеющиеся сведения о жизни туркмен указанного периода слишком отрывочны и разноречивы. Они не позволяют получить сколько-нибудь полное представление о положении трудовых масс, отношении их к событиям, вызванным мерами царского правительства, направленными на установление и упрочение своих позиций на первоначальном этапе включения ханства в состав России. Источники умалчивают также о том, какой резонанс вызвали военные действия, развернувшиеся в пределах ханства в период продвижения царских войск к наиболее важным центрам эмирата. Сообщается лишь, что население туркменских районов, так же как и большинство населения ряда других частей ханства, не оказало активной поддержки в его попытках организовать сопротивление русскому продвижению[1]. Эти районы оказались даже несколько в стороне от мест военных действий, длившихся всего лишь несколько недель, и поэтому они не затронули и прошли почти незаметно для населения. Неизвестно так же в какой мере были восприняты населением этих районов печальный для всего ханства исход боев и паническое бегство войск во главе с эмиром, так ярко и метко охарактеризованное выдающимся просветителем Ахмадом Дониш[2]. Не ясны так же обстоятельства появления в конце 1868 г. двух туркмен в английском посольстве в Тегеране и причины, побудившие просить посла взять туркмен, населявших территорию эмирата, под англий-

---

[1] История Туркменской ССР, т. 1, кн. 2. Ашхабад. Изд-во АН ТССР 1957, стр. 116.

[2] З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Сталинабад, Таджикское государственное издательство 1957, стр. 174—175.

ское покровительство[1]. Это не единственный случай. С такой же просьбой в Тегеран или какой-либо другой пункт Ирана и Афганистана, откуда велось усиленное наблюдение за продвижением русских в Среднюю Азию, иногда появлялись «депутации» туркмен, населявших пределы Бухарского эмирата.

Данных о привлечении туркменского населения к уплате контрибуции нет[2]. Известны лишь факты, свидетельствующие о попытках туркмен принять подданство России, то есть перейти в полное подчинение русской администрации. Так например, в феврале 1877 г. туркмены, населявшие район между городами Чарджуй и Керки, общим числом 60 тысяч кибиток, отправили к Туркестанскому генерал-губернатору своего представителя с письмом, в котором они просили принять их в подданство России. В письме сообщалось так же о произволе и притеснениях, которые терпели туркмены со стороны эмирских властей[3]. Вопрос о бесправном положении туркмен в Бухарском ханстве и стремлении их принять русское подданство стал приобретать все более острый характер. Это указывается в письме туркестанского генерал-губернатора от 24 октября 1885 г. на имя министра иностранных дел[4]. Однако, вопрос о принятии туркмен остался открытым. В указанном выше письме туркестанский генерал-губернатор высказывал сомнение по поводу возможности положительного решения вопроса. Он мотивировал это тем, что непосредственное подчинение туркмен русской власти «вызвало бы присоединение к русским владениям всей левой береговой полосы Амударьи от афганской до хивинской границы, занятие русскими войсками крепостей Керки и Чарджуя и коренное изменение отношений, ныне существующих, между русским правительством и Бухарой»[5].

Администрации Закаспийской области не раз приходилось возбуждать перед вышестоящими инстанциями вопрос о том, как быть с настоятельными ходатайствами приамударьинских туркмен по поводу желания их принять русское подданство. Закаспийское начальство, сообщая о письмах туркмен, в которых отражалось стремление их принять русское подданст-

---

[1] М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875, стр. 85; он же. История завоевания Средней Азии, т. II. СПб., 1906. стр. 61.

[2] На основании договора 1868 г эмир бухарский обязывался уплатить контрибуцию в размере 500 тыс. рублей.

[3] ЦГА УзССР, ф. и-1, оп 2, д. 222, л. 1, ЦГВИА, ф ВУА, д 60, 1885, л. 2.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д 596, л 13

[5] Там же, л. 17.

во, особо указывало на присутствие у них духа считать себя только подданными России, а не Бухары[1]. Вопрос о необходимости упрочения позиции России на всем среднем течении Амударьи стал приобретать все более острую форму. На первый план выдвигались более важные вопросы, чем принятие туркменами левобережья Амударьи в подданство России. Первостепенной задачей царское правительство считало упрочение своих позиций на обширных землях Средней Азии, в том числе и Туркмении, ее юго-восточных районах. Царскому правительству необходимо было установление безраздельного господства в среднеазиатском рынке. Лицемерно ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности судоходства на Амударье, в пограничных с Афганистаном районах, оно постепенно создавало цепь пограничной стражи, которая тянулась от г. Керки до Дарваза. Город Керки становится одним из важных опорных баз царизма в этом районе. Важным форпостом царской России становится также и г. Чарджуй[2]. Воинские гарнизоны в Чарджуе и Керки были учреждены еще в начале 80-х годов. Отряд русских войск в Керки прибыл в мае 1883 г. В торгово-промышленных кругах и правительственных сферах укреплению района Керки придавалось большое значение. Указывалось, например, что «отряд в Керки явится серьезной угрозой для английских происков, и, надо думать, значительно парализует их не только в Азии, но и вообще на Востоке»[3]. А когда отряд прибыл в Керки, на страницах «Правительственного Вестника» от 4 июня 1883 г. было помещено сообщение, в котором подчеркивалось значение этого пункта в укреплении позиций России на границах с Афганистаном. В корреспонденции также указывалось, что оно послужило началом установления взаимоотношений с местными жителями. Газета особенно подчеркивала, что тревога в среде афганцев, охватившая их в связи с пребыванием в Керки русского гарнизона, рассеивается. Учреждению военных гарнизонов на левобережье Амударьи придавалось важное значение. На страницах печати отводилось большое место новому шагу правительства на границах с Афганистаном.

Успехи политики царизма в этом районе были с удовлетворением встречены влиятельными политическими и торгово-промышленными кругами Российской империи[4]. Ведь освоение соседних рынков постоянно находилось в центре внимания

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт. Аз. ч., оп. 263/916-а, д. 156, л. 7
[2] ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт. Аз. ч., оп. 260/910, д. 74, лл. 1—4
[3] ЦГА УзССР, ф. И—3, оп. 1, д. 19, л. 45
[4] Н. А. Халфин. Указ. раб., стр. 239

торгово-промышленных кругов. Одна из центральных газет поместила корреспонденцию «На границе Афганистана», в которой указывалось: «В Средней Азии брожение мусульманского населения чрезвычайно быстро сообщается соседям, нарушая их мирные занятия и принося вред торговым интересам страны. С этой стороны нельзя не признать полезного значения для нас, за укреплением Керки, которое, находясь на большом водном пути, обеспечивает спокойствие не только пограничной с нашими владениями Бухары, но и дает нам, в крайнем случае, возможность произвести известное умиротворяющее воздействие на Мазар-и-Шериф»[1].

Чарджуй (Чарджоу) и Керки относятся к числу первых русских поселений, возникших на территории Бухарского эмирата. Из этих поселений затем выросли небольшие города[2]. Они так же как и другие русские города, расположенные на территории ханства, управлялись военными начальниками. С 1 января 1888 г. были учреждены управления воинских начальников[3]. Комендант г. Керки и военный начальник г. Чарджуя были уравнены в правах с уездными начальниками Туркестанского края. Российский же политический агент в Бухаре пользовался правами военных губернаторов в отношении русских административных учреждений и подданных, проживающих в Бухарском ханстве[4]. Поэтому его приговоры и решения комендант г. Керки и воинский начальник г. Чарджуя обязаны были выполнять неуклонно, точно и в срок[5]. В 1892 г. эмир подписал соглашение о перенесении русской таможенной черты на границу с Афганистаном. Этим Бухарское ханство окончательно лишилось самостоятельности в торговой политике и превратилось во внутренний рынок России[6]. Открытие таможен на границе началось с 1 января 1895 г. Русские таможни были открыты также в Керки и Келифе.

Большое влияние на развитие городов Чарджуй и Керки оказало учреждение в 1887 г. Амударьинской флотилии.

---

[1] Сб. «Туркестан», т. 7, стр. 97.

[2] Возникновение русских поселений в пределах Бухарского ханства и вопросы управления ими освещены в работе А. П. Фомченко «Русские поселения в Бухаре и их роль в экономическом развитии ханства и участие в революционном движении». Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.

[3] ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт. Аз ч., оп. 260/910а, д. 74, ч. 2, лл. 31, 141, 143.

[4] История Узбекской ССР, т. 1, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 141.

[5] «Инструкция коменданту гор. Керки» имеется в д. 3888 (ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, л. 20). Там же. «Инструкция Чарджуйскому начальнику» (л. 22).

[6] История Узбекской ССР, т. 1, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 143.

В Чарджуе и Керки создается ряд объектов торгово-промышленного значения, появляются конторы частных фирм, отделения банков и т. д. Туркменские районы ханства более активно втягиваются в общероссийский рынок. Усиливается процесс хозяйственного, политического и культурного сближения коренного населения с различными частями Средней Азии. Важную роль в этом играли города Чарджуй и Керки, которые как и другие военные аванпосты на афганской границе использовались царизмом как сила в подавлении народных выступлений против колониальной администрации и эмирского правительства[1].

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 141.

ГЛАВА II

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА К РОССИИ

Укрепление позиций царизма на восточном берегу Каспийского моря (1869—1870 гг.)

Стремительное проникновение царской России в Туркмению началось со стороны Каспийского моря в конце 60-х годов и было неразрывно связано с захватом всей Средней Азии в целом. Однако и в более отдаленные времена восточный берег Каспия был уже достаточно известен многим русским промышленникам и торговцам. Здесь неоднократно бывали экспедиции различных русских исследователей, на берегу моря в различное время и по различным поводам было сооружено несколько опорных пунктов и укреплений.

В 1834 г. у залива Кайдак был сооружен опорный пункт Ново-Александровское, который в скором времени был оставлен в связи с возникновением здесь опасной болезни — цинги. В 1846 г. взамен этого укрепления было построено другое — на полуострове Мангышлак, с южной стороны мыса Тюб-Караган, под названием Ново-Петровское, которое в 1857 г. было переименовано в (форт) Александровское.

Еще в 1840 г. в юго-восточную часть Каспийского моря была послана русская эскадра для крейсерства в Астрабадском заливе. В качестве якорной стоянки на острове Ашур-ада была создана русская военно-морская станция. Появление береговых опорных пунктов, а также учреждение крейсерства было вызвано главным образом необходимостью контроля со стороны России над водами Каспийского моря и обеспечения

в них безопасности рыбных промыслов русских промышленников. Вместе с тем это в значительной степени способствовало развитию торговли с прибрежным населением, главным образом — с туркменами и распространению среди них влияния России.

Интересы русских купцов и промышленников требовали более широких торговых операций и предпринимательской деятельности в юго-восточных прикаспийских районах. В правящих кругах России все чаще и чаще высказывались голоса о необходимости прочного укрепления позиций на туркменском берегу Каспия посредством устройства здесь военно-торгового пункта. Общее мнение в основном сводилось в этом отношении к выгодности занятия Красноводского или Балханского заливов, где имелись самые лучшие на всем восточном побережье Каспийского моря гавани для стоянки судов. Места эти были «облюбованы» еще Бековичем-Черкасским, а впоследствии Н. П. Муравьевым, Г. С. Карелиным и другими исследователями восточного берега Каспия, которые также убедились в удобстве их для устройства здесь укрепленного пункта. Очень примечательными в этом отношении являются соображения, высказанные еще в конце 40-х годов. П. В. Голубковым в его известной «Записке»[1], представленной на «высочайшее усмотрение» императора Николая I. В своей записке П. В. Голубков предлагал весьма своеобразный интересный план захвата Россией инициативы в торговле Европы с восточными странами и в качестве самой необходимой меры для этого выдвигал предложение об устройстве на берегу Балханского залива торгового порта.

«...Истинная слава и польза России состоит не в военных на Индию предприятиях и не в утверждении там непосредственно, а в утверждении на Балханском заливе торгового порта», — пишет он[2]. Будущий порт на туркменском берегу Каспия П. В. Голубков представляет «складочным местом всех российских произведений и европейского транзита, для дальнейшей их перевозки покупщиками во внутренние земли Азии и для обмена их на товары азиатские»[3]. Выражая интересы

---

[1] Многолетние соображения надворного советника Голубкова о направлении восточной торговли в Европу не мимо мыса Доброй Надежды, как она теперь производится, а через Россию, через посредство купечества российского и об учреждении в Москве Российско-Азиатского торгового дома, главного двигателя оного. «Туркестанские ведомости», № 29, 24 VII 1873.

[2] «Туркестанские ведомости», № 29, 24 VII 1873.

[3] Там же.

растущей русской торговой буржуазии. П. В. Голубков еще до основания Красноводска предсказывал все сулящие от этого выгоды, хотя следует сказать, что он несколько преувеличивал их в своем воображении.

В январе 1959 г. на заседании так называемого Особого Комитета по Средней Азии, где специально рассматривался вопрос о восточном береге Каспия, была единогласно признана «полезность возведения в Красноводском заливе укрепленной фактории»[1]. Однако в 1859 г. дальше этого признания дело не пошло в виду, как пишет Н. И. Гродеков, «натянутых отношений, бывших в то время с Персией»[2].

Вопрос о занятии восточного берега Каспия и установлении торговых связей с прибрежными туркменами рассматривался затем в 1865 г. в специально созданных для этой цели комиссиях. Одна из этих комиссий рассмотрела предложения двух известных предпринимателей — красноярского купца Савельева и коммерческого агента Кокарева. Первый из них просил предоставить ему исключительную монополию на торговлю с туркменами по уменьшенной пошлине, а Кокарев ходатайствовал о монопольном праве на вывоз нефти с острова Челекен[3]. Комиссия, как и следовало ожидать, отклонила просьбы этих частных предпринимателей, как «идущих вразрез общеторговым интересам правительства». Тем не менее факт этот является лишним доказательством того, что восточный берег Каспийского моря приобретал все большую и большую значимость в промышленных и торговых кругах России. Все это, безусловно, явилось прямым результатом дальнейшего развития русского капитализма, а еще точнее — развития его вширь на новые, еще «не освоенные» территории.

Если до 60-х годов занятие Красноводского залива и устройство здесь укрепленного пункта признавалось полезным в том смысле, что он будет способствовать русской торговле с восточными странами, то в 60-х годах необходимость создания такого пункта диктовалась уже не только экономическими, но и политическими интересами России. Очень показательно в этом отношении, что упомянутая выше комиссия пришла в 1865 г. к следующему заключению: «...Красноводск, представляющий все необходимые условия для образования важного опорного пункта на восточном берегу Каспийского моря, в отношениях политическом, торговом и промышленном (необходимо) занять постоянно, во всяком случае окажется

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в...», стр. 22.
[2] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. I, СПб., 1883, стр. 94.
[3] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в...», стр. 25—26.

или нет удобный караванный отсюда путь к Амударье...»[1]. Было решено занять Красноводск, точнее, место предполагавшегося нового укрепления под этим названием уже в следующем, 1866 г., однако ввиду усиленных военных действий, предпринимавшихся в тот момент царизмом с целью захвата центральных районов Туркестана, осуществление этого плана было оставлено до более удобного времени.

После подчинения Бухарского эмирата в 1868 г., в правительственных кругах России вновь заговорили о восточном береге Каспийского моря и, в частности, о будущем укрепленном пункте в этом районе, заранее нареченном Красноводском. Необходимость этого пункта стали теперь объяснять в добавление к уже известным экономическим и политическим еще и стратегическими соображениями: он, кроме всего прочего, должен был также служить военной базой для захвата Хивы и дальнейшего продвижения царизма в глубь Туркмении. Главнокомандующий Кавказской армией впоследствии (в 1874 г.) в своем письме к военному министру писал: «...При самом занятии нами Красноводска в 1869 г., одним из главных к этому поводов выставлена была необходимость влияния нашего на среднеазиатские ханства, так сказать, постоянной им угрозы от берегов Каспийского моря и возможность поддержания действий наших на Амударье со стороны богатого войсками и военными средствами Кавказа. В этом, по моему мнению, заключается существенная, можно сказать, основная идея водворения нашего на восточном берегу Каспия, так как вне этой цели само по себе занятие названного берега, очевидно, никакой выгоды представить для России не может...»[2]. Тем не менее при занятии Красноводска правительство в первую очередь учитывало, как и прежде, интересы русской торговой буржуазии.

В течение 1869 г. так называемое Русское общество содействия торговле и промышленности несколько раз занималось обсуждением вопроса о торговых путях в Среднюю Азию и, как видно из правительственных газет, каждый раз приходило к заключению, что «для русской торговли внутри Азии наибольшие выгоды может представить путь от Красноводского залива к Амударье и далее вверх по этой судоходной, почти не замерзающей реке»[3]. В выработанных по данному вопросу министерством иностранных дел России «соображениях» говорится, что «...Красноводску должен быть придан характер

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в...», стр 29.
[2] ЦГВИА, ф. 1393, оп. 1, д. 47, лл. 44—45.
[3] «Московские ведомости», № 232, 24 X 1869.

преимущественно торговой фактории, в которой товары находились бы в безопасности»[1]. Выгодность этой укрепленной фактории министерство признавало в том смысле, что она может «вселить доверие и преданность к русским со стороны местного населения... и удешевит пути из России в Среднюю Азию сравнительно с теперешними путями через степи», (то есть через Оренбург — Хиву и далее—Д. Д.)[2] Кроме того, особо отмечалось, что выгодное расположение Красноводска будет способствовать «оживленному сношению со всеми прибрежными местностями Каспийского моря: персидскими областями Мазендераном, Гиляном, Кавказом, Астраханскою губерниею и землею уральских казаков»[3].

Таким образом, проникновение царизма в Туркмению со стороны восточного берега Каспийского моря явилось в первую очередь результатом развития капитализма в России. Известные высказывания В. И. Ленина о том, что «...капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства...»[4], нашли еще одно свое наглядное подтверждение.

Были и другие обстоятельства, толкавшие царское правительство на захват Туркмении. Но, имея в виду, что причины колониальной экспансии царизма в Среднюю Азию в основном вскрыты в работах советских авторов, занимающихся этим вопросом, мы не будем специально затрагивать их. Естественно, что те главные факторы, которыми определялось вхождение Средней Азии в состав Российской империи, характерны и для Туркмении, как неотъемлемой части Средней Азии.

Свое стремление укрепиться на восточном берегу Каспийского моря царское правительство пыталось объяснить желанием «сохранить спокойствие» в своих среднеазиатских владениях. Имелись сведения, что правящие круги Афганистана и Турции под давлением Англии намереваются предпринять попытку организации антирусской коалиции. По словам Н. И. Гродекова, в Средней Азии в тот момент могло создаться угрожающее для России положение, предотвратить которое можно было только созданием русской военной базы на

---

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в...», стр. 36.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

туркменском берегу Каспия[1] Спустя 8 лет после описываемых здесь событий, завершившихся занятием и устройством Красноводска, генерал Ломакин писал, что пункт этот, в случае образования в Средней Азии враждебной России коалиции, мог бы послужить базой для действия кавказских войск совместно с туркестанскими[2].

Свое вступление на территорию Туркмении царское правительство всячески пыталось обосновать различными мотивами и поводами.

В начале ноября 1869 г. небольшой русский экспедиционный отряд под начальством полковника Столетова высадился на берегу Каспийского залива. Вскоре здесь возник город Красноводск, ставший впоследствии важным торговым портом и военной базой царизма на Каспийском море. Для осуществления своих колонизаторских планов в Западном Туркменистане царскому правительству необходимо было согласовать свои действия с соседней Персией, которая стала выражать беспокойство за судьбу своих туркменских «подданных». Дело в том, — и это самое главное, — что возникновение конфликта с персидским правительством могло быть использовано Англией в качестве повода для войны с Россией. Поэтому в ноябре 1869 г. правительству Персии было сделано со стороны русского правительства заявление о целях, связанных с занятием Красноводского залива, как «не имеющих никакого враждебного характера как по отношению к Персии, так и к соседним с нею туркменам»[3].

Царское правительство с самого начала своей экспансии в Средней Азии, особенно в Туркмении, придерживалось очень осторожной политики, стараясь не возбудить излишних разговоров и волнений в дипломатических и правительственных кругах Европы и прежде всего Англии. Приступая к занятию туркменского берега Каспийского моря, царизм с гораздо большей тщательностью, чем когда-либо раньше, старался «действовать без шума». Перед самым отправлением Столетову была дана инструкция, в которой, кроме всего прочего, указывалось на необходимость установления «дружеского сношения с туркменами»[4]. Ему категорически запрещалось предпринимать самостоятельно какие-либо меры, могущие вызвать недовольство местного населения. «...В отношении туркмен следует придерживаться того образа действий, которого

---

[1] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. 1, СПб., 1883, стр. 95.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 545, д. 1891, л. 54.
[3] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. 1, СПб., 1883, стр. 95.
[4] ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 613, лл. 18—22.

мы придерживались относительно их в Астрабаде, то есть чтобы они видели в нас не врагов, а покровителей, чтобы они убедились, что сношения с нами для них выгодны», — говорилось в специальной записке Министерства иностранных дел по этому поводу[1].

Однако было бы ошибочным считать, что благоприятная, мирная обстановка, в которой произошло вступление русских войск на территорию Туркмении, явилась результатом «миролюбивой» политики царского правительства. Политика русского самодержавия при всех обстоятельствах была и оставалась политикой колонизаторской. И не ею, а исторически-сложившимися условиями, характером веками развивавшихся русско-туркменских отношений и прежде всего тягой самих прикаспийских туркмен к России объясняется мирный характер вступления русских войск на территорию Туркмении. Прикаспийские туркмены, в частности, самое большое их племя — номуты, не только не оказали сопротивления русским войскам, но даже всячески старались показать свое доброжелательное отношение к ним. Они охотно отдавали им внаем своих верблюдов по договоренным ценам, предоставляли русскому отряду продовольствие, фрукты, кибитки, предлагали услуги проводников и даже просили взять их на постоянную работу в отряд. Именно об этих фактах весьма благожелательного отношения туркмен к русскому отряду и говорилось впоследствии в отчете генерала Ломакина высшему начальству[2]. Сразу же после того, как отряд Столетова высадился в Красноводском заливе и заложил здесь будущий Красноводск, среди русских купцов стало наблюдаться заметное оживление. Многие из них стали строить планы организации торговли с будущим городом, вернее — через него с открывавшимся новым большим рынком, думать какие товары и на чем туда отправлять? Некоторые пожелали сами съездить туда, чтобы обо всем узнать на месте.

В свою очередь и среднеазиатские купцы не безучастно отнеслись к основанию Красноводска. В то время, когда русское купечество собирало необходимые сведения об этом пункте и только еще готовилось к открытию там своих заведений, сюда стали постепенно прибывать туркменские, а также хивинские торговые караваны. Часть их товаров продавалась непосредственно в Красноводске, а остальное транспортировалось в Баку, Астрахань и другие города Российской империи[3].

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 34.
[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 545, д. 1891, лл. 5—132.
[3] «Туркестанские ведомости», № 25, 27 VI 1872.

Благожелательное отношение туркмен к мероприятиям русских в Красноводске во многом способствовало оживлению обоюдных торговых связей. Примечателен тот факт, что торговые караваны, направлявшиеся из Хивы в Красноводск через туркменские степи, не брали тогда с собой вооруженного конвоя, ввиду безопасности этого пути[1]. Развитие торговых и экономических связей с Россией было, безусловно, в интересах той части туркмен, которые имели непосредственное отношение к различным промыслам и предпринимательской деятельности.

Последовательно проводя политику «благих намерений в Прикаспии», царское правительство шло на известные «жертвы». Столетову были отпущены специальные товары и определенная денежная сумма не только для расходов на покупки у туркмен верблюдов, кибиток, кошм, продуктов на наем проводников и погонщиков, но также для подарков и угощений туркменских старшин и ханов. В письме на имя военного министра Милютина от 8 декабря 1869 г. Столетов уже сообщал, что к нему из Балхан приходило несколько иомутских старшин, которым он «раздарил почти все сукно, взятое для подарков». «Очень желал бы, — пишет он далее, — чтобы мне прислали еще кусков 9 сукна (синего, красного, коричневого — по 3 куска каждого цвета), дешевого, но прочного и порядочного, а также побольше дешевого чая, который разбирается у меня с быстротой неимоверной»[2].

В марте 1870 г. по просьбе туркмен шихского племени и по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией, в составе Красноводского отряда был сформирован специальный «отряд туркменской милиции» и создан верблюжий транспорт, обслуживаемый местными погонщиками[3]. Характеризуя и оценивая этот факт «Туркестанские ведомости» писали: «Польза от сформирования туркменской милиции будет заключаться в упрочении связи между русскими и кочевым населением страны, которое в первое время, весьма естественно, должно относиться недоверчиво к нашему водворению в этой местности...»[4]. Служба в русском отряде давала туркменам некоторые заработки, что при крайней бедности основной их массы служило значительным подспорьем для существования. В таких заработках особенно нуждались шихские туркмены, жившие в весьма тяжелых материальных условиях. Вот что пишет один из русских обозревателей, посетивший в 1872 г. аул

[1] «Туркестанские ведомости», № 25, 27 VI 1872.
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 29 – 30.
[3] «Туркестанские ведомости», № 3, 1 VI 1870.
[4] Там же.

шихских туркмен, расположенный недалеко от Красноводска: «...Туркмены здесь большею частью очень бедны, рыбная ловля бывает иногда неудачна, и тогда они находятся в бедственном положении; мы обошли несколько кибиток: какая ужасающая нищета проглядывает в некоторых из них; вот например, одна: хозяин ее болен и не может работать, он страдает глазами..., тут же жена и дети; неопределенного цвета лохмотья кое-где прикрывают потрескавшуюся от сильного зноя кожу; ...повсюду изорванная кибитка просвечивает как решето; несколько грязных подушек, две или три кошмы, чугунный котелок, небольшой чувал с несколькими фунтами муки — вот все состояние этих несчастных...»[1]

Желая расположить к себе туркмен, царское командование оказывало некоторую помощь наиболее бедным семействам путем раздачи им из интендантских запасов муки, крупы и других продуктов. В Красноводске было организовано бесплатное лечение туркменского населения. Среди туркмен большой известностью пользовалось имя доктора Шкуратова, заведующего Красноводским госпиталем, который «с большим участием относился к больным»[2]. Иногда в дни каких-либо знаменательных дат устраивались празднества, на которых давались обеды «для бедного люда» ближайших туркменских селений. Одно из таких торжеств, организованное по инициативе русских офицеров на Красноводском мысе в честь 200-летия со дня рождения Петра I, было особенно памятным для местных туркмен[3]. Для «гостей» — туркмен было зарезано множество баранов; специально нанятые повара — персы готовили обильный плов, кебаб и другие восточные блюда. Обед, по словам очевидца, вылился в демонстрацию обоюдных выражений «благих намерений и чувств». От имени туркмен какой-то почетный мулла произнес приветственную речь и поблагодарил русские власти за то, что те «соблюдают их интересы и оказывают им пособие в случае затруднительного положения, в котором они так часто находятся...». Мы,—сказал он в заключение,—ценим все это и готовы со своей стороны, чем только можем, оказывать свою помощь...»[4]. Посредством таких незначительных пожертвований, подарков и угощений царизм стремился к упрочению своего «нравственного влияния» среди туркменского населения, к

[1] «Туркестанские ведомости», № 36, 12 IX 1872.

[2] Там же.

[3] Торжества проходили под открытым небом, перед памятником Петру I, установленным на Красноводском мысе в мае 1872 г. за счет складчины, организованной русскими офицерами.

[4] «Туркестанские ведомости», № 36, 12 IX 1872.

обеспечению благожелательного себе отношения. Все это в конечном счете должно было облегчить осуществление его колонизаторских планов в Туркмении. Начальник Красноводского отряда полковник Столетов продолжал получать от командования указания — придерживаться относительно туркмен самой миролюбивой политики. «...Тщательно изучая быт и положение туркмен, отнюдь не следует делать попыток к введению между ними нашего управления или каких бы то ни было податей или сборов, но всеми мерами необходимо стараться заинтересовать их в торговом движении и снискать их доверие и дружелюбие»[1]. Подобные указания не выражают, разумеется, истинных целей царизма по отношению к туркменам, но они очень характерны как показатель тактики царского правительства, стремившегося здесь, по крайней мере в течение определенного периода времени, к осторожным действиям. Эта осторожность царского правительства на первых порах его соприкосновения с туркменами, объяснялась главным образом недостаточной еще изученностью «страны туркмен», настроений его жителей и вытекающей отсюда невозможностью определить с необходимой ясностью и конкретностью те средства, методы и формы, которые были бы в данных условиях наиболее эффективными и которых, поэтому, следовало бы придерживаться в деле «умиротворения» Закаспийского края. Перед решительным наступлением в глубь Туркмении требовалась своего рода тщательная военная и особенно политическая разведка с целью выяснить возможности и степень сопротивления со стороны местного населения. На протяжении этого периода считалось целесообразным придерживаться более осторожной и гибкой политики, прикрывая и маскируя свою конечную колонизаторскую цель «благими намерениями Ак-падишаха». Тем не менее русские войска на восточном побережье Каспийского моря не оставались долгое время в состоянии бездействия. Еще в феврале 1870 г. полковник Столетов произвел с большей частью своего отряда рекогносцировку гор Большие Балханы, расположенные приблизительно в 140—150 км к юго-востоку от Красноводска. Объясняя причины и цели этой рекогносцировки Столетов писал, что она была вызвана необходимостью уничтожения распространенных в то время среди туркмен различных «нелепых слухов», вызванных поездкой персидского шаха по прикаспийским районам Ирана в январе 1870 г., ког-

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 40.

да он, будучи в Энзели, потребовал к себе русские суда, находящиеся в Астрабадском заливе[1].

Несмотря на достигнутую в туркменском вопросе «согласованность», между Россией и Ираном, последний продолжал проявлять беспокойство по поводу занятия русскими войсками Красноводска. Беспокойство это усиливалось вследствие антирусской пропаганды Англии, различных провокационных слухов, распространяемых, главным образом, через ее посольство в Тегеране. Пребывание Астрабадского губернатора Сулеймана-хана среди гюргенских туркмен в декабре 1869 г.[2] и упомянутая поездка шаха, предпринятая в столь необычное время, зимой, когда горные проходы в Мазандеране и Гиляне по целым неделям бывают завалены снегом, истолковывались в официальных кругах России не иначе, как «плод внушений иностранных представителей в Тегеране», имевших в виду произвести невыгодное для России настроение между туркменами[3]. Балханская рекогносцировка Красноводского отряда в феврале 1870 г. явилась военной разведкой, имевшей заранее намеченные и далеко идущие цели: изучить пути и возможности на случай дальнейшего продвижения в глубь туркменских земель, а тем самым и доказать «самостоятельность действий» и положения царской России на восточном побережье Каспийского моря. Необходимо было также наметить наиболее удобные пункты для будущих укреплений. Красноводск в этом отношении оставлял желать много лучшего, хотя и считался самым удобным портом на всем восточном побережье. В единственно имеющемся здесь роднике Балкую можно было в сутки набрать всего лишь несколько бочек воды, и только в двух колодцах — Суюджи и Шагадам имелась слабо соленая вода, годная для употребления[4].

В результате балханской рекогносцировки было признано целесообразным занять там укрепление Таш-Арват-Кала, с двумя промежуточными пунктами — колодцами Мулла-Кара и постом Михайловским у Михайловского залива, что и было осуществлено в начале августа 1870 г. Так осуществлялся постепенный захват царизмом западных районов Туркмении. Туркмены-иомуты, большую часть года кочевавшие со своими

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 46.

[2] Русский консул в Астрабаде Бакулин в своем письме к полковнику Столетову высказывал удивление по поводу поездки Сулейман-хана за реку. Гурген, «куда прежде персы не отваживались отправляться добровольно».

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 46.

[4] И. Стебницкий. Заметки о Туркмении. Тифлис, 1871, стр. 19.

стадами вблизи Балхан, не препятствовали продвижению русских войск. Более того, они оказывали им большую помощь в перевозке тяжестей из Красноводска в Балханы и отдали в наем по договорным ценам множество верблюдов[1].

Благожелательное отношение иомутов к русскому отряду вызвало гнев и ярость Хивинского хана, который отлично понимал, что занятие Россией восточного берега Каспийского моря и возникновение там русских военных укреплений будет угрожать безопасности его владений. Поэтому он старался делать все возможное для того, чтобы помешать укреплению здесь позиций русских войск, надеясь в первую очередь использовать в этом деле туркмен.

Генерал Ломакин по этому поводу писал: «Хивинский хан, считая всех киргизов и туркмен, кочующих между Хивою и Каспийским морем, своими подданными и понимая значение и цель занятия нами Красноводска, стал возбуждать их против нас, требовать, чтобы они не смели нам служить, давать верблюдов, угрожая в противном случае конечным разорением и истреблением, что уже и привел в исполнение, приказав захватить и разграбить большой и богатый аул преданного нам туркменского старшины Нефес Мергена, кочевавшего подле Балхан»[2]. Такое настроение хивинского хана не сулило ничего доброго туркменам—иомутам, кочевавшим большую часть года у Балхан, которых хан считал «виновными в том, что они допустили русских выйти на берег и потом помогли пройти в степь»[3]. К тому же следует учесть то обстоятельство, что туркменские племена юго-восточного побережья Каспия не были тогда еще в официальной форме приняты в русское подданство. Это создавало определенные затруднения как начальству Красноводского отряда, не имевшего на этот счет конкретных инструкций, так и туркменам, нуждавшимся не в формальной, а в законной и юридически оформленной поддержке. Неопределенность положения весьма озабочивала туркмен и серьезно сказывалась на их настроении.

«...Иомуты в настоящее время в затруднительном положении,— доносил начальник Астрабадской морской станции капитан Петриченко, — ...они, как заметно, охотно отдались бы под покровительство наше, если бы убедились, что это даст им защиту от хивинцев». В этом же донесении Петриченко советует воспользоваться «затруднительным положением степных

---

[1] История Туркменской ССР, т .I, кн. 2, стр. 120; Сб. «Присоединение...», стр. 50.

[2] ЦГИА ГрузССР, ф. 545, д. 1891, л. 13.

[3] ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3426, л. 70.

номутов, чтобы подчинить их (русскому) влиянию»[1]. Тем не менее попытки Хивинского хана спровоцировать сопротивление прикаспийских туркмен, в частности, атреко-балханских номутов, не имело, да и не могло иметь успеха, так как угрозы и открытые враждебные действия хана не только не могли заставить туркмен изменить свое отношение к русскому отряду, но и наоборот, способствовали еще большему их стремлению сблизиться с Россией, в которой они видели свою единственную защитницу от посягательств и притеснений соседей, главным образом — правителей Хивы.

Только среди казахов Мангышлака и оренбургских степей меры, предпринимавшиеся Хивинским ханом против России, получили некоторую поддержку. Здесь была для этого, независимо от действий хана, определенная почва. Дело в том, что к этому времени население всех казахских областей уже в достаточной мере испытало на себе гнет и произвол царских властей. Особенно незавидным было положение казахов адаевского племени, кочевавшего на Мангышлаке. В начале 50-х годов здесь была введена покибиточная подать, ежегодно собираемая русской администрацией (Мангышлак тогда был в подчинении Оренбургского генерал-губернатора). Кроме того, адаевцев обирали сборщики Хивинского хана. «Нередко случалось, что роды, кочевавшие поблизости наших фортов, платили дань и нам, и хивинцам»,— признается М. А. Терентьев[2].

Сбор покибиточной подати (1,5 руб. с кибитки) осуществлялся непосредственно биями, которые, по свидетельству М. А. Терентьева, вносили подать в таком размере, вернее с такого количества кибиток, какое сами находили нужным[3]. Установить же точное количество кибиток в каждом роде было почти невозможно ввиду «труднодоступности» мест кочевки адаевцев и их частных перемещений. Это обстоятельство создавало большие возможности для личного обогащения родовых старшин и баев, что способствовало усилению их власти и влияния среди сородичей. Произвол и злоупотребление властью со стороны баев ухудшали и без того тяжелое положение простых рядовых кочевников. Ко всему этому в 1869 г. на Мангышлаке, как и в других казахских областях, было объявлено о «новом положении», вводившем одновременно и новую подать — 3 руб. 50 коп. с кибитки, и новое правило счисления

---

[1] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3426, лл. 70—71—об.

[2] М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 84.

[3] Там же, стр. 86.

кибиток. Последнее осуществлялось теперь согласно паспортной системе и новому административному делению на аулы, волости и уезды. Введена была также выборность старшин и биев. «Новое положение» вызвало законное возмущение и недовольство казахов, в том числе и родовой знати, ущемленной в своих прежних привилегиях. В начале 1870 г. волнения охватили все казахские области. В марте восстали адаевцы Мангышлака. Небольшой отряд царских войск под начальством полковника Рукина, явившийся в степь для «разъяснения основ нового положения», был окружен казахами-адаевцами и уничтожен. Восставшие напали на Александровский форт, подвергли его осаде, сожгли Николаевскую станицу и разрушили прибрежные маяки. Только с прибытием большого подкрепления кавказских войск удалось спасти осажденный гарнизон Александровского форта и заставить восставших отступить. Такая обстановка в казахских степях была на руку Хивинскому хану, стремившемуся использовать недовольство казахов в своих целях. Путем посулов и обещаний, а иногда и угроз, хану часто удавалось склонить на свою сторону отдельных казахских баев и старшин, которые «ради котлов и детей их» вызывались иногда в Хиву для совещаний по вопросу о предстоящих действиях против русских. В степь из Хивы высылались небольшие отряды «для поддержания духа», а с ними специальные эмиссары, распространявшие прокламации Мухаммед-Рахим-хана.

«...Хивинские эмиссары не скупились на обещания, а высланные ханом небольшие отряды вырастали в воображении киргизов в огромные армии и поощряли их на всевозможные сумасбродства», — пишет М. А. Терентьев. Им же приводится текст одной из прокламаций хана к адаевцам: «Вы и все киргизские племена, — говорится в ней, — единодушно согласились отделиться от неверных и решились поразить их мечом ислама... об этом известно начальствующему у порога прибежища ислама, поэтому высылаем вам войско с есаулом баши Махмудом и Мехрем-Худай-Назаром»[1].

В бурных событиях конца 60-х начала 70-х годов на Мангышлаке принимали участие и местные туркмены, которые также, как и соседние адаевцы, являясь русскоподданными, платили покибиточную подать и испытывали на себе тяжкий гнет царизма. Однако движение мангышлакских туркмен не получило широкого размаха ввиду их малочисленности и внутрен-

[1] М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 86.

ней неорганизованности. Сказались здесь и неприязненные взаимоотношения, издавна существовавшие между родовой знатью туркмен и казахов.

Умело проводя политику «разделяй и властвуй», царское правительство всеми методами способствовало обострению этой неприязни. При этом заметное предпочтение отдавалось туркменам, так как предстояло осуществить постепенный захват Туркмении, который и начался уже со стороны Каспийского моря. Царскому правительству было выгодно до поры до времени придерживаться более осторожной и гибкой политики по отношению к туркменам прибрежья и, в частности, к мангышлакским туркменам.

Генерал Иванин, состоявший при Главном штабе, в своей докладной военному министру Д. И. Милютину указывал на большие выгоды от привлечения мангышлакских туркмен на сторону России. «Я полагаю, — писал он, — что эти туркмены заслуживают нашего покровительства и защиты: **Улучшением положения их, мы приобретаем полезное для нас влияние и на туркмен, кочующих в окрестностях Красноводского залива»**[1]. (Подчеркнуто нами — Д. Д.)

Мысль о целесообразности снисходительного отношения к туркменам Мангышлака высказывал и полковник Столетов. Во время пребывания Красноводского отряда в Молла-Кара, к нему прибыл некий Мамед-Сафи — старшина игдирского племени, кочующего у Карабогазгола, с просьбой не распространять на них «нового положения» с завышенной покибиточной податью, вводившегося в то время среди казахского населения Оренбургской области. Сообщая об этом и советуя «не сравнивать туркмен с киргизами», Столетов писал: «...по моему мнению, на некоторое время, особенно теперь, когда мы хотим открыть дружественные сношения с туркменскими племенами, полезно было б оставить этих туркмен при прежнем положении. **Эта мера может быть была полезна и тем, что отделяла бы туркмен от киргизов»**[2]. (Подчеркнуто нами—Д. Д.)

Подобные донесения с мест сыграли большую роль в разработке высшими правительственными кругами России соответствующего «образа действия» по отношению к прибрежным туркменам. В результате мангышлакские туркмены были обойдены «новым положением» и, как прежде, продолжали платить подать по 1,5 руб. с кибитки. Туркмены же, кочующие вблизи Красноводска и на всем юго-восточном побережье, ввиду «благих намерений» царизма в еще большей степени поль-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6818, л. 1—3 об.
[2] Там же, лл. 10—13, копия.

зовались покровительственным отношением и расположением русских властей. При объяснении причин мирного присоединения западных районов Туркмении к России, это обстоятельство нельзя не учитывать.

Единственным нападением, которому подверглись русские войска на восточном побережье Каспийского моря, было нападение на Михайловский пост. Оно произошло 20 октября 1870 г. и было совершено не прибрежными туркменами, а воинственно настроенной феодально-родовой верхушкой текинцев Ахала. При этом активное участие в нем опять-таки принял хивинский хан. Последний предпринимал большие усилия для разжигания среди текинцев Ахала антирусских настроений. Из Хивы в Ахал приходили многочисленные посланцы, которые от имени хана призывали текинцев «не допускать русских селиться на берегу моря и вытеснять их из Красноводска»[1]. Наиболее воинственные текинские старшины и ханы были специально приглашены в Хиву и, получив богатые подарки от хана, возвращались с обязательствами, в основном сводившимися к организации вооруженных нападений на русские укрепления. Пленный текинец, захваченный казаками столетовского отряда, сознался в том, что нападение туркмен на Михайловский пост 20 окября 1870 г. было произведено по «наущению Хивинского хана, уговорами и подарками склонившего к тому одного из влиятельных ханов текинцев — Овез Мурат — (Тыкма — Д. Д.) сердара, который ездил в Хиву, где был обласкан ханом, за что обязался уговорить всех своих ханов пойти против русских»[2].

Известно также о посещении Хивы главным ханом Ахала Нурберды-ханом в начале 1871 г.[3] Отмеченное выше нападение текинцев на Михайловский пост под начальством Овез Мурад Тыкма-сердара носило в большей степени характер обычного «аламана», а поэтому и не могло иметь успеха. Но тем не менее оно послужило полковнику Столетову поводом для организации похода в сторону Ахала в декабре 1870 г. Отряд в 700 человек под его начальством дошел до крайней текинской крепости Кизыл-Арват и занял ее без боя. Текинцы, не ожидавшие столь быстрого появления царских войск и не подготовившиеся к обороне, были вынуждены оставить крепость и уйти в пески. Столетову ничего не оставалось, как возвратиться назад, так и не наказав текинцев за их «дерзкое нападение». Тем не менее кизыл-арватский поход явился серьез-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6819, л. 193
[2] Там же, л. 318.
[3] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в...», стр 44

ной военной рекогносцировкой путей, ведущих в центральную Туркменню. Не случайно в нем принял участие начальник Военно-топографического отдела Кавказского округа с несколькими топографами[1]. Вместе с тем факт этот уже сам по себе свидетельствовал о постепенной активизации захватнических действий царизма в Закаспии.

К концу 1870 г., то есть ровно через год после занятия Красноводска, царское правительство смогло уже несколько упрочить свою позицию на восточном побережье Каспийского моря. Волнения казахов в Оренбургских степях и, в частности на Мангышлаке, были в основном подавлены. Отношение туркменского населения прибрежья к русским войскам не было враждебным; путем дипломатических переговоров удалось несколько рассеять беспокойство иранского правительства относительно действий русских войск в Закаспии. В результате рекогносцировок были заняты новые стратегические пункты — Михайловский пост, Молла-Кара и Таш-Арват-Кала. Правда, упомянутые пункты пришлось на некоторое время оставить ввиду трудностей обеспечения находящихся в них войск всем необходимым, тем не менее их можно было в любое время занять, пользуясь мирным расположением здешних туркмен. Все эти обстоятельства дали царскому правительству возможность приступить к более активным и решительным действиям в Туркменистане со стороны Каспийского моря.

АКТИВИЗАЦИЯ ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ЦАРИЗМА В ТУРКМЕНИИ (1871—1873 гг.)

О переходе царизма к более активным действиям в Закаспии свидетельствовало отстранение летом 1871 г. полковника Столетова, занимавшего по отношению к туркменам сравнительно мирные позиции. Назначенный на его место подполковник Маркозов являлся одним из самых грубых и жестоких проводников колонизаторской политики царизма в Закаспии. Уже первые меры, предпринятые им, вызвали законное недовольство туркмен и явились вместе с тем убедительным свидетельством его недальновидности и узколобости.

Для изучения путей, ведущих от Красноводска в Хиву, Маркозову, сразу же после его назначения, было предложено предпринять рекогносцировку в сторону озера Сарыкамыш. Готовясь к экспедиции, Маркозов обратился к иомутской старшине с требованием пригнать к нему 1000 верблюдов. Но по-

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 12.

скольку иомуты, кочующие у Балхан, не могли представить сразу такое количество верблюдов, «то подполковник Маркозов решил взять их силой, что и было исполнено после нескольких угроз от посланных для сего мелких казачьих команд»[1]. Но даже таким способом удалось добыть только 500 верблюдов, к которым пришлось присоединить 100 «казенных», освободив их от перевозок провианта и войск между Михайловским постом, Молла-Кара и Таш-Арват-Кала.

Экспедиционный отряд выступил из Молла-Кара 8 сентября 1871 г. и, следуя через колодцы Гезли-ата, Чагыл, Гумсебшен и Узын-Кую, к 7 октября дошел до Сарыкамышского озера. Недостаток воды вынудил отряд не следующий же день двинуться в обратный путь. От колодцев Гезлы-ата Маркозов свернул в сторону Узбоя, а затем, разделив отряд на две колонны, одну отправил в обход Больших Балханских гор с севера, а с другой обошел эти горы с юга. 8 ноября обе колонны прибыли в Молла-Кара. На всем протяжении пути производились съемочные, нивеллировочные и топографические работы. Эта двухмесячная рекогносцировка хотя и прошла в целом мирно, но не обошлось без инцидентов. У колодцев Топиатан Маркозовым был захвачен большой торговый караван в 350 верблюдов, идущий из Хивы на Атрек. Находившиеся при караване «атабаи, джафарбаи и хивинцы были соответствующим образом наказаны», большая часть верблюдов была оставлена в отряде в качестве «перевозочных средств для предполагаемого движения к Атреку»[2].

Вторая экспедиция Маркозова, предпринятая им сразу же после окончания сарыкамышской рекогносцировки, была направлена на юг для «исследования» нижнего течения р. Атрек и ведущих туда путей. Приатрекские иомуты в целом мирно и радушно встречали русский отряд. Однако в Чекишляре в ночь на 25 ноября по лагерю было сделано три выстрела, в результате чего был ранен солдат — часовой. При помощи местных старшин удалось установить стрелявших. Ими оказались двое атабаевцев из рода «кельте», кочевавшего на левом берегу Атрека. Маркозов задался целью жестоко наказать виновных. Решено было сжечь несколько кочевий, принадлежащих этому роду. Но переправиться через реку не представлялось возможным ввиду разлива. К тому же и люди в отряде испытыва-

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396 Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 68, лл. 104—105, См. также Сб. «Присоединение...», стр. 66; М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 13; Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 100.

[2] ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 68, л. 113.

ли усталость от долгих изнурительных походов. Поэтому «оставалось отказаться от желания наказать виновных и довольствоваться лишь тем, что туркмены видели русских на Атреке»[1]. Впоследствии выяснилось, что в отмеченном инциденте замешан атабаевский старшина Мамед Керим-хан, который пользовался особым расположением Астрабадского губернатора Сулейман-хана и, по-видимому, действовал не без его указки. По свидетельству источников атабаи, возглавляемые Мамед Керим-ханом, опасаясь мести Маркозова, «бросились под защиту астрабадского губернатора Сулейман-хана, прося его позволения прикочевать ближе к г. Астрабаду, что он и дозволил»[2].

Двигаясь по правому берегу Атрека, 28 ноября русский отряд прибыл в аул Гасан-Кули, расположенный у впадения этой реки в Каспийское море. Жители аула гостеприимно встретили отряд, который на следующий день возвратился в Чекишляр, а в начале декабря, погрузившись на пароход, ушел в Красноводск. В Чекишляре был оставлен небольшой гарнизон из двух рот и несколько орудий. Таким образом, к началу 1872 г. район действий Красноводского отряда был перенесен от Балханских гор ближе к устью Атрека, который с тех пор стал считаться новой стратегической базой для дальнейшего продвижения русских войск в глубь Туркмении.

В отчетах царского командования результаты рекогносцировки Маркозова, особенно его экспедиции на Атрек, оценивались как нельзя более положительно «...Влияние русских никогда не обнаруживалось так сильно между туркменами, как после движения подполковника Маркозова к Сары-Камышу и Атреку и занятия поста близ устьев этой реки», — писал помощник главнокомандующего Кавказской армией генерал Святополк-Мирский[3]. Начальник Астрабадской станции капитан Петриченко доносил русскому посланнику в Иране, что «между туркменами и отрядом (в Чекишляре — *Д. Д.*) отношения мирные, жалоб ни с какой стороны нет...»[4]. В определенной степени с такой оценкой можно согласиться, однако ни в какой мере нельзя считать заслугой Маркозова мирное отношение и даже расположение туркмен к русскому отряду. В данном случае в первую очередь следует учитывать весьма затруднительное положение приатрекских туркмен, поставлен-

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО ,оп 2, д. 68, лл. 115—116.
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 81.
[3] ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп 2, д 68, л. 133.
[4] Сб. «Присоединение...», стр. 83.

ных перед небходимостью делать выбор между русскими и иранскими властями.

Проводя по отношению к соседним туркменам разделенческую политику, сея между их родами вражду, правители северо-иранских провинций, в частности Астрабада, продолжали подвергать их различным притеснениям. В своем рапорте от 20 апреля 1872 г. капитан Петриченко писал: «В настоящее время астрабадский губернатор двумя полкамн стоит в туркменской степи лагерем для сбора подати и не может собрать ничего потому, что все туркмены, даже кочующие на персидской земле, перешли за Гурген... Туркмены только пожелали узнать, будет ли наше войско помогать губернатору собирать подать, и когда я отвечал отрицательно, то и не хотят платить...»[1].

Именно эти обстоятельства и следует иметь в виду при рассмотрении «положительных результатов» атрекской рекогносцировки Красноводского отряда. Что же касается самого Маркозова, то он зарекомендовал себя в глазах туркмен самым отрицательным образом. С присущим большинству царских военоначальников высокомерием он относился к туркменам лишь как к «покоренным туземцам» и никогда не утруждал себя тем, чтобы привлечь их на свою сторону[2]. Тем не менее заслуги Маркозова были высоко оценены Кавказским начальством. Он получил поощрения и даже повышение в чине.

В начале 1872 г Маркозов был временно отослан в Тегеран с тем, чтобы «узнать точнее взгляды персидского правительства на действия России в юго-восточном Закаспийском побережье»[3]. Затем, по возвращении в Тифлис, он был откомандирован в Петербург для представления и доклада военному министру и самому императору Александру II.

В высших правительственных кругах было поддержано мнение Маркозова о том, что основными средствами для укрепления влияния России в Закаспии являются исключительно только военные рекогносцировки и демонстрации силы оружия. Поэтому на 1872 г. была намечена новая серия таких рекогносцировок. Решено было сформировать два больших отряда — в Чекишляре и в Красноводске и осуществить одновременно их движение для «обстоятельного изучения» путей, ведущих: 1) на Хиву; 2) вверх по берегу Атрека и 3) в пределы Ахальского оазиса.

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 82.
[2] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 14.
[3] ЦГВИА, ф. 1396, Шт. ТуркВО, оп. 2, д. 68, л. 118.

Вернувшись летом 1872 г. в Красноводск с соответствующими инструкциями, Маркозов, теперь уже полковник, сразу же приступил к осуществлению этого плана. И снова нужно было начинать дело со сбора верблюдов. Но поскольку Маркозов не просил, а в грубой форме требовал верблюдов, да к тому же в большинстве случаев не платил за них, то иомуты, как атрекские, так и кочующие у Балхан, стали всеми возможными путями и средствами уклоняться от выполнения этих требований. Значительная часть чарвы перекочевала на левый берег р. Атрек в пределы Ирана. К тому же, вследствие хозяйственных затруднений, иомуты сами в то время испытывали потребность в верблюдах и даже при желании не могли бы доставить их в требуемом количестве[1]. Так, например, жители аула Гасан-Кули не могли выполнить требование Маркозова ввиду того, что большинство их верблюдов незадолго перед этим было отправлено караваном в Хиву за пшеницей и еще не возвратилось оттуда. Кроме того, гасанкулийцы опасались, что «если Хивинский хан узнает об их услуге русским, то он не только задержит верблюдов, но и прикажет умертвить всех туркмен в караване»[2].

Не считаясь с искренними разъяснениями иомутских представителей, Маркозов с отрядом царских войск окружил селение Гасан-Кули, а затем увел часть его жителей в Чекишляр и держал их там под стражей до тех пор, пока родственники арестованных не доставили ему требуемый «выкуп» — верблюдов, лошадей и даже ишаков[3].

Не довольствуясь этим, он отправил отряд к ближайшим колодцам — Таган-Клыч, Чукур-Кую, Бугдайлы, у которых кочевали некоторые аулы иомутской чарвы. Одна рота была выслана с юга от Чекишляра, другая — с севера со стороны моря, чтобы перехватить верблюдов, угоняемых иомутами. Движение этих рот едва не окончилось для них трагически: от страшной августовской жары, доходившей до 50°, и невыносимой жажды солдаты почти поголовно слегли. И только случайно обнаруженный колодец спас их от гибели. Тем не менее отряд настиг кочующих и отобрал у них еще свыше 200 верблюдов[4]. Произвол и грубые выходки Маркозова не могли не вызвать недовольство у местного населения. Проявилось оно практически лишь в том, что туркмены старались

---

[1] А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, СПб, 1890, стр. 309.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6850, л. 92.

[3] А:. И. Макшеев. Указ. раб., стр. 309.

[4] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. 1, стр. 106—107.

держаться как можно дальше от Маркозова, уходя часто даже в пределы Ирана. «Туркмены рады были уйти хоть к черту, именно потому, что у них отнимали верблюдов», — писал М. А. Терентьев[1].

Распыленные и зачастую враждующие между собой иомутские племена и роды не могли организоваться и дать достойный отпор грабительским действиям Маркозова. Не встречая отпора и чувствуя себя безнаказанным, последний вовсе не думал униматься. Приобретя насильственным путем необходимое количество верблюдов, он в сентябре 1872 г. двинулся с отрядом на очередную рекогносцировку путей, ведущих в Хиву. Уже на первом этапе пути (Чекишляр — колодцы Топиатан) Маркозов еще раз продемонстрировал свои воинские «доблести» колонизатора, отобрав у «неизвестного» племени огромное стадо баранов в качестве продовольствия для отряда[2]. Недалеко от местности Айдын он, как пишет русский консул в Астрабаде, отобрал верблюдов у встретившегося ему туркменского каравана, возвращающегося из Хивы с зерном[3]. У Топиатана им был ограблен еще один торговый караван, принадлежавший туркменам Ахала[4].

Вести о продвижении царских войск и грабительских действиях полковника Маркозова очень быстро распространились по степи и вызвали среди туркмен серьезную тревогу. Этим воспользовалось и персидское правительство, которое нотой от 16 октября 1872 г выступило в защиту своих «персидских подданных» и потребовало сурового наказания виновных», «дабы они впредь не делали подобных неблаговидных поступков»[5].

В Ахале и среди хивинских иомутов (не говоря уже о самой Хиве) предпринимались кое-какие подготовительные меры на случай возможных столкновений с царскими войсками. В степи стали появляться небольшие конные отряды туркмен, совершавшие неожиданные нападения на царские войска и тем самым вызывавшие среди них большое беспокойство.

8 октября передовая колонна отряда Маркозова у колодцев Джамала была подвергнута нападению небольшого отряда текинской конницы во главе с Софи-ханом. Нападение было

---

[1] М. А. Терентьев История завоевания Средней Азии. т. II. СПб., 1906, стр 13; М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 14.

[2] ЦГИА Груз. ССР ф 5, д 2241, лл. 322–323; Н И. Гродеков Указ. раб., т. I, стр. 107.

[3] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д 2241, лл 322—323; См также А И Макшеев. Указ. раб., стр. 309.

[4] Н. И Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 107

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6850, лл. 248—249.

отбито с большим трудом. Одновременно с этим другая колонна маркозовского отряда, находившаяся у колодцев Топиатан, была атакована хивинской конницей в 500 чел.[1] Вызвав большой переполох, нападающие угнали значительное количество верблюдов, что затруднило дальнейшее передвижение отряда в сторону Хивы. Поэтому, дойдя до колодца Игды, где, по словам Н. И. Гродекова, было захвачено 1500 баранов, принадлежащих текинцам,[2] отряд свернул на юг к ближайшим селениям Ахала.

25 октября (в некоторых документах 19 октября) был занят Кизыл-Арват, а затем соседние с ним населенные пункты — Кодж, Зау, Кизыл-Чешме, Бами и Беурме. Жители этих селений, уклоняясь от кровопролитных стычек, ушли в глубь оазиса и в пески. Маркозов приказал уничтожить все кибитки и имущество, оставленное туркменам. Было сожжено более 3000 кибиток. Пепел пожарищ, оставленный жестоким царским военоначальником, на долгое время сохранился в памяти жителей Ахала. «...Можно надеяться, что урок, данный текинцам, произведет самое лучшее впечатление в степи в пользу нашу», — писал капитан Петриченко, выражая этим мнение представителей царского самодержавия по поводу одержанной «громкой победы»[3].

Выступив из Кизыл-Арвата и перейдя хребет Кюрен-даг, отряд Маркозова вступил в плодородную Сумбарскую долину, населяемую номутами атабаевского подразделения и частично гокленами. Затем, следуя по правому берегу Сумбара и Атрека, он 18 декабря прибыл в Чекишляр.

Ход экспедиции 1872 г. во всех подробностях описан в документах царского командования, а также в некоторых работах дореволюционных авторов. Неприглядную картину похода отряда Маркозова, прошедшего менее чем в за 4 месяца 1600 верст в трудных и неблагоприятных обстоятельствах, подробно нарисовал Н. И. Гродеков. Весь этот длинный путь был усеян трупами людей, лошадей и особенно верблюдов, павших «в несчетном количестве». «...Вьюки, оставшиеся от павших верблюдов, разбирались по рукам, или целиком переносились на людях... Верблюдов было мало, вследствие чего, при установленной системе передвижения тяжестей, некоторым частям приходилось одно и то же расстояние между колодцами проходить по три раза. От этого заболеваемость и смертность в от-

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 322—323.
[2] Н. И. Гродеков. Указ раб., т. 1, стр. 108.
[3] ЦГИА Груз. ССР, ф. 5, д. 2241, лл. 322—323.

ряде были весьма велики...»[1] Жестокий и грубый по отношению к туркменам Маркозов, по-видимому, был столь же резок и беспощаден и к своим солдатам.

Рекогносцировки Маркозова в 1872 г. ни в коей мере не способствовали укреплению влияния России в Закаспии.

«...В настоящее время расположение умов в туркменской чарве несколько враждебно для нас»,—вынужден был признать капитан Петриченко в январе 1873 г.[2]

Отношение с туркменами еще больше обострилось, когда Маркозов снова приступил к насильственному отбиранию у них верблюдов для подготовляемого в то время царизмом военного похода на Хиву. С наступлением ранней весны приатрекские иомуты, как правило, переходили со своими стадами в места летних кочевок — на нижний Узбой, в Прибалханье и в прилегающие к ним степи. Стремясь приобрести нужное количество верблюдов, Маркозов еще с января 1873 г. выставил по Атреку большой кордон войск, который должен был задерживать кочевников при их попытке перейти реку. Начались стычки. Они были незначительными по своим размерам и свидетельствовали не столько о стремлении туркмен к вооруженной борьбе с русскими войсками, сколько об охватившем их отчаянии, их исключительно трудном, почти безвыходном положении.

В конце февраля — начале марта, «чтобы наказать и проучить туркмен» Маркозов предпринял большую экспедицию за Атрек, то есть в персидские пределы, так как река эта признавалась границей между владениями Ирана и России. «...Поиски наших войск продолжались 10 дней. Мы имели постоянные перестрелки с туркменами, доходили до полперехода до Астрабада и отбили у них 3000 верблюдов и до 3000 баранов», — пишет Н. И. Гродеков[3]. Вот какой «урок» хотел дать туркменам Маркозов, не считаясь при этом ни с чем, пренебрегая даже дипломатическими установками своего правительства. Самовольный и бесцеремонный переход Атрека Маркозовым вызвал жалобы со стороны персидского правительства, воспринявшего этот факт как «нарушение заявления, сделанного русским правительством в 1869 г по вопросу о разграничении рекою Атрек двух государств»[4]. Подобными своими действиями, грубостью и жестокостью Маркозов не только вызвал резко-отрицательное отношение со стороны туркменского населения,

---

[1] Н. И. Гродеков. Указ раб., т. I, стр. 110.
[2] ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3617, лл. 9—11 об.
[3] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 112.
[4] Там же, стр. 130.

но и скомпрометировал себя в глазах царского правительства Министерство иностранных дел еще 24 ноября 1872 г. было вынуждено выразить свое недовольство по поводу «сверхмерных действий» начальника Красноводского отряда[1].

Трезвое сопоставление сложившегося к началу 1873 г. положения в Туркмении с тем, каким оно было в первый период после вступления сюда русских войск, убедительно свидетельствовало о необходимости придерживаться здесь более осторожной и гибкой политики. Отдельные, наиболее дальновидные представители царского командования понимали это и высказывали свои соображения относительно пересмотра политики в Закаспийских степях. «...Чувства, которые питает к нам в настоящее время сплошь все кочевое население степи, самые неприязненные, какими однако-ж они еще недавно не были. По общим отзывам, это не чувство страха и уважение к силе, а чувства страха и ненависти к несправедливости и насилию»,— читаем в одной анонимной докладной на имя главнокомандующего Кавказской армией[2]. Все это говорило не в пользу Маркозова и его дальнейшего пребывания на посту начальника Красноводского отряда.

Вопрос о снятии Маркозова был окончательно решен после его столь нашумевшего «участия» в военном походе на Хиву в 1873 г. Неудача Красноводского отряда и весьма незавидное положение, в которое он попал во время хивинского похода, целиком объясняются бездарностью и невежеством, крайней ограниченностью и недальновидностью этого самонадеянного горе-полководца. Произведенное специальное расследование подтвердило, что одной из главных причин неудачи Красноводского отряда в хивинском походе было «враждебное отношение кочевого населения туркменских степей, ... на добровольную помощь которого отряд не мог, естественно, рассчитывать»[3].

Производившие расследование обвиняли Маркозова в несправедливости и жестокостях по отношению к туркменам за то, что он «прибегал к насильственному отнятию не только верблюдов, нужных как перевозочные средства, но и другого имущества, например баранов». «К сожалению,—заключают они,— такими мерами мы достигли результатов, явно противоположных тем, каких должны были добиваться в степи в смысле водворения там нашего цивилизирующего влия-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6850, л. 249
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 104.
[3] Там же.

ния...»[1]. Таким образом, колонизаторско-захватнические намерения царского правительства, выразившиеся в грубых и незаконных действиях начальника Красноводского отряда полковника Маркозова и других представителей русского царизма, явились основной причиной недовольства значительного числа населения западных районов Туркменистана. В некоторых случаях, как мы уже видели, это привело к открытым столкновениям русских войск с туркменами. Отрицать или игнорировать эти факты было бы грубым и умышленным извращением исторической действительности, отступлением от него. Вместе с тем, как свидетельствуют многочисленные факты, недовольство туркмен и небольшие их столкновения с царскими войсками не переросли в сколько-нибудь серьезную, организованную, повсеместную борьбу против захватнических намерений русского царизма. Одной из важнейших причин тому было исторически обусловленное давнее тяготение населения Западного Туркменистана к России как в экономическом, так и в политическом отношении. Поэтому недовольство, вызванное главным образом произволом Маркозова, было временным явлением и не являлось определяющим для общего отношения туркмен Прикаспия к России. «Корень зла» они видели именно в поведении Маркозова. Поэтому отношение их вновь изменилось в благожелательную для русских сторону, когда после смещения Маркозова русские власти стали проводить по отношению к туркменам более гибкую и осторожную политику. Эта политика не переставала быть колонизаторской по своему характеру, но и не проявлялась теперь в таких грубых и открытых насильнических действиях, как это было при Маркозове.

ОБРАЗОВАНИЕ ЗАКАСПИЙСКОГО ВОЕННОГО ОТДЕЛА И ВКЛЮЧЕНИЕ В СОСТАВ РОССИИ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ТУРКМЕНИСТАНА

Одним из последовательных проводников нового по своим методам политического курса царского правительства в Западном Туркменистане был назначенный вместо Маркозова на должность начальника Красноводского отряда генерал Ломакин. До этого Ломакин был начальником Мангышлакского отряда и в основном пребывал в форте Александровском. Однако и тогда уже он был широко известен населе-

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 103.

нию Прикаспия как человек, стремящийся мирным путем урегулировать отношения русских властей с туркменами.

Еще до своего назначения, в декабре 1873 г., Ломакин был откомандирован в Красноводск для ознакомления там с положением дел. В Красноводске к нему явилась иомутская делегация в составе 21 чел. с предъявлением своих миролюбивых намерений. Делегация эта была принята Ломакиным по всем правилам туркменского гостеприимства. «...Я старался как можно успокоить их, обласкать и, по-возможности, внушить им доверие к нам», — писал Ломакин[1].

Через прибывших к нему делегатов он разослал всем иомутским «почетным людям» письма и обращения, в которых призывал к миру, спокойствию и обоюдовыгодным торговым сношениям. После своего отъезда в форт Александровский Ломакин получил от полковника Клугена, временно исполнявшего тогда должность начальника Красноводского отряда, письмо, в котором тот уведомлял его, что «туркмены из-за Атрека с полным доверием стали пригонять в Красноводск для продажи верблюдов и отвозить для сего на срочных шхунах в Баку». Далее в письме сообщалось, что туркмены «даже пригласили в свои аулы за Атрек трех бакинских купцов», которые находясь там в полной безопасности, удачно ведут меновую торговлю...»[2].

Таким образом, уже к концу 1873 г. во всем Западном Туркменистане сложилась сравнительно благоприятная обстановка, которая в значительной степени явилась результатом перехода русских властей к осуществлению более осторожной и гибкой политики по отношению к туркменам.

Совершенно иная обстановка сложилась к тому времени на севере, в Хиве, и в прилегающих к нему туркменских районах. Однако хивинские события, карательная экспедиция генерала Головачева и жестокое подавление восстания хивинских туркмен ввиду их разобщенности не оказали серьезного влияния на положение в прикаспийских районах.

Главнокомандующий Кавказской армией в своем отношении к военному министру от 22 февраля 1874 г. писал, что генералу Ломакину, назначенному начальником Красноводского военного отряда «вменено было в обязанность через постепенное сближение с местным населением и (через) привлечение его

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, л. 105.
[2] Там же.

к торговым сделкам... постараться шаг за шагом мирным путем распространить и утвердить влияние (России) в крае от берегов Каспийского моря до пределов Хивинского ханства...» Мотивируя такую позицию по отношению к туркменам, он далее пишет: «При благоразумных действиях со стороны администрации названного края, при осторожном ведении ею дела, без всякого форсирования оным, при заявлении местному населению таких лишь требований, к исполнению коих оно достаточно перед тем будет подготовлено, можно надеяться, что без всяких военных мероприятий население это станет мало-помалу сближаться с нами, подпадать под наше влияние, осознает выгоду для него самого, если не совершенного подчинения нашей власти, то по крайней мере, нашего покровительства»[1]. Такой, по словам главнокомандующего Кавказской армией, «верный и недорогой» способ действий в Закаспийском крае был вместе с тем и «постепенным» и даже «слишком медленным» с точки зрения царского правительства, а это шло вразрез с «общими видами» царского самодержавия в Средней Азии, особенно после завоевания Хивы[2]. Подчинив Хивинское ханство и превратив его в свое вассальное владение, царское правительство могло уже сравнительно сильнее активизировать свои действия в Закаспии, тем более, что вне власти и влияния царизма оставались теперь единственно только земли так называемой «Вольной Туркмении» (то есть Ахал, Атеко-Тедженский район и Мургабский оазис).

Первым серьезным шагом в направлении активизации русского царизма в Закаспии явилось образование в марте 1874 г. Закаспийского военного отдела, осуществлявшего как административную, так и военную власть в Западном Туркменистане. Отдел состоял из двух приставств — Мангышлакского и Красноводского и входил в состав Кавказского военного округа. До этого военное и гражданское управление на территории восточного берега Каспийского моря было весьма неудобным и пестрым, так как находилось в руках различных административных ведомств. Мангышлакский район подчинялся начальству Дагестанской области, Красноводский — непосредственно штабу Кавказского военного округа. Кроме того, таможенные дела и раздача рыболовных участков в Закаспии были в ведении Астраханской казенной

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 137

[2] ЦГВИА, ф. 1393, Полев. походн. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 47, лл. 44—45.

палаты[1]. Наличие нескольких самостоятельных местных начальников создавало целый ряд затруднений, связанных с излишней, подчас ненужной перепиской, необходимостью многократно согласовывать одни и те же вопросы в различных инстанциях. Даже в хивинской экспедиции действия Красноводского и Мангышлакского отрядов были совершенно самостоятельными и разобщенными. (Кстати, вину за свою неудачу полковник Маркозов пытался свалить на начальника Мангышлакского отряда генерала Ломакина, который будто бы, даже имея возможность, не помог ему «перевозочными средствами». В свою очередь Ломакин ссылался на «способ обращения полковника Маркозова с туземцами», которых он довел до того, что они оказались вынужденными отказывать ему в предоставлении верблюдов)[2]. Теперь же предстояли новые, еще более серьезные походы против туркмен Ахала и Мерва, поэтому царское правительство спешило устранить существующие неудобства в административном устройстве прикаспийских районов Туркмении. Нужно было юридически закрепить за собою всю занятую в Закаспии территорию, всесторонне «освоить» ее и создать здесь прочный военно-стратегический плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь туркменских земель. Именно из этих целей, главным образом, и исходило царское правительство при образовании Закаспийского военного отдела. В первом пункте «Временного положения» об управлении Закаспийским отделом, утвержденного «в виде опыта» 9 марта 1874 г. говорилось: «Закаспийский край в пределах от Мертвого Култука на юг до реки Атрек (границы России с Персией) и от восточного берега Каспийского моря до западной границы Хивинского ханства составляет в военном и административном смысле Закаспийский военный отдел. К этому отделу причисляются и острова, лежащие вблизи берегов»[3]. Далее следовало еще 67 пунктов «Временного положения», в которых подробно перечислялись назначение, обязанности и права начальника отдела, а также права и обязанности мангышлакского пристава, правила управления как русским, так и местным населением, устройство суда, определялись подати, сборы, натуральные повинности... Кочевое население отдела было разделено на волости и аулы. Количество

---

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 12.

[2] ЦГВИА, ф. 400, Аз. часть, оп. 258/908, 1873, д. 13, лл. 24—27.

[3] Там же, д. 28, л. 82. См. также М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 17; Сб «Присоединение...», стр 142

волостей и места кочевок «туземцев» утверждались главнокомандующим Кавказской армией. Им же утверждалось назначение волостных управителей. Выборы же аульных старшин, как и замена их входили в прерогативу начальника Закаспийского военного отдела.

Размеры кибиточной подати казахов и туркмен, проживавших в пределах Закаспийского отдела, были неодинаковы. Казахи-адаевцы Мангышлакского приставства платили кибиточную подать по 3 руб. с кибитки за год, туркмены же этого приставства — по 1,5 руб., то есть оставались в этом отношении в несколько привилегированном положении, причины чего уже были охарактеризованы выше. Кроме кибиточной подати и земского сбора «на содержание народного управления», местное население обязано было нести такие повинности, как исправление мостов, дорог, предоставление должностным лицам и войскам верблюдов, лошадей и других необходимых средств, устройство кибиток для командированных в аулы царских начальников и т. д.

На кочевников Красноводского приставства — иомутов, гокленов и другие туркменские племена правила «Временного положения о податях, сборах и натуральных повинностях распространялись по мере подчинения их русскому покровительству и власти»[1].

Очень сложным оказался вопрос о приатрекских иомутах и пригургенских гокленах ввиду того, что он был связан с внешнеполитическими отношениями России и, в первую очередь, ее отношениями с Персией. Большая часть туркмен несколько месяцев в году (зимой) проживала между Атреком и Гюргеном, то есть на территории, номинально причисляемой к владениям Персии, а остальную часть года, около 8 месяцев, кочевала в пределах Закаспийского военного отдела. Относительно этих туркмен, которые фактически не признавали над собой власти персидского правительства, русская администрация в Закаспии должна была придерживаться особых правил: перед вступлением (перекочевкой) их в пределы Закаспийского военного отдела каждый род должен был избирать своего хана, утверждаемого местным русским начальством. Через хана каждый аул получал особые билеты с подписью начальника отдела, на которых указывалось количество кибиток в ауле, колодцы, у которых будет останавливаться аул, и имя аульного старшины, обязанного следить за общим порядком и, в

[1] ЦГВИА, ф 400, Аз. часть, оп 258/908, 1874, д. 28, л 97

частности, за порядком кочевания. Сами ханы в течение всего летнего времени должны были находиться при начальнике отдела, то есть кочевать вблизи Красноводска и в случае необходимости, объезжая свои аулы, передавать населению его приказания.

Начальником Закаспийского военного отдела назначен был генерал-майор Ломакин, который, как уже отмечалось, пользовался определенной популярностью среди местного населения. 30 марта 1874 г., в день его прибытия в Красноводск, на пристани собралась масса народа, съехались представители почти всех прикаспийских туркменских племен, в том числе свыше 70 почетных людей, ханов и старшин от заатрекских иомутов. В знак расположения к русским на пристани были разостланы туркменские ковры. По русскому обычаю Ломакина встретили хлебом-солью.

На завтра в честь гостей от туркменских племен, прибывших поздравить нового русского начальника с назначением, был устроен прием, во время которого Ломакин объявил «о миролюбивых и вполне доброжелательных намерениях» своего правительства ко всему туркменскому населению[1]. Ответом на это явилось заявление иомутских представителей, которые от имени 15 тысяч своих соплеменников просили «принять их в подданство России и не оставить высоким и милостивым покровительством»[2]. Своеобразный интерес представляет то место заявления, где иомутские представители просят защиты их от грабежа и притеснений «сильных и беспокойных» их соседей-иранцев и текинцев, которых они «очень боятся». По их мнению, вражда между иомутами и текинцами может прекратиться лишь только в том случае, если последние будут также жить с русскими «в мире и дружбе». В противном случае, — говорили представители иомутов, — нам будет плохо, они (текинцы — *Д. Д.*) будут нас, как преданных вам людей, грабить, разорять, угонять наш скот, уводить в неволю наших жен и детей[3].

Вполне возможно, что представляя дело в таком свете, иомутские ханы и старшины несколько преувеличивали действительное положение вещей, желая тем самым на всякий случай заручиться помощью русских властей. Тем не менее этот факт является лишним доказательством того, что даже к моменту присоединения Туркмении к России между турк-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, л. 109; сб. «Присоединение...», стр. 160.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 110; сб. «Присоединение...», стр. 161.

менскими племенами (точнее между феодально-родовой знатью этих племен) существовали разногласия и неприязненные взаимоотношения. Иомутские старшины просили также генерала Ломакина «представить на милостивое воззрение» высшего начальства их просьбу о содействии освобождению туркменских невольников, находящихся в Иране, а также у курдов и гокленов. Отмечая заслугу русских в отмене рабства, освобождении невольников и пленных, подобно тому, как это было в Хиве, старшины сообщали, что около 500 чел. их соплеменников томятся в неволе, тогда как «ни у одного из них нет раба-перса». «Причем, уверены вполне, — писали они, — что во внимание того, что русские освободили из Хивы так много персидских пленных, и шах персидский по слову государя великого князя признает справедливым повелеть даровать свободу нашим пленным»[1].

Забегая вперед, скажем, что царские власти не только не могли предпринять каких-либо мер по освобождению иомутских пленных, но не могли даже положительно решить вопрос о принятии приатрекских иомутов в русское подданство, о чем те просили в своем заявлении.

Феодальные правители Персии и, прежде всего сам шах, ни в коем случае не хотели допустить покровительства России над атреко-гургенскими туркменами, продолжая, вопреки желанию последних, считать их своими подданными.

Не желая портить «добрососедских» отношений с Персией накануне своего решительного наступления на Туркмению, царское правительство шло на значительные уступки в этом вопросе и пока что не требовало конкретного его решения. Нельзя, однако, не учитывать, что фактически уже с момента образования Закаспийского военного отдела иомуты и гоклены перестали быть подданными Персии (хотя они и раньше не признавали свою зависимость от персидских властей), так как основная их часть, как уже отмечалось, около 8 месяцев в году кочевала на территории, управляемой отделом, соблюдая при этом все правила и требования русской администрации.

Впоследствии, при проведении русско-иранского разграничения, значительная часть атреко-гургенских иомутов и гокленов окончательно вошла в состав Российской империи и навсегда соединила свою судьбу с судьбою своих издавна живших здесь братьев-туркмен, с судьбою великого русского народа и всех народов России. Образование Закаспийского военного отдела означало хотя и неполное еще, но юридиче-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, л. 112.

ски оформленное присоединение западных районов Туркмении к России.

Несмотря на колонизаторскую сущность внешней политики царского правительства, это присоединение, в силу сложившихся конкретных исторических обстоятельств, произошло в основном мирным путем. Главным из этих обстоятельств явилось доброжелательное отношение к России основной части прикаспийских туркмен, видевших политическую и экономическую целесообразность присоединения к ней. Характерным примером, свидетельствующим об отношении прибрежного населения к России, может служить заявление представителей челекенских и ишхских туркмен, сделанное ими на описанном выше приеме у генерала Ломакина. В своем заявлении они приносят благодарность русским за то, что «никто теперь их не грабит и не разоряет, что люди их, благодаря русским, спокойно занимаются рыбными и нефтяными промыслами, прежде же они не знали ни одного дня покоя»[1]. Надо учитывать и то обстоятельство, что царское правительство к моменту образования Закаспийского военного отдела еще не проявляло открыто своих агрессивных намерений по отношению к туркменам. Последние на первых порах еще не подвергались такому беззастенчивому колониальному грабежу, который их ожидал впоследствии. Все это делалось царизмом с единственной целью, — как можно сильнее упрочить свое «нравственное влияние» среди туземного населения. И действительно, если сколько-нибудь серьезных и организованных вооруженных столкновений между русскими войсками и туркменами прикаспийских районов не было, начиная с момента высадки русского отряда в Красноводском заливе, то отдельные конфликты имели место в период командования отрядом Маркозова, то после образования Закаспийского отдела и фактического включения тем самым прикаспийских районов Туркмении в состав Российской империи, даже такие отдельные и сравнительно незначительные конфликты по существу прекратились.

Сложившаяся в момент образования Закаспийского военного отдела благоприятная обстановка, способствуя укреплению позиций царизма на Восточном берегу Каспийского моря, открывала тем самым широкие возможности для установления мирных взаимоотношений с населением внутренних районов Туркмении, и в первую очередь — с туркменами Ахала.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 105—114.

ГЛАВА III

ПОДЧИНЕНИЕ РУССКИМ ЦАРИЗМОМ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА. УСТАНОВЛЕНИЕ ЦАРСКОГО ПРОТЕКТОРАТА В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ И ВВЕДЕНИЕ В ЕГО ТУРКМЕНСКИХ РАЙОНАХ ВОЕННО-КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Образование Туркестанского генерал-губернаторства, подчинение Бухарского ханства, упрочение позиций России на восточном берегу Каспийского моря после высадки войск в Муравьевской бухте Красноводского залива и основание там укрепления Красноводска дали возможность царскому правительству приступить к осуществлению следующего этапа своей завоевательной политики в Средней Азии — подчинению Хивинского ханства. Однако предпринять поход против Хивы удалось не сразу. Необходимо было предварительно решить, помимо многих других, некоторые наиболее важные вопросы, диктовавшиеся внешнеполитической обстановкой. Наиболее серьезным среди них был вопрос, возникший в связи с событиями в Западном Китае[1]. В результате развернувшихся в пограничных с русскими владениями районах Китая крупных восстаний дунган и таранчей, русско-китайская торговля оказалась почти полностью парализованной. Города Чугучак и Урумчи, считавшиеся наиболее надежными пунктами для расширения русской торговли, были совершенно разрушены. Русская фактория по существу перестала сущест-

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 91.

вовать. В этих условиях царское правительство в 1871 г. решило оккупировать весь Илийский край и Кульджу. Этот шаг дал возможность русскому царизму укрепить здесь свои позиции и обеспечить условия для развития русской торговли.

Другим более серьезным обстоятельством внешнеполитического характера, создавшим известную помеху для наступательных действий России в Средней Азии, было резкое обострение англо-русских противоречий. Поэтому наступление здесь удалось возобновить лишь после заключения в 1873 г. соглашения с Англией. Теперь настала очередь решить вопрос о Хивинском ханстве. Последнее к тому времени было уже окружено с трех сторон: на западе его территория соприкасалась с землями, контролировавшимися Кавказским военным округом, на севере — Оренбургским, на востоке—Туркестанским. При этом, на севере и востоке позиции царизма были более прочными, чем на западе, поскольку прилегающие здесь к ханству земли находились в ведении царской администрации уже в течение ряда лет. Правда процесс постепенного упрочения позиций царизма протекал и на западе. Чекишляр и Красноводск как раз и были теми опорными пунктами, откуда распространялось влияние России не только на Туркменское побережье Каспия, но и в глубь туркменских степей. Однако здесь в непосредственной близости к ханству простирались еще земли, которые продолжали оставаться почти вне сферы русского влияния. В связи с этим была поставлена задача — любыми средствами добиться расположения местных жителей и обеспечить усиление влияния России в этом районе.

Такая линия проводилась неуклонно. Царизм шаг за шагом расширял и укреплял свои позиции в Закаспии, не ослабляя вместе с тем внимания и к землям, контролировавшимся Оренбургским и Туркестанским округами, то есть на северных и восточных границах Хивинского ханства.

В наступлении против Хивинского ханства должны были принимать участие отряды царских войск всех этих военных округов под единым командованием генерала Кауфмана.

Захват Хивы, представлявший собой не менее сложный процесс, чем подчинение Бухарского Эмирата, оставил в истории туркмен Хорезмского оазиса особенно заметные следы. Если в Бухарском эмирате население его туркменских районов менее испытывало на себе тяжесть и разрушительную силу проводившихся царизмом мер, связанных с его планами установления и упрочения своей власти, то население туркменских районов Хивинского ханства подверглось жесто-

кому истреблению и полнейшему разорению его хозяйства.

Правящая верхушка ханства, стремясь поддержать пошатнувшееся положение хана и его двора, постоянно разжигала межплеменную рознь. Ханское правительство вело по отношению к туркменам и другим народам, населявшим территорию ханства, политику жестокого грабежа, национального угнетения. Но в создавшихся новых условиях, в связи с нависшей угрозой войны, хивинский хан предпринял усиленные попытки сколотить силы как внутри ханства, так и за его пределами.

Донесения царских чиновников пестрят сведениями примерно такого содержания: «Отношение номутов к хивинцам по-прежнему неприязненное»[1].

Очень характерно для выяснения позиции хивинских туркмен по отношению к России заявление одного из туркменских старшин на совещании, специально созванном в конце января 1872 г. хивинским ханом для решения вопроса о том, как быть при появлении русских на территории ханства — оказать сопротивление, или сдаться покорителям. Большинство туркменских старшин высказало мнение, что при первом же появлении русских, все туркмены перейдут на их сторону[2].

Определенные изменения произошли и во взаимоотношениях России с туркменами Каспийского побережья. Меры царского правительства, направленные на упрочение положения России в западных районах Туркмении, во многом способствовали ослаблению той напряженности, которая имела место в первые дни после занятия Красноводска.

Хан Хивы и его сановники также зорко следили за развитием взаимоотношений между Россией и населением Западного Туркменистана. И не просто следили, а предпринимали деятельные меры, с целью ухудшить и всеми возможными средствами обострить эти успешно развивавшиеся взаимоотношения.

В Мангышлак и в селения, расположенные вблизи Красноводска, периодически посылались небольшие отряды для сбора сведений о движении русских войск и провоцирования инцидентов между русскими и туркменами. За всякое содействие и помощь русским ханские гонцы везде, где это удавалось, учиняли жестокую расправу с мирными жителями.

---

[1] Сб. «Присоединение», стр. 64.
[2] Там же, стр. 72.

Туркмены подвергались гонениям за одно только подозрение в каких-либо связях с русскими. По сведениям начальника Астрабадской морской станции, содержащимся в одном из его донесений, участники каравана, отправившегося от кочевья туркмен в Хиву за пшеницей, заявили, что «хан очень сердится на них за службу русским и не приказал в другой раз приходить в Хиву»[1].

С неослабным вниманием ханское правительство следило также за развитием взаимоотношений русских с туркменами прикопетдагских районов. Здесь, также как и на Мангышлакском полуострове и в Красноводско-Балханском районе, предприняты были попытки всячески помешать развитию этих взаимоотношений и под флагом общности веры перетянуть туркмен на свою сторону. В этом отношении весьма показательны сведения, которые сообщал помощник главнокомандующего Кавказской армией генерал-адьютант князь Святополк-Мирский в рапорте на имя военного министра от 3 января 1872 г. Говоря о подробностях рекогносцировки в районе Сары-Камыша и общей обстановке, сложившейся в этом районе, он писал: «...по весьма распространенным в степи слухам, Нурберды-хан Текинский весьма недавно получил от Хивинского хана 5000 туманов, обязавшись за то напасть на русских и постоянно грабить служащих нам туркмен...»[2]. Хан Хивинский явно спровоцировал Нурберды-хана на столкновение с русскими отрядами. Он даже уговаривал его нападать на жителей, считавших себя русскими подданными.

Вероятно, по этому поводу начальник Астрабадской морской станции в своем рапорте начальнику штаба Кавказского военного округа от 20 апреля 1872 г. сообщал, что «...недавно передавали мне полученное известие, что хивинский хан уговаривал Нурберды-хана Текинского напасть на них, но он ответил, что готов помогать, если хан со своим войском нападет первым...»[3]. Ход событий развеял надежды Хивинского хана и его сановников получить в лице туркмен поддержку в борьбе против России. Все попытки, предпринимавшиеся ими в этом направлении, терпели неудачу.

Вопрос о взаимоотношениях туркмен с Хивой не в меньшей степени интересовал и царские власти. Этот вопрос изучался ими самым тщательным образом. Об этом убедительно свидетельствует то обстоятельство, что сведения, характе-

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 64.
[2] Там же, стр. 67
[3] Там же, стр. 82. Здесь речь идет о русско-подданных гокленах.

ризующие отношение ханских властей как к туркменам, являвшимся их подданными, так и к тем туркменам, которые не проживали на территории ханства, содержатся в большом количестве в документах соответствующих инстанций.

В южных районах Туркмении, прилегавших к Балханским горам, царское командование, закрепляя свои позиции и постепенно распространяя свое влияние на общественную жизнь местного населения, уже к началу 1872 г. добилось такого положения, при котором могло в известной степени различать «своих» и «не своих». Даже начальник Красноводского отряда подполковник Маркозов, не отличавшийся дипломатической гибкостью, сообщал в одном из своих донесений: «Джафарбаям было объявлено, что так как они нам преданы, то мы их не тронем, но чтобы и атрекские джафарбаи послужили нам, как послужили их родичи...»[1]. К тому времени хан хивинский и его двор были уже озабочены тем, что царские власти, распространяя свое влияние в районах, прилегавших к территории ханства, готовят развернутое наступление на владения хана. Переполох, возникший в столице ханства, с каждым днем усиливался. Опасения хана оказаться лицом к лицу с хорошо организованной и гораздо лучше, по сравнению с его войском оснащенной армией, заставили его искать пути, которые помогли бы ему оттянуть день краха и остаться на положении пусть хоть ущемленного, но все же главы государства. С этой целью предпринимались экстренные меры. В русский лагерь неоднократно направлялись посланцы для переговоров. Случалось, что ханские посольства направлялись одновременно к Туркестанскому, Кавказскому и к Оренбургскому начальникам[2]. Страх перед предстоящим движением царских войск был настолько велик, что хан распорядился прислушиваться к каждому, даже малейшему слуху, каким бы малодостоверным он не был. У хана бесконечно проходили совещания, которые еще больше обостряли и без того напряженную обстановку.

Генерал-адъютант князь Святополк-Мирский писал в своем рапорте на имя военного министра, ссылаясь на сообщения русских пленных казаков, томившихся в Хиве: «После движения Красноводского отряда к озеру Сары-Камыш и волнения между хивинскими иомудами..., хан вполне уверенный, что русские скоро снова придут в самую Хиву, пришел в большое уныние, собрал старшин от всех живущих в Хиве

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 68.
[2] Там же, стр 84.

племен и спрашивал их совета, что ему делать, если русские придут в Хиву. Большинство старшин отозвались, что безрассудно и думать ...о каком-либо сопротивлении русским...»[1]. Хан, по их словам, не имеет средств, чтобы обеспечить на долгое время продовольствием собранное... войско, которое «должно быть весьма значительно, чтобы поставить оное даже против самого слабого русского отряда»[2].

Весьма влиятельный среди туркмен северных районов Нурмухамед ишан, присутствовавший на этом совещании, высказал мнение о том, что оказание какого бы то ни было сопротивления будет гибельным для Хивы. «Многие десятки лет могущественный змей (дракон), могущий поглотить весь мир, лежал к нам хвостом, голова же его была далеко на западе, за морем. ...Вы едва заметная простым глазом мошка... Теперь же, когда могучий гигант обратил к вам свою грозную пасть и, когда одного его дыхания достаточно, чтобы поглотить вас всех, — вы спрашиваете меня, что вам делать? Поздно уже. Продолжайте слушать своего диван-бека»[3].

Речь ишана произвела на всех участников совещания исключительно глубокое впечатление. Хан тут же приказал привести к нему всех русских пленных, чтобы отвести их к русским[4].

Диван-бек Мат Мурат и другие сановники хана были упорными сторонниками оказания сопротивления русским войскам, они, пользуясь своим влиянием на хана, будучи неспособными видеть все безрассудства в тогдашних условиях этого шага настойчиво толкали страну на прямой военный конфликт с Россией. Безрассудство и авантюризм такой позиции усугублялись еще и тем, что никаких серьезных приготовлений к сражению не велось. Мат-Мурад внушил хану что для того, чтобы поддержать свое достоинство, ему необходимо отказать требованию русских «иначе немедленное и точное исполнение этих требований и возвращение всех пленных русские примут за раболепство, потеряют к хану всякое уважение, скажут, что он струсил, и все более и более будут требовательны в своих сношениях с Хивой»[5].

Слухи о том, что хан Хивинский твердо решил организовать сопротивление царским силам, стали распространяться все сильнее. «Сколько можно заключить из рассказов турк-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 71—72.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же, стр. 71; Диван-бек—главный сановник.
[4] Там же, стр. 73.
[5] Там же, стр. 85

мен, отряд наш должен встретить сопротивление как от ближайших к Хиве номутов, так и со стороны хивинцев, решившихся будто бы защищаться»[1],— сообщал в своем донесении и. д. консула в Астрабаде Российскому посланнику в Иране.

Тем временем в русском лагере шли серьезные приготовления. К весне 1873 г. концентрация войск на границах с Хивой была, в основном, закончена. Все было готово для начала наступления. Теперь нужен был только повод. Царскому командованию не пришлось его долго искать. Таких «причин» для осуществления наступательных действий и для маскировки действительных, захватнических по своему характеру колонизаторских целей царизма в Хивинском ханстве было более, чем достаточно. Они ничем не отличались от тех, которые были изложены в пресловутом циркуляре вице-канцлера Горчакова в связи с началом военных операций против Кокандского ханства. В этом циркуляре, направленном ко всем европейским государствам, Горчаков писал: «...интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями... Оно начинает, прежде всего, с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести пограничные народы к более или менее прямому подчинению»[2]. Как и при взятии Кокандского ханства и Бухарского эмирата, в качестве одного из основных поводов для начала военных операций против Хивы выдвигалась необходимость «обуздания» кочевников и прежде всего туркмен, которые, якобы, беспрестанно «грабят» и «совершают набеги» на земли, контролируемые Россией.

В целях усиления своих доводов и придания им большей «убедительности» царские чиновники решили, по-видимому, объединить их все в один общий, но явно надуманный от начала до конца искусственно созданный так называемый «туркменский вопрос».

«...в Хиве, собственно, не существует хивинского вопроса, а есть только туркменский вопрос, от решения которого и зависят все будущие отношения Хивы к России... Россия желает водворить порядок в ханстве и обеспечить свои интересы на р. Амударье...[3] Далее, «как прежде, так и теперь, в

[1] «Сб. «Присоединение...», стр. 88.

[2] Цит. по «Истории Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 87.

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 100 –101.

судьбе ханства будут играть важную роль туркмены. Было бы величайшим бедствием для Хивинского ханства, если бы они откочевали в пределы Персии. Тогда вся западная часть ханства немедленно запустела бы... В настоящем Хивинском ханстве западная ее часть есть для России самая важная часть в политическом, военном и стратегическом отношениях».

Более откровенно карты царского правительства в данном вопросе раскрывал Кауфман. Он писал: «Даже занятие правого берега Амударьи..., не представляет в данном случае достаточной гарантии к изменению указанного выше существующего в ханстве ненормального порядка отношений хана к подвластному ему населению. Хан при всем его искреннем желании, в чем почти можно уже теперь не сомневаться, выполнять наши требования, не в состоянии будет этого сделать. Туркмены не дадут ему возможности, не позволят подчиниться условиям нашего мирного тракта с ханом. Одно только средство могло бы быть в этом случае действительным — оставить в разных пунктах Хивинского оазиса наши сильные гарнизоны; но таковая мера не соответствует сделанным мне его величеством указаниям.

Ввиду всего изложенного я остановлюсь на мысли, что мы, пользуясь настоящим пребыванием наших войск в ханстве, можем до некоторой степени изменить указанный выше порядок вещей, ослабив туркмен материально и нравственно, сломив их кичливость и необузданность»[1].

Нетрудно видеть, что так называемый туркменский вопрос служил царским колонизаторам лишь маскировочным щитом для прикрытия своих захватнических замыслов.

При разработке общего плана наступления на Хивинское ханство основная роль в нем отводилась войскам Кавказского военного округа. «Войска кавказской армии не только могут участвовать в движении на Хиву, но дело может быть даже возложено всецело на них, так как опыт показал, что степные пути между восточным берегом Каспия и Хивинским оазисом легко проходимы...»[2],— указывал помощник главнокомандующего Кавказской армии в своем рапорте военному министру.

Два округа — Туркестанский и Оренбургский направили свои колонны как только был подан сигнал о начале похода.

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 116.

[2] Там же, стр. 75.

Двинут был в направлении Хивинского оазиса и Красноводский отряд, состоявший исключительно из войск Кавказского военного округа, хотя, отправка отряда оказалась совсем нелегким делом. Колонны царских войск стремительным маршем, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, подошли к центру ханства — Хиве. Крепость была охвачена паникой. Хан Хивы Сеид-Мухаммед-Рахим II оказался свергнутым еще за несколько дней до подхода царских войск к стенам крепости. Новым ханом был провозглашен его брат Атаджан-Тюра.

29 мая 1873 г. город был взят почти без боя. Так был решен вопрос о подчинении Хивинского ханства.

Подчинение русским царизмом Хивинского ханства, заключение мирного договора 1873 г. и те перемены, которые произошли в политической жизни ханства в ходе установления царского протектората не остались «незамеченными» за рубежом. Об этих изменениях в жизни ханства сообщали своим читателям многие газеты европейских стран. Особенно широко эти изменения освещались на страницах английской печати. По словам Ф. Ф. Мартенса подчинение русскими Хивы вызвало даже целую бурю в английской прессе[1].

Вопрос о подчинении русским царизмом Хивинского ханства стал предметом разговора в английском парламенте. Однако ханство уже было завоевано царской Россией. В этих условиях меняется подход к оценке характера событий. Если некоторые из депутатов считали, что земли, занятые Россией, не имеют для нее никакой цены и, что они нужны ей для военных целей, то другие, пытаясь оправдывать действия царских колонизаторов в Средней Азии, говорили «.... цивилизованная страна не может не быть завоевательной»[2]. Проповедники и защитники империалистической политики колониальных захватов из английского парламента договорились до того, что «соприкосновение с народами менее цивилизованными» заставляет, будто, цивилизованные страны «заходить все далее и далее» в глубь страны, как это, например, «вынуждены» были делать англичане в Индии. Мнение некоторых депутатов сводилось к тому, что для Англии не выгодно, «активное вмешательство» в среднеазиатские дела. Однако все эти высказывания были лишь прикрытием для продолжения

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 93.

[2] Сб. «Туркестан», т. 5, стр. 111.

Англией политики колониальных захватов и расширения сфер влияния в странах Востока. И не случайно английское правительство вторично поставило «вопрос о признании Россией независимости Афганистана и требовало гарантий, что русские войска не двинутся в районы Туркмении и не будут угрожать Мерву». Русское правительство вновь повторило прежнее заявление о том, что «считает Афганистан вне сферы русского влияния»[1]. Царское правительство, подтверждая «незаинтересованность России в афганских делах, в основном (в вопросе о Мерве и туркменах) сохраняло за собой свободу действий»[2]. Одной из неотложных задач, вставших перед русским самодержавием сразу же после захвата ханства, было определение формы правления вновь завоеванным краем. Царское правительство, исходя из своих колониальных целей, сочло целесообразным сохранить здесь прежнюю форму государственного устройства. Сохранена была ханская власть под сильным и строгим контролем царизма. Это вполне отвечало целям и задачам царских колонизаторов в Средней Азии, консервировавшим в завоеванном крае все наиболее отсталые социальные и политические формы и институты. Возник вопрос — оставить ли на престоле Атаджа-та-Тюру или восстановить власть свергнутого Сеид-Мухаммед Рахима II.

В сложной внутренней обстановке, которая сложилась в ханстве, наиболее подходящей фигурой на ханском престоле царскому правительству представлялся Сеид-Мухаммед Рахим. Кауфман пригласил хана в свою ставку и объявил ему, что царское правительство признает его законным правителем ханства. Ему было предложено учредить при себе специальный орган, в который вошли бы представители как местной знати, так и русского командования. Был создан Диван[3], нечто вроде совещательного органа при хане. Абсолютная власть хана была таким образом несколько ограничена. Это было в интересах царизма, который, консервируя старые

---

[1] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 93.

[2] Там же.

[3] В составе Дивана было 7 человек. Четверо из них—представители туркестанской администрации, 3—из ханских властей (хан, диван-беги и мехтер). В 1874 г. Диван был упразднен в связи с образованием Амударьинского округа, переименованного в том же году в Амударьинский отдел. Подробно об этом см: История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 145.

формы государственной власти, а с другой стороны, привлекая к известному, сравнительно более широкому участию в ней феодальную знать, стремился установить тем самым союз с правящей верхушкой ханства. Создать своеобразный, глубоко реакционный экономический, военный и политический блок колонизаторов и реакционно-феодальной знати для совместной эксплуатации широких масс трудящихся и беспощадного подавления их борьбы против социального гнета.

12 августа 1873 г. хан Хивы безоговорочно принял условия мирного договора с Россией. Они были продиктованы самим Кауфманом. На основе этого договора Хивинский хан лишался права вести самостоятельные внешние сношения. Больше того, хан признал себя «покорным слугой» русского царя, то есть стал его вассалом.

По условиям договора 1873 г. часть правобережья Амударьи отходила к России. На отошедшей к России территории был образован амударьинский отдел, который в административном отношении подчинялся губернатору сырдарьинской области. Договор гарантировал русским купцам и промышленникам почти неограниченные права. Они могли свободно вести торговлю и развертывать предпринимательскую деятельность на всей территории ханства. К тому же они освобождались от всяких пошлин и повинностей. В отношении поистине баснословных льгот и широчайших преимуществ, предоставлявшихся русским купцам и промышленникам, мирный договор, заключенный с Хивой (1873 г.), ничем не отличается от заключенного в том же году мирного договора с Бухарой. На Хивинское ханство, так же как и на Бухарский эмират, была наложена контрибуция в сумме 2200000 рублей. Это было одно из самых тяжелых условий договора. Определенная доля этой суммы падала на туркмен. Было немедленно приступлено к сбору сведений о численности туркмен. Для этой цели формировались специальные отряды. Однако в своих попытках довести до сведения родоплеменных вождей решение о взимании с туркменской части населения ханства определенной доли контрибуции, царское командование встретилось с серьезными трудностями. На это указывал туркестанский генерал-губернатор фон-Кауфман. Он писал, что «потребовал к себе в Хиву старшин отделений номутов. Только к 5 июля, и то далеко не все, собрались ко мне старшины: это может служить новым доказательством того, до какой степени туркменам страшно и непонятно повиновение и исполнение чьих бы то ни было

требований и приказов»[1]. «Обуздать» местное население, «заставить» их повиноваться и безоговорочно исполнять требования царской администрации — такова была сущность той общей задачи, которую осуществляли царские колонизаторы в первоначальный период своего господства в подчиненном крае. Эта задача сохраняла всю свою важность на протяжении всего периода колониального господства. Вслед за установлением здесь своего господства осуществлению этой задачи было уделено особо важное значение. Неявка же многих туркменских старшин в ставку главнокомандующего представляла собой тот незначительный сам по себе случай, который был использован лишь как повод для развертывания деятельности карательных отрядов.

13 июля 1873 г. начальник Туркестанского отряда направил письмо на имя туркменских старшин. В нем сообщалось об обложении ханства контрибуцией и указывались размеры доли, которая падает на каждое племя в отдельности. Согласно этому письму, туркмены в самые кратчайшие сроки должны были внести первые 100 тысяч рублей[2]. Для них это было совершенно неожиданным. Начались волнения. Произошли первые стычки туркмен с отрядами царских войск[3].

Начальник Туркестанского отряда генерал-майор Головачев в своем рапорте от 14 июля на имя командующего войсками писал: «Имея в виду действия туркмен, явно нам враждебные, я полагаю, что они заслуживают совершенного истребления, для чего считаю необходимым совокупные действия обоих отрядов — Оренбургского и Туркестанского... завтра же, 15 июня в полночь, предполагаю выступить с 6 ротами и всеми орудиями... и всею кавалерией для истребления туркмен, так как к этому времени оренбургский отряд, вероятно, подойдет со стороны Ургенча»[4]. В рапорте излагалась крайняя мера, но эта мера определялась общей задачей покорения края и вытекала из нее.

Вскоре волнения охватили почти все селения туркмен. Началось развернутое наступление царских войск. 22 июля 1873 г. начальник полевого штаба Хивинской экспедиции генерал-майор Троицкий сообщал: «...наш отряд, во исполнение предписания командующего войсками, двинулся от г. Хазавата вниз по левому берегу Хазаватского канала в

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 117.
[2] Там же, стр. 107.
[3] Там же, стр. 108.
[4] Там же, стр. 110.

направлении к Змукширу для наказания иомутов. Дома их, имущество, хлеб и прочие запасы — все было предано пламени, а в настигнутом нашей кавалерией... караване откочевывавших отделений иомутов много людей было перебито и потоплено в озерах...»[1]. Наступление карателей было стремительным. Оно осуществлялось под единым командованием. Движение войск шло по строго разработанной программе. Результаты этого наступления оказались ошеломляющими. В первые же дни царскому командованию удалось добиться полнейшей разобщенности туркменских племен. Внезапность нападения, концентрированность сил, огромное превосходство в технике и боевой выучке—все это позволило сразу же сломить сопротивление туркменских племен, хотя последние сражались поистине яростно. Буквально через несколько дней командование царских войск могло сообщить: «ослабленные материально и пораженные нравственно иомуты разбрелись в разные стороны, но куда именно — сведения, до сих пор мною имеемые, крайне сбивчивы и разноречивы...»[2].

«Чтобы завершить туркменский вопрос в ханстве,—сообщал командующий войсками Хивинской экспедиции, — я собрал 21 июля в лагерь под г. Ильялы старшин остальных родов туркмен... и объявил им, что я требую с них уплаты в 12-дневный срок пени в размере 310 тысяч рублей..»[3]. Между тем, в ставке главного командования было хорошо известно, что для туркменского населения Хивинского ханства — это была крайне обременительная сумма[4]. Действия карательных отрядов развертывались все шире. Меры царского правительства по отношению к туркменам пришлись как нельзя более по душе Хивинскому хану.

В одном из своих писем на имя Кауфмана он выражал свою радость по случаю военных удач царских отрядов и поздравлял его «с поражением номутов...». Однако размах наступления царских войск на туркменские селения был настолько значительным, а характер его настолько опустошительным, что грозила опасность окончательной потери этой части жизненных районов ханства. Это видно из рапорта начальника экспедиционного отряда Оренбургского военного округа полковника Саранычева на имя командующего войсками хивинской экспедицией. Сообщая о результатах воен-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 114.
[2] Там же, стр. 118.
[3] Там же, стр. 112—113.
[4] Там же, стр. 118.

ного погрома, предпринятого в туркменских районах ханства, он писал: «...возникает вопрос—как поступить с туркменами в том вероятном случае, если уплата не будет окончена к назначенному сроку... Предавать их за это истреблению и разорению, кроме нарушения законов человеколюбия, невозможности отличить правых от виноватых и неизбежной деморализации войск, смею думать, было бы совершенно бесполезно, так как в результате в руках отрядов оказалась лишь масса скота... Кроме того, это повело бы к возбуждению в туркменах ненависти к русскому имени, а в конечном результате, имело бы возникновение совершенной анархии в ханстве после нашего ухода, так как туркмены, без всякого сомнения, хотели бы вознаградить свои потери на счет узбекского населения и самого хана, признаваемого ими почему-то главным виновником своих бедствий»[1]. Полковник Саранычев предлагал облегчить туркменам взнос насколько возможно «возвысив цену на поставляемых ими верблюдов»[2]. По его мнению, к тому времени уже возникла необходимость дать туркменам рассрочку для уплаты контрибуции.

Страшные последствия погрома заставили царские власти задуматься над вопросом, как быть с туркменами в случае, если начнется процесс массового откочевания их из пределов ханства. Опасения эти имели под собой реальную почву. В этих условиях царские чиновники начали искать выход из создавшегося положения. Полковник Саранычев, например, высказывал соображение о необходимости смягчить «усмирение» туркмен, дабы предотвратить их массовое переселение в другие районы. Уход туркменских племен из пределов Хивинского оазиса привел бы, по их предположениям, к тому, что жизненная зона, занятая туркменами, могла оказаться совершенно опустошенной и заброшенной[3]. Выход из строя оросительных каналов и захирение земледельческой полосы нанесли бы немалый ущерб хозяйственной жизни оазиса. Тот же полковник Саранычев писал по этому поводу: «Так как туркмены ознакомились уже с силой русского оружия и убедились в возможности нашего к ним прихода, то я убежден — они уплатят свой долг... Кроме того, не разделавшись еще с нами, они не так легко позволят себе насилия против хана, если им это будет запрещено. Во-вторых, для того, чтобы облечь в законную форму

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 120.
[2] Там же, стр. 120.
[3] Там же, стр. 101—102.

неминуемое возвращение иомутов в ханство, я бы считал весьма полезным, если бы им теперь же дано было на это разрешение... ввиду понесенного уже ими весьма чувствительного наказания и под условием уплаты впоследствии причитающейся доли контрибуции. Такая мера примирила бы их до некоторой степени с нами, уменьшила бы враждебность их отношений к ханскому правительству, ...упростила бы положение отряда...»[1]. Полковник Саранычев пытался при этом убедить вышестоящие инстанции в том, что задержка с уплатой контрибуции не связана с нежеланием туркмен вносить установленную властями сумму, а вытекает из отсутствия у них возможности погасить эту сумму. Он писал: «Несмотря на успешный сравнительно сбор, нельзя не придти к заключению, что к истекающему завтрашнего числа срока для уплаты первой половины контрибуции, не будет внесено и четвертой ее части. Видеть в этом желание туркмен уклониться от уплаты, я не вижу ни малейшей возможности; они усердствуют самым очевидным образом, — приносят женские уборы, серебряные украшения с оружия и сбруи, ковры, пригоняют на продажу скот, даже собак, сдают с очевидной для себя невыгоды верблюжьих самок от детей, словом отдают все, что у них есть. Очевидно, платить им нечем, а что и есть, то собирается с большими затруднениями, по отсутствии между ними всякого порядка»[2].

В ответ на это, командующий войсками Хивинской экспедиции генерал Кауфман писал, что он согласен с подобной оценкой создавшегося положения. Автор письма не скрывал своего личного впечатления о том катастрофическом положении, в котором очутились туркмены. Лишенные средств к существованию, они свозят в отряд свое имущество и скот. Он вынужден был признать, что чрезмерная жестокость, которую проявляет царское командование по отношению к туркменам, может еще более усугублять положение дел в ханстве. Он писал: «Очевидно, что карать их за невзнос всей требуемой суммы в первую половину срока было бы несправедливо, жестоко, а по последствиям, быть может, и вредно»[3]. Тем не менее, карательные отряды царских войск продолжали огнем и мечом двигаться по населяемой туркменами земле.

Генерал Кауфман сообщал в своем рапорте: «Не получая.

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 120—121.
[2] Там же, стр. 120.
[3] Там же, стр. 122.

в продолжение трех суток, с 9-го по 14-е число, никаких известий от генерал-майора Головачева и предполагая, что он двинулся вперед, я решился предпринять движение на театр [военных] действий и к вечеру 15 июля выступил из Хивы с отрядом в составе 10 рот, 8 орудий... К этому я побуждался еще и тем, что до меня дошли темные слухи о том, что все туркмены, не одни номуты, собираются на Кизыл-Такыр, что впоследствии оправдалось, и мне стало ясно, что прибытие мое на место может окончательно решить столь озадачивающий меня туркменский вопрос в ханстве или смирением туркмен, или совершенным их уничтожением»[1].

«Смирение или совершенное уничтожение» — именно такова была сущность той программы, которую осуществляли царские колонизаторы по отношению к туркменам в завоеванном ими Хивинском ханстве. Эта программа, выработанная еще в самом начале военной кампании против Хивы, отвечала интересам не только царских колонизаторов, но и хана Хивинского, его сановников, а также туркменской родо-племенной знати. Ее смысл и политическое назначение раскрыл сам Кауфман в своем рапорте на имя центральных властей. Он писал: «Ближе, подробнее ознакомясь с положением дел в ханстве, я пришел к убеждению, что для того, чтобы поставить ханское правительство в возможность исполнять в будущем наши требования и подчиниться условиям мирного договора, которые вскоре я имею в виду предложить хану, — необходимо изменить те отношения, которые установились и существуют здесь между туркменами и правительством Хивинского хана. Теперь уже очевидно, что власть хана над туркменами, живущими на Хивинском оазисе, была только номинальная и, наоборот, эти последние пользовались авторитетом хана исключительно для своих выгод и своих целей. Не хан властвовал и распоряжался в среде туркмен-полукочевников, а они держали его постоянно в своих руках...»[2].

Нетрудно видеть, что с целью поддержания престижа хана царское правительство явно вело политику самого зверского и беспощадного подавления туркменского населения. Карательные отряды предавали уничтожению туркменские селения. Генерал-адъютант фон-Кауфман сообщал: «Погром, произведенный нашими войсками между номутами, весьма значителен. Они потеряли много убитыми,

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 117.

[2] Там же, стр. 115.

раненными; скота отбито у них до 9 тыс. голов, жилища, хлеб, разные запасы по пути движения отряда генерал-майора Головачева от Хазавата до Змукшира — все предано пламени; разновременно войсками уничтожено и сожжено до 3 тыс. арб с имуществом иомутов»[1].

Этот массовый погром, осуществлявшийся царскими завоевателями в туркменских районах Хивинского ханства, преследовал далеко идущие цели. Под видом установления порядка в ханстве царизм осуществлял намеченные планы порабощения народов, населяющих ханство.

Варварские нападения карателей на мирные селения вызывали гнев и глубокое сочувствие к туркменам со стороны других народов, населявших территорию ханства. Доведенные до нищенского состояния туркмены-беженцы находили искреннюю поддержку узбекского населения. «В числе собравшихся туркмен, говорят, есть и узбеки», — сообщал в своем донесении на имя Туркестанского генерал-губернатора начальник Амударьинского округа полковник Иванов[2].

Начальник Петро-Александровского укрепления — Омельянович писал: «Отношение хана к движениям туркмен не выяснилось,... что касается узбеков, то известно, что ...Ильялы, Газават и некоторые другие солидарны с туркменами»[3]. Здесь же сообщалось, что командованию удалось обнаружить среди туркменских повстанцев трех узбеков. Через некоторое время генерал-губернатор Кауфман в своем донесении на имя военного министра сообщал: «Солидарность узбеков с туркменами подтверждается»[4].

Совместное выступление туркмен, узбеков, представителей других народов в борьбе против колониального разбоя царизма представляет большой научный и политический интерес. Здесь речь идет об истоках антиколониальной борьбы народов Средней Азии. Туркменское население открыто выступило против насаждавшихся колониальных порядков. Царскому правительству удалось подавить эти выступления. Но в истории народов Средней Азии вооруженное выступление туркмен в период завоевания края русским царизмом оставило заметные следы.

Уплата контрибуции и пени продолжалась в течение нескольких лет. Царизм обнажил себя перед угнетенными на-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 118.
[2] Там же, стр. 128.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 136.

родами Средней Азии с первых же дней завоевания края. Антинародная, разбойничья политика царского правительства вызвала бурю негодования среди трудовых слоев местного населения. Действия карательных отрядов на левобережье Амударьи развертывались с необычайной быстротой, охватывая весьма значительную территорию ханства. Они длились до середины января 1874 г. В 20-х числах января стали поступать донесения и рапорты начальников отрядов о завершении операций и возвращении карательных отрядов на правый берег Амударьи[1]. «Решительный переход отряда на левый берег, не дав развиться волнению, распространил сильную панику не только между туркменами, но и по всему ханству. Напуганные прошлогодним погромом, причиненным русскими войсками, все туркменские скопища, видя, что отряд двигается в их кочевья, мгновенно рассеялись спасать свое имущество и семейства»[2].

Полковник Иванов считал, что движение отрядов в левобережье еще не решило, а лишь, как он выразился, «надломило туркменский вопрос». Для окончательного решения вопроса, по его мнению, потребуется еще одна такая экспедиция[3]. В этом же письме полковник Иванов сообщал, что он поставил в известность хана о том, что все расходы, связанные с экспедицией на левобережье Амударьи, должны покрываться за счет его казны. Что касается трудностей, с которыми связан сбор денег, то Иванов рекомендовал хану назначать к туркменам своих людей, которые следили бы за сбором контрибуции[4].

Назначенные ханом в туркменские роды специальные люди в своих действиях допускали злоупотребления и произвол. Финансовая документация была настолько запутана, что туркмены открыто обвиняли в казнокрадстве не только специально посланных для сбора налогов людей, но и главных сановников хана и прежде всего Диван-бека Матмурада.

Недовольство все усиливалось и в конце концов вылилось в новое крупное выступление туркмен, которое было более организованным по сравнению с теми, что имели место в первые месяцы после взятия Хивы. Оно также было подавлено, причем еще более жестоким и беспощадным образом. Полный погром, осуществленный карательными отрядами в

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 129, 136.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 135.
[4] Сб. «Присоединение...», стр. 134.

туркменских районах Хивинского ханства, вызвал большой резонанс в высших правительственных сферах. Царские генералы, принимавшие участие в военной экспедиции в Хивинском ханстве, всячески старались выдавать этот погром за особо-важное событие. В донесениях и рапортах усиленно подчеркивалась версия, согласно которой подавление выступлений туркмен представляло собой решение одной из главных задач в покорении ханства. Более того, эта версия всячески раздувалась. Даже вопрос об административном устройстве среди туркмен они связывали с так называемым «туркменским вопросом» в Хивинском ханстве.

В своей докладной записке на имя военного министра по поводу заключения министра финансов и директора Азиатского департамента на проект административного устройства Закаспия и. о. начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Мещеринов писал: «Теперь, со времени подчинения Хивы нашему влиянию, первоначальное предположение правительства весьма близко к своему осуществлению. Вместе с тем, представляется возможность не уклоняться от первоначальной программы действий по отношению к туркменам.

Опыт последних лет, а в особенности экспедиции, предпринимавшиеся из Красноводска, а также действия наших войск против туркмен после взятия Хивы, показали нам, с какими затруднениями сопряжены сношения наши с этим кочевым народом. Нет сомнения, что наше положение будет еще затруднительнее в том случае, когда властям нашим придется вводить между туркменами новые административные порядки, определенные проектом положения»[1]. О массовых погромах царских карателей в туркменских районах ханства писали не только русские, но и зарубежные газеты. Они нашли свое отражение в ряде работ дореволюционных русских авторов. Мак-Гахан, репортер одной из английских газет, вместе с русскими войсками добрался до Хивы. Свои впечатления о походе царских отрядов, подчинении русскими Хивы и некоторых событиях, связанных с продвижением царских войск в глубь Хорезмского оазиса, он изложил в своей книге «Поход на Амударью и падение Хивы». Последняя часть книги посвящена описанию похода карательного отряда против туркмен. В ней содержатся наиболее характерные эпизоды о действиях карателей в мирных туркменских селениях.

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 141.

Другой английский автор Скайлер в одном из своих сообщений приводит некоторые подробности действий царских карателей в туркменских селениях. Так, например, он писал о том, что после наложения контрибуции на туркмен, были вызваны старшины и им было объявлено, чтобы в две недели была уплачена часть наложенной на них доли контрибуции. «Но, — писал Скайлер, — вместо того, чтобы дождаться истечения означенных двух недель, он вслед затем выслал отряд под командою генерала Головачева, чтобы обеспечить за собою первую уплату. Генерал Головачев тот час же напал на туркменские селения и лагерь, сжег их дома, уничтожил запасы — одним словом произвел совершенное опустошение среди кочевников»[1].

Сообщение разоблачает провокационные действия царской администрации. Погром был заранее подготовлен и осуществлялся здесь в самых жестоких формах. Между тем туркмены добивались решения вопроса об уплате доли контрибуции мирным путем. С этой целью они даже обратились к царскому командованию[2]. Однако ни к чему это не привело. Тогда, по словам Скайлера, туркмены напали на лагерь генерала Головачева под Ильялы[3].

Мирный договор 1873 г. устанавливал режим царского протектората над Хивинским ханством. Так же как и договор 1873 г. с Бухарой, этот договор мало затрагивал социально-экономический строй ханства[4]. Не произошло также существенных изменений и в административно-политическом строе ханства. По прежнему оно разделялось на 20 беклств. Туркмены населяли в основном территорию беклств: Ташауз, Порсу, Ильялы и Куня-Ургенч. Туркмены, которых царские власти причисляли к кочевому и полукочевому населению ханства, управлялись своими племенными вождями[5]. Таковы в общих чертах основные этапы процесса включения Хивинского ханства и его туркменских районов в состав царской России.

---

[1] Сб. «Туркестан», т. 4, стр. 127.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 93.
[5] Там же, стр. 147.

ГЛАВА IV

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКИХ ВЛАСТЕЙ С ЖИТЕЛЯМИ АХАЛА ПЕРЕД ВОЕННЫМ ПРОДВИЖЕНИЕМ ЦАРИЗМА В ГЛУБЬ ТУРКМЕНИИ (1874—1876 гг.)

Разногласия среди жителей Ахала в вопросе об отношении к России

Создав в Красноводске прочную военную базу, царское правительство стало готовиться к дальнейшему продвижению в глубь Туркменистана. На очереди стоял теперь колониальный захват плодородных земель Ахала, населенных в основном текинцами — одним из самых сильных и многочисленных туркменских племен.

К моменту образования Закаспийского военного отдела, в Ахале сложилась напряженная обстановка, вызванная новым усилением междоусобных распрей и неурядиц.

Основным предметом споров между отдельными группировками текинцев являлся теперь вопрос об отношении к русским. Во всем Ахале не было ни одного рода или селения, которые в той или иной мере не были бы причастны к решению этого жизненно важного в тот момент вопроса.

В зависимости от своей позиции в этом вопросе все население Ахала составило как бы две группировки. Большая часть жителей оазиса, основная масса трудового населения, а также часть феодальной верхушки текинцев стремилась к сближению с Россией. Другая, менее значительная часть, куда входило большинство представителей феодально-родовой знати и мусульманского духовенства, придерживалась

противоположной позиции. Пользуясь сохранившимися в туркменском обществе родовыми пережитками и обычаями, они имели возможность привлечь на свою сторону и значительную часть простого народа. В этой связи нельзя не учитывать того обстоятельства, что ряд ранее происшедших стычек с русским отрядом и особенно чрезмерная жестокость, проявленная Маркозовым во время его карательного похода на Кизыл-Арват и другие текинские крепости в 1872 г., были достаточно свежи в памяти жителей оазиса. А это как раз и создавало ту атмосферу недоверия и настороженности среди туркмен Ахала, которой пользовалась феодально-байская верхушка для привлечения на свою сторону более широкого круга людей.

Антирусские настроения особенно сильны были в отдаленных от русских крепостях, расположенных на юго-востоке от Геок-Тепе, у жителей которых были самые противоречивые представления о России и русских. Представители феодально-родовой знати этих, так называемых «дальних» текинцев составляли особую, наиболее враждебную России группу. Они вели непримиримую борьбу против сторонников мирного присоединения, преобладавших в северо-западных селениях оазиса и называемых в русских источниках «ближними» текинцами.

Борьба эта не ограничивалась лишь громкими спорами и перебранками на общих сходках и маслахатах, хотя и это уже достаточно накаляло атмосферу. Она доходила до того, что враждующие стороны от словесных споров и угроз переходили к открытым действиям. Имеются документы, говорящие о том, что когда жители Кизыл-Арвата и близких к нему укреплений хотели выслать в Красноводск своих представителей с мирными предложениями, то противники сближения с русскими напали на их укрепления, «ограбили их и грозили конечным разорением, если они приведут в исполнение свое намерение...»[1]. Все это вело к еще большему усилению произвола и анархии в Ахале. В результате заметно участились грабежи и аламаны, предпринимаемые наиболее реакционной зажиточной верхушкой текинцев, разбогатевшей в основном на разбое.

Пользуясь неурядицами и создавшейся напряженной обстановкой, аламанщики в апреле—мае 1874 г. произвели ряд нападений на северные провинции Персии и недалеко от

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, л. 244.

колодцев Огланлы (в 120 верстах от Красноводска) ограбили торговый караван, идущий из Астрабада в Хиву[1].

Выше уже отмечалось, что генерал Ломакин явился одним из последовательных проводников политики царизма, направленной на «мирный» захват Туркмении.

Сразу же после назначения на пост начальника Закаспийского военного отдела, он направил ханам и старшинам Ахала письмо, в котором обращал их внимание на «...весьма полезность и даже необходимость жить постоянно в дружбе и в добром согласии» с русскими властями[2]. Ломакин предлагал текинским старшинам приехать в Красноводск или прислать «хороших доверенных людей», которым он мог бы «лично и подробно» объяснить благие виды и намерения русского правительства...»[3]. «...Итак, вы видите, — пишет далее он, — первое мое слово к вам — есть слово мира, дружбы и доброго совета. Воспользуйтесь им, чтобы восстановить на будущее время между нами лучшие отношения, чем было до сего времени. А что было до сего времени, мы все забудем, чтобы начать новую жизнь и лучшие отношения для общей нашей пользы...»[4].

Несмотря на некоторые колонизаторские нотки, звучащие, хотя и в очень тонко завуалированном виде в этом обращении, в целом оно является интересным документом, сыгравшим положительную роль в улучшении отношений между туркменами Ахала и русскими властями Закаспия. Подтверждением этому явилось совместное ответное письмо некоторых ханов — Овезмурад (Тыкма) — сердара, Софи-хана и Караджа-хана, которые «от всего текинского общества» писали Ломакину о том, что его слова «о мире и добром согласии» были приняты ими «как святыня, открывшая им глаза»[5].

В этом ответном письме текинских ханов сквозит подчас явное лицемерие, нарочитое преклонение перед новым воинским начальником — представителем «великого ак падишаха». Это видно в таких строках их письма, как, например, «...между Вами и нами у нас теперь не существует более раздельности, мы готовы служить всем» или же «...приказа-

---

[1] ЦГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3659, лл. 10–12 — об; см. так же Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. 1, СПб, 1883, стр. 115.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, лл. 161—162.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, лл. 163—164.

ния Ваши с помощью высочайшего бога будут исполнены...»[1]. В письме ханов, наряду с их личными и корыстными интересами, нашло также свое выражение стремление основной массы трудового населения Ахала покончить с междоусобицами и анархией, установить мир и спокойствие в стране. «...Желая навсегда в этом мире твердо держать наше общество в единстве и порядке, мы готовы именно по этой причине исполнять всякое распоряжение и приказание Вашего превосходительства»[2],— писали текинские ханы начальнику Закаспийского военного отдела.

Благожелательное отношение генерала Ломакина, переписка с ним некоторых старшин и ханов Ахала, посещение текинской депутацией Красноводска — все это способствовало постепенному сближению туркмен с русскими властями Закаспия. В начале октября 1874 г. в Красноводск прибыла большая депутация из Ахала в составе 20 старшин и ханов, главным образом из ближайших к русским селений: Кизыл-Арвата, Кодж, Зау, Кизил-Чешме, Бами и др. По всей вероятности прибытию этой депутации предшествовало собрание — маслахат жителей указанных селений, на котором и было, по-видимому, принято решение окончательно установить «обоюдовыгодные отношения с русскими властями.

Противники сближения с Россией, стремясь сорвать переговоры этой делегации с русским командованием, специально снарядили небольшой конный отряд, состоящий преимущественно из людей занимавшихся грабежом и аламанами, который во главе с матерыми разбойниками — Аман-Али-Каргой, Бекташ-Шихом и Копек-сердаром направился в окрестности Красноводска. 9 октября 1874 г., когда еще шли переговоры, отряд этот произвел нападение на мирный и преданный русским иомутский аул Дашли-Кабил, находящийся в 35—40 км от Красноводска.

Действия антирусской группировки туркмен вызвали серьезное возмущение среди многочисленных сторонников сближения с Россией, которые требовали наказания участников описанного выше ограбления мирного аула, возвращения захваченных в плен иомутов, восстановления торговли с Красноводском и т. п. К русскому командованию из многих селений Ахала снова стали приходить депутации, ханы и старшины с изъявлением мирных и дружественных предло-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, лл. 163—164; см. так же П. И. Гродеков. Указ. раб. т. I, стр. 113.

[2] Там же, лл. 163—167.

жений. Некоторые из них приводили с собой пленных иомутов, захваченных в ауле Дашли-Кабил. В Красноводск начали прибывать и торговые караваны из Ахала с различными товарами.

Начальник кавказского горского управления генерал Франкини 7 декабря 1874 г. телеграфировал в Петербург о том, что «...текинцы возвратили 32 пленных, захваченных в Кабиле, прислали торговый караван и трех своих старшин, а в конце этого месяца обещают выслать остальных пленных и отправить другой караван»[1]. Об этих же фактах сообщает в своем личном письме военному министру и главнокомандующий Кавказской армией[2].

Учитывая создавшуюся благоприятную обстановку, начальник Закаспийского военного отдела в начале января 1875 г. обратился с новым письмом к текинским ханам и старшинам, в частности, к Софи-хану и Караджа-хану, в котором «по-дружески» предлагал им прекратить распри как с иомутами, так и между собой, избрать из своей среды одного единовластного хана, который мог бы следить за спокойствием и порядком в Ахале.

В конце января 1875 г. в Геок-Тепе собрался большой общеплеменной маслахат-совет господствующей верхушки, на котором присутствовало несколько тысяч человек «от всех крепостей и поколений Ахал-Теке»[3].

Причиной созыва маслахата явилась та конкретная обстановка, которая сложилась в Ахале в результате обострения внутриполитического кризиса.

Генерал Ломакин в своем рапорте от 28 февраля 1875 г. так объясняет созыв январского маслахата текинцев:

«...Лет семь назад, — пишет он, — ахал-текинцами управлял один самостоятельный и полновластный хан Нурберды-хан, но вследствии неповиновения, своеволия и постоянных беспорядков между текинцами, он отказался от управления ими и удалился к Мерву. С тех пор наступила полнейшая неурядица и анархия, всякий делал что хотел, никакого суда и расправы не было, грабежи усилились, ни чье имущество и даже жизнь не были обеспечены. К этому присоединилась еще и племенная вражда и междоусобицы между ними. Наконец, выведенные из терпения этими внутренними раздорами, этим ненормальным положением и угрожаемые,

---

[1] ЦГВИА, ф. 1393, Полев. пох. шт. ТуркВО, оп. 1, д. 71, л. 46.
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 178.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 59—62.

с одной стороны, русскими и здешними иомутами, с другой — курдами, с третьей—хивинскими иомутами, они образумились и для прекращения распрей и восстановления порядка решились снова избрать хана...»[1].

Таким образом, основным вопросом повестки дня январского маслахата ахальцев был вопрос об избрании общеплеменного хана. После долгих споров и перебранок большинство присутствовавших на маслахате решило избрать главным ханом Ахала сына Нурберды-хана — Берды Мурад-хана. Однако последний, в знак уважения к своему отцу, не согласился принять управления страной, причем, в качестве доводов он сослался на вражду и непокорность племенных ханов. Когда же его стали очень упрашивать, он обратился к присутствовавшим со следующими словами: «...Вы так испортились и заблудились, что управлять вами можно будет только тогда, когда я буду иметь право казнить дурных людей и когда прежде чем я вступлю в управление вами, вы принесете мне головы Бекташ Шиха, Аман-Али-Карга, Копек-сердара, Авез-Кули — сердара, тогда только можно будет восстановить между вами порядок, и тогда я ручаюсь, что помирю вас и с русскими, и с иомутами, и с хивинцами, и с курдами»[2]. Вследствие отказа Берды Мурад-хана, на маслахате был принят следующий порядок управления Ахалом: укрепления, составляющие Бенд-Кала — Кизыл-Арват, Кара-Сенгир, Кодж, Зау и Бами входят под надзор Софи-хана и Караджа-хана; Бсурме подчиняется власти Тыкма-сердара; укрепления Арчман, Сунча, Мурча, Бахарден, Дурун, Караган, Ак-Тепе, Кяриз и Мехин подчинены были Бердымурад-хану. Все остальные укрепления, начиная от селения Яраджи и до самого крайнего ахалтекинского укрепления Анау, вошли в подчинение совета четырех ханов—Ораз Мамед-хана, Овез Дурды-хана, Кары-Онбеги и Молла-Кадам[3].

Таким образом, вопрос об объединении туркмен Ахала под властью одного общего хана на данном маслахате не был положительно разрешен. Маслахат был вынужден признать и даже в официальной форме утвердить политическую раздробленность в Ахале, согласно издавна существующему принципу родоплеменного разделения текинцев. Ясно, что такое решение маслахата не могло привести к спокойствию и по-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 56—62.
[2] Там же.
[3] Там же, лл. 59—62.

рядку в Ахале. Наоборот, оно способствовало лишь еще большему усилению анархии и раздоров.

Разногласия и борьба между различными группировками текинцев разгорелись тут же на маслахате и особенно при рассмотрении вопроса об отношениях к России. В этом резче и острее, чем когда-либо раньше, проявились все отрицательные стороны социально-политического устройства текинского общества и прежде всего унаследованная от далекого прошлого и умышленно поддерживаемая господствующей верхушкой родоплеменная вражда.

Архивные источники сообщают, что основная часть текинцев, особенно «все без исключения тохтомышцы», были заинтересованы «в поддержании порядка, спокойствия и мира с соседями», и что они представляли собой на маслахате партию мира, искренне расположенную вступить «в приязненные сношения с русскими»[1]. Что же касается утомышцев, то они «из-за оппозиции к тохтомышцам объявили, что не желают мира с русскими и в случае прихода их уйдут к Мерву»[2].

Разногласия между тохтомышцами и утомышцами нельзя распространить на всю массу людей, составлявших основу этих племенных подразделений. На указанном выше маслахате, как и вообще на всех маслахатах, присутствовали лишь избранные представители феодально-племенной знати текинцев, которые как раз и составляли руководящее ядро во враждующих группировках как тохтомышцев, так и утомышцев. Более того, известно, что не только не все утомышцы, но даже не все представители господствующей их верхушки были настроены против России[3]. Но так или иначе бесспорным является одно: большая часть жителей Ахала и прежде всего трудовой народ — простые земледельцы и скотоводы больше всего были заинтересованы в атмосфере мира и порядка, твердо стояли за установление мирных отношений с русскими властями.

Видимо это и повлияло на ход Январского маслахата в Геок-Тепе, где после долгих дебатов большинством голосов было решено жить с русскими в мире и дружбе, а также помириться с прибрежными иомутами, возвратить им всех пленных, захваченных в ауле Дашли-Кабил. В отношении тех, кто умышленно не хотел отдавать имевшихся у

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 62—об, 63—об.
[2] Там же
[3] Например, Овез Мурад (Тыкма) сердар из Беурмы—утомышец, однако, как и все беурминцы (утомышцы) — сторонник России.

него пленных иомутов, было принято специальное решение отбирать их силой.

На основании решения маслахата, 19 февраля 1875 г. в Красноводск прибыла новая депутация текинцев в составе 20 старшин и ханов, которые привели с собой большинство оставшихся в Ахале пленных иомутов[1]. Посланцы Ахала, после оказанного им начальником Закаспийского военного отдела теплого приема заявили ему, что все жители Ахала, «кроме небольшого числа беспокойных и дурных людей» изъявляют преданность русскому правительству и хотят жить с ним в постоянной дружбе и мире, выгодных для обеих сторон[2]. Затем в Красноводск постепенно начали прибывать текинские торговые караваны, оживилась торговля и на направлениях Астрабад-Атрек; Красноводск-Хива, по которым стали беспрепятственно ходить караваны. Генерал Ломакин, исходя из предписания высшего начальства о необходимости «содействия торговому движению для водворения спокойствия в Закаспийских степях»[3], просил разрешить ему открыть ярмарку в Красноводске и Атреке, а также послать в Ахал русский торговый караван известного купца Грошева[4].

Среди архивных документов и опубликованных источников нам не удалось найти сведений об отправлении каравана Грошева в Ахал. Надо полагать, что он не был отправлен, так как уже в середине марта 1875 г. текинцы неожиданно прервали свои связи с Красноводском. Вызвано это было следующими обстоятельствами: Недовольная решением январского маслахата значительная часть утомышских ханов, главным образом «дальних» текинцев, после отъезда в Красноводск делегации мирной (русской) партии, отправила к мервскому Коушут-хану своих посланников с жалобами на «ближних», которые, якобы, готовы «предать Ахал-Теке русским». В ответ на это из Мерва в Ахал прибыло несколько ханов и старшин с большим вооруженным конвоем во главе с братом Коушут-хана — Худайберды-ханом[5]. С прибытием этой, довольно значительной «помощи», противники сближения с Россией оживили свою деятельность, в результате чего на сходках и маслахатах всех общин снова разгорелись спо-

[1] По данным Н. И. Гродекова, текинцы привели 42 пленных, оставив однако у себя 30 пленников «до возвращения иомутами трех пленных текинцев». См. Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. 1, стр. 119.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 63—об.

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 178.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 64—65.

[5] Там же, лл. 139—140.

ры и перебранка. Посланцы из Мерва, объезжая все селения оазиса, строго наказывали ахальцам не иметь «каких-либо сношений с окружающими их народами, и особенно с русскими, иначе, — угрожали они, — из Мерва будет выслано в Ахал-Теке большое войско для совершенного разорения и истребления их...»[1].

Всякого, кто тем или иным путем вступал в переговоры с русскими, ждала смертная казнь. Некоторые ханы, наиболее благожелательно относившиеся к русским, в том числе и Софи-хан, получили лично от Коушут-хана весьма внушительные и угрожающие письма. За поведением и действиями Софи-хана был установлен особый тайный надзор, осуществляемый, по-видимому, самим Худайберды-ханом, который поселился в Кизыл-Арвате[2]. Коушут-хан совершенно сознательно направил в Ахал именно Худайберды-хана, а не кого-либо другого. Он, видимо, учитывал, что братец его, по старой и доброй памяти жителей Беш-Кала, будет ими принят хорошо и весьма вероятно, сможет стать, как и прежде, во главе их управления. Таким образом, главный хан мервских текинцев, как говорится, одной пулей убивал двух зайцев: во-первых, он избавлялся от своего старого и ворчливого «наставника»; а во-вторых, что было особенно важно для него, получал возможность через Худайберды-хана повлиять на прекращение дружественных отношений «ближних» текинцев с русскими властями.

Основной причиной недружелюбного отношения Коушут-хана к России являлось наличие в его руках относительно полной и сильной политической власти. Хотя феодально-племенные междоусобицы имели место и среди мервских текинцев, они не носили здесь резкого характера и не приобрели такого масштаба, как в Ахале, и потому не могли создать острый кризис и привести к внутриполитической раздроблен-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 139—140. См. также Н. И. Гродеков. Указ. раб. т. 1, стр. 120.

[2] Для ясности необходимо отметить, что предки Худайберды-хана, а значит и Коушут-хана Мервского были выходцами из тохтомышского подразделения той части ахальцев, которые населяли западные районы Ахальского оазиса, в частности, селения носящие название Беш-Кала (пять крепостей). Сам же Худайберды-хан, будучи в родственных связях с жителями Беш-Кала, являлся в одно время даже их главным ханом. Среди соплеменников он слыл за храброго человека, «прославившегося» на удачных аламанах и разбоях. Во время одной из аламанных стычек Худайберды-хан попал в плен к курдам. Долгое время был в плену, а затем бежал, или скорее всего был выкуплен своим могущественным братом Коушут-ханом и доживал свой век в Мерве.

ности. Властолюбивый и гордый Коушут-хан, являясь самым богатым туркменским феодалом и имея при себе значительный вооруженный отряд нукеров, естественно, не желал быть в зависимости от русских. Поэтому, еще даже не войдя в непосредственное соприкосновение с русскими властями, он всячески старался помешать усилению влияния России среди своих ахальских соплеменников. Известно также, что главный хан мервских текинцев, как и много других текинских ханов и старшин, находился под явным антирусским влиянием британского правительства, на помощь которого он, видимо, и рассчитывал[1]. Всем этим и следует объяснить недвусмысленное заявление главы вышеупомянутых посланцев Коушут-хана в Ахале о том, что жители оазиса «не должны теперь бояться русских», так как могут рассчитывать на «сильную поддержку со стороны Герата, где уже нет Якуб-хана и Афганистана, и откуда им (то есть мервским текинцам — *Д. Д.*) постоянно доставляется теперь отличное (имеется в виду — английское — *Д. Д.*) оружие...»[2].

В результате вмешательства мервского хана Коушута, в Ахале на некоторое время снова стало преобладать влияние противников сближения с Россией. Вследствие этого здесь снова прекратились связи жителей с русскими властями Закаспия, опять возобновились споры, распри и усобицы между ханами и родо-племенными старшинами. В Ахале вновь возникла напряженная обстановка. Но она продолжалась совсем недолго.

Таким образом, характерной особенностью первого года (март 1874—1875 гг.) русско-текинских связей явилась их неопределенность, сложность, неустойчивость и непоследовательность, что объяснялось главным образом феодально-родовыми междоусобицами, острым внутриполитическим кризисом в Ахале.

С одной стороны, захватническая и колонизаторская политика царизма по отношению к Ахалу в силу ряда обстоятельств ловко и тонко маскировалась «добрыми намерениями великого Ак-падишаха», в этом смысле она очень умело осуществлялась командованием Закаспийского военного отдела, в частности, генералом Ломакиным. С другой — серьезный

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 139 -140.
[2] Там же.

внутриполитический кризис, охвативший туркменское общество, и личные интересы феодально-племенной верхушки туркмен толкали определенную, наиболее дальновидную ее часть на сближение с Россией. Этим и объясняются те особые старания некоторых текинских ханов (как например, Софи-хана, Тыкма-сердара, Караджа-хана и др.) быть на хорошем счету у русского начальства. Чем бы ни диктовались они в каждом отдельном случае, эти их стремления совпадали в тот период с интересами основной части трудового населения текинцев, больше всех страдавших от междоусобных стычек «своих» феодалов. Однако, значительная часть туркмен Ахала недоброжелательно относилась к России и старалась всячески препятствовать стремлениям ее сторонников нормализовать русско-текинские отношения.

В зависимости от усиления той или иной группировки, в Ахале попеременно преобладали различные, притом диаметрально противоположные настроения по отношению к русским властям, что очень осложняло и делало неопределенными и неустойчивыми связи последних с населением Ахала.

Победа сторонников русской ориентации в Ахале

В предколониальной истории русско-текинских взаимоотношений лето 1875 г. представляет собой период наиболее тесных связей между русскими властями Закаспия и жителями Ахала.

Напряженность, создавшаяся в оазисе в конце марта 1875 г. в результате прихода сюда посланцев Коушут-хана, продолжалась недолго. Вооруженный отряд мервской феодально-племенной антирусской группировки не в силах был пресечь миролюбивые стремления основной части населения Ахала. Глава мервских посланцев Худайберды-хан вскоре сам попал под влияние сторонников русской ориентации и даже в некоторой степени стал способствовать их стремлениям. Сообщая об избрании Худайберды-хана главным ханом Беш-Калы, генерал Ломакин в рапорте от 23 июня 1875 г. писал о нем, что «этот весьма влиятельный и любимый народом старик желает сближения с нами...»[1].

В начале мая 1875 г. в Ахал из Мерва возвращается Нурберды-хан. Вмешательства мервцев и прежде всего самого Коушут-хана задели самолюбие бывшего главного

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 194–198

хана Ахала, который продолжал еще питать надежды стать во главе текинцев[1].

Появление Нурберды-хана в Ахале было не в пользу антирусской группировки и ее мервских покровителей. Как сообщают источники, с прибытием Нурберды-хана «мервская партия примирела и все прибывшие из Мерва подстрекать ахалтекинцев должны были немедленно удалиться»[2].

Уже в середине мая 1875 г. к русскому командованию в Красноводск снова начали прибывать делегации из Ахала. В первую очередь прибыли посланцы «ближних» текинцев, которые привезли письма от Софи-хана, Караджа-хана и от других текинских ханов и привели с собой оставшихся у них 10 пленных иомутов из аула Дашлы-Кабил.

Генерал Ломакин, руководствуясь полученными предписаниями, старался всеми средствами расположить к себе жителей Ахала. Одной из самых положительных мер, предпринятых им, явилось освобождение именно в это время из хивинского плена сородичей текинцев.

По его просьбе хивинский хан с одним из прибывших в мае 1875 г. в Красноводск торговых караванов прислал трех пленных текинских детей, родственников Нурберды-хана. Одев и одарив этих детей, Ломакин доставил их в Ахал с прибывшими к нему делегатами текинцев[3]. Вместе с ними он отправил письмо к четырем главным ханам Ахала, в котором призывал их «к спокойствию и мирным сношениям».

В Ахале, особенно среди «дальних» текинцев, были распространены в это время тревожные слухи в связи с готовившейся Узбойской рекогносцировкой русского отряда. Наиболее враждебно относившиеся к России элементы, по-видимому, не только усиленно распространяли эти слухи, но и всячески умышленно их извращали, изображая подготовку Узбойской рекогносцировки, как якобы, готовящийся военный захват Ахала русскими войсками. В этих условиях призывы Ломакина к миру и спокойствию, объяснение в его письме «действительных предназначений» готовящейся Узбойской рекогносцировки и возвращение пленных текинцев оказали большое положительное влияние на настроение туркмен.

По требованию народных масс в Геок-Тепе был созван

---

[1] Гродеков даже пишет, что «...Нурберды-хан вернулся из Мерва в Ахал и был признан ханом Ахала». Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. 1, стр. 120.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 194—198.

[3] Там же.

общеплеменной маслахат для пересмотра и уточнения взглядов по отношению к русским властям. «...Немедленно были разосланы повсюду гонцы, чтобы все кетхуды и старшины из всех ахал-текинских обществ и крепостей собирались в Геок-Тепе — резиденции четырех ханов-правителей и главного ишана Курбан-Мурада» (данные архивных источников)[1].

На «чрезвычайном» маслахате, проходившем в начале июня 1875 г., большинством голосов было решено возвратить всех имевшихся в Ахале пленных иомутов, избрать от каждого от четырех колен текинского общества по два уполномоченных и четырех из них послать к хивинскому хану, а четырех — к русскому командованию с «изъявлением полной покорности от всего ахалтекинского общества»[2].

Утомышским старшинам был сделан внушительный упрек за их недоброжелательность к русским и за их связи с мервскими ханами. Под страхом смертной казни запрещалось подвергать грабежу как «русских», так и хивинских иомутов, а также караваны, следующие между Хивой, Красноводском и Атреком. Было избрано сорок фаррашей, которым специально поручалось следить за исполнением всех пунктов маслахата[3].

Июньский маслахат 1875 г. явился решающим событием в установлении мирных, добрососедских отношений между жителями Ахала и русскими властями.

Со всех концов оазиса к русскому командованию стали приходить делегации, старшины и ханы отдельных крепостей «с изъявлением добрых намерений и предложением услуг». Так, 10 июня ханы «от всех крепостей до Арчмана» явились к генералу Ломакину к колодцам Игды «с самыми миролюбивыми заявлениями», с изъявлением «покорности и преданности»[4]. В то же время с письмами от Тыкма-сердара и от Назар-бека (Ата Назарбек) прибыли их ближайшие родственники с изъявлением также «безусловной покорности»[5].

21 июня 1875 г., когда русский отряд стоял у колодцев Арват, с Софи-ханом прибыли еще несколько ханов, которые привели пленных иомутов.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2. лл. 194—198.

[2] Там же; Сб. «Присоединение...», стр. 186—189; История Туркменской ССР, т. I, кн. 2, стр. 122.

[3] Там же.

[4] Основная часть Красноводского военного отряда во главе с ген. Ломакиным, произведя рекогносцировку Узбоя, находилась в то время у колодцев Игды; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 194—198.

[5] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 194—198; сб. «Присоединение...», стр. 186—189; История Туркменской ССР, т. I, кн. 2, стр. 122.

Вместе с делегациями часто прибывали и торговцы. Тогда в русском лагере открывался базар, на котором текинцы продавали фрукты, масло, ковры, паласы, лошадей и др.[1] Торговля являлась одним из важнейших средств укрепления экономических связей и установления самых благожелательных взаимоотношений между жителями Ахала и Закаспийским военным отделом. При этом важно учесть, что правящие круги России, учитывая интересы русского купечества, всячески поощряли торговлю в колониальных окраинах. В осуществлении присоединения Туркмении к России торговля должна была сыграть положительную роль и в политическом отношении, так как она в значительной степени способствовала политике русских властей, направленной на «умиротворение» края без оружия.

Характеризуя роль и значение торговли в «туркменском вопросе» главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич в начале 1875 г. в письме к военному министру России Милютину писал, что именно «через привлечение их (то есть текинцев — *Д. Д.*) к содействию торговому сближению облегчится мирным путем водворение спокойствия в Закаспийских степях»[2].

Среди архивных документов сохранилось объявление, извещающее об открытии 9 мая 1875 г. в г. Красноводске весенней ярмарки[3]. Через это объявление (опубликованное 15 апреля 1875 г.) начальник Закаспийского военного отдела ставил в известность русских, в частности бакинских купцов, а также туркменское население о том, что для торговли на ярмарке нужны наиболее «ходячие» товары. Здесь же заранее перечислялись предметы, предполагаемые быть представленными на ярмарке. В частности, в объявлении говорилось, что туркмены будут доставлять на ярмарку: «шерсть, кожу, меха, войлок, ковры, половики, хуржуны, калийную соль, нефть, нефтагиль, баранов, верблюдов и т. д.», которые будут обменивать на «ситцы ярких цветов, бязь, миткаль, коленкор, сукна цветные, галуны, кумач гладкий и с узором, чашки, посуду, самовары, котлы, таганы, зеркала, сундуки, корицу, сандал, гребни, сахар, чай, и прочее»[4].

Летом 1875 г. торговля туркмен с Красноводском значи-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 194—198; История Туркменской ССР, т. I, кн. 2, стр. 122; сб. «Присоединение...», стр. 188.

[2] Сб. «Присоединение...», стр. 178.

[3] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1249, л. 24.

[4] Там же.

тельно расширилась Победа сторонников русской ориентации в Ахале, выраженная в миролюбивых решениях июньского маслахата, явилась надежным залогом мира и спокойствия в Закаспийских степях, способствовала всемерному развитию экономических связей с Россией.

23 июня 1875 г., когда русский отряд, возвращаясь с рекогносцировки Узбоя прибыл к колодцам Джамала, его встретила текинская делегация: «четыре текинских кетхуда, уполномоченных и доверенные депутаты от всех 4 отдельных обществ Ахал-Теке и 21 хана и старшин», которые принесли письмо от четырех главных текинских ханов-правителей. В письме излагалось постановление июньского маслахата, о котором говорилось выше. Перевод первого пункта этого письма следующий: «...Из окружающих нашу землю владений: Хивы, Бухары, Афганистана, Курдистана и Персии, каждое уже давно домогается присоединить наше маленькое общество к своим владениям, но [так] как им это не удается, то они нас постоянно разоряют и грабят, мы отвечаем им тем же. Мы рассудили, что единственное средство прекратить это тяжелое для нас положение и избавиться от всех подобных притязаний — это покориться великому русскому ак-падишаху, как сильнейшему и могущественнейшему из всех царей и просить его принять наш народ под его высокое и милостивое покровительство. Мы всегда готовы ему служить верою и правдою, и так как наши люди почти все воины, то в случае надобности, по первому слову ак-падишаха они охотно выставят несколько тысяч отличных всадников и с радостью пойдут на войну, куда он укажет...»[1]. Далее в заявлении текинцев говорилось, что они согласны даже оставаться «в прежних подвластных отношениях к хивинскому хану», «обязываются прекратить враждебные действия и отношения с помутами» и всячески содействовать караванной торговле, охраняя караваны от разбойничьих шаек, для чего собственно они и «избрали из среды себя до 100 феррашей»[2].

Особый интерес представляет собой то место данного письма заявления, где текинские ханы просят русского падишаха оставить за ними «личные и поземельные права», то есть право на пользование землею и всеми богатствами, грамоты на владение которыми были пожалованы им якобы прежними владыками туркмен—Чингиз-ханом и Надир-шахом[3].

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл 233–241; сб. «Присоединение...», стр. 190; История Туркменской ССР, т. 1, кн. 2, стр. 123.

[2] Там же

[3] Там же

Это обстоятельство со всей наглядностью характеризует позицию и взгляды господствующей верхушки текинцев по отношению к России. Оно еще раз подтверждает что феодально-племенная знать Ахала оказалась тогда в весьма сложном и противоречивом положении. С одной стороны она боялась того, что с подчинением русскому государству лишится своих земельных угодий, многочисленных стад скота, выгодных для себя привилегий, связанных с правами и обычаями «вольного туркменчилика». С другой стороны, под преобладающим влиянием сторонников сближения с Россией, она была вынуждена выражать «покорность» русскому ак-падишаху. Оказавшись же перед необходимостью изъявления такой «покорности», большинство ханов и старшин — владельцев крупных земельных участков и большого количества скота, настояли на внесении в постановление июньского маслахата (а значит и в заявление, направленное русским властям) специального пункта о сохранении их личной собственности Для этого собственно они и прибегли к ссылкам на несуществующие в действительности грамоты Чингиз-хана и Надир-шаха, якобы учреждающие их «личные и поземельные права».

Наличие этих грамот, по-видимому, вызвало сомнение и у самого Ломакина, так как он тут же попросил предъявить их для «милостивого воззрения императорского высочества»[1], чего текинские ханы сделать не смогли.

Содержание изложенного выше заявления ахальской делегации и, в частности тот его пункт, в котором излагается просьба о признании ак-падишахом их «личных и поземельных прав», надо рассматривать в неразрывной связи с интересами отдельных социальных слоев населения Ахала.

Академик М. Н. Тихомиров в значительной степени прав, когда пишет, что «присоединение к России мыслилось туркменами не как полное подчинение царской администрации, а как своего рода вассальная зависимость с сохранением некоторых прав и обычаев»[2].

Среди туркмен имелись в это время две социальные группировки, с различных, противоположных друг другу позиций рассматривавшие вопрос о присоединении к России. Но при всех обстоятельствах заявление текинской депутации, представленное русскому командованию летом 1875 г., является исключительно важным документом, характеризую-

---

[1] ЦГВИА ф ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 237

[2] М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России, 1960, стр. 37.

щим настроение жителей Ахала по отношению к России. Уже сам факт появления такого документа убедительно свидетельствует о создавшейся в середине 1875 г. реальной возможности мирного присоединения Ахала к России.

Однако, не имея точных инструкций для определенного ответа текинской делегации и не рискуя проявить инициативу, генерал Ломакин ограничился обещанием, что представит просьбу текинцев «на благосклонное воззрение его высочеству и о последующем не замедлит их уведомить»[1].

Пока генерал Ломакин рапортовал высшему начальству об исключительной важности заявления текинцев[2], а среди правящих кругов России шло оживленное обсуждение «ахал-текинского» вопроса в связи с возникшей для его решения благоприятной обстановкой, дружественные связи населения Ахала с русскими властями Закаспия продолжали укрепляться. В Красноводск один за другим прибывали торговые караваны с различными товарами. Торговцы из Ахала начали выезжать со своими товарами и за пределы Туркмении.

В своей телеграмме начальнику Кавказского горского управления от 15 июля 1875 г. Ломакин сообщает, что «текинцы продолжают усердно посещать» русский отряд, который, окончив Узбойскую рекогносцировку, находился тогда в Молла-Кара, и что торговые караваны, вместе с тем, «начали торговать и в Красноводске»[3]. Через несколько дней (в рапорте от 27 июля) он снова пишет: «Текинские старшины и ханы продолжают нас посещать, привозят для продажи ковры и лошадей. С сегодняшней шхуной отправляется в Баку партия текинцев, первые же вернулись оттуда в восторге от всего виденного там»[4].

Оживленная торговля и многочисленные визиты, способствуя все большему укреплению связей населения Ахала с русскими властями, вместе с тем самым благоприятным образом сказывались на обстановке во всем Закаспийском крае.

По торговым путям во все концы беспрепятственно стали ходить многочисленные торговые караваны, оживилась

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 236.

[2] Рапорт от 12 июля 1875 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 233—241.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 219.

[4] Сб. «Присоединение...», стр. 193.

торговля между отдельными районами Туркмении. «Караванное торговое движение продолжается весьма деятельно, в крае все благополучно»[1],— доносит Ломакин. В некоторых местах, особенно там, где на время располагался русский отряд, возникали большие базары и разгоралась наиболее деятельная торговля. Русский отряд при этом встречал везде «полное радушие со стороны местного населения, склонность его к мирным торговым отношениям». В этой связи особенно примечательной явилась Атрекская рекогносцировка Красноводского отряда.

В конце июля 1875 г. русский отряд из Молла-Кара выступил на рекогносцировку нижнего течения реки Атрек. В летнее время чарва приатрекских иомутов, как правило, кочевала в большом районе — треугольнике Нижний Узбой — Каспийское море — Атрек и Сумбар. Вся эта обширная территория при прохождении по ней русского отряда «буквально была покрыта верблюдами и барантой чарвы иомутов»[2]. Русский отряд прошел по всем «без исключения» аулам иомутов, в наиболее крупных из них оставаясь по нескольку дней, дошел до Чикишляра, а затем оттуда вверх по Атреку направился в Баят-Ходжа. На протяжении всего рекогносцировочного пути русскому отряду был оказан самый теплый прием со стороны туркменского населения. «...Народ везде выражал к нам полное доверие и встречал с большим радушием и с приветом, — писал Ломакин, — к нашему приходу везде выставлялись кибитки; едва успевали разбить лагерь, как везде открывались довольно многолюдные базары; многие из туркмен обращались даже к нам за разбором разных своих тяжб и споров; отрядный врач положительно был осажден больными и увечными, которые обращались к нему во множестве. Словом, более приязненной и радушной встречи и такого доверия, какое оказали теперь нам туркмены в Шандах, Бугдайлях и потом везде по Атреку — невозможно было и ожидать...»[3].

Особенно благоприятное впечатление создалось у Ломакина с прибытием отряда в Баят-Хаджи — конечный пункт атрекской рекогносцировки. Стремление здешних туркмен к взаимовыгодной торговле было настолько сильным, что они просили учредить у них постоянные базары — местные

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 194.
[2] Там же, стр. 193.
[3] ЦГИЛ Груз. ССР, ф. 545, д. 1891, лл. 5—132.

ярмарки, мотивируя это выгодным месторасположением селения Баят-Хаджи между землями иомутов, текинцев, курдов, гоклен и персиян. Туркменские торговцы, бывшие не раз в Астрахани и Нижнем Новгороде, говорили Ломакину, что «если в Баят-Хаджи будет постоянное укрепление, то этот пункт может скоро обратиться в «другой Макарьев»[1].

Приведенные примеры еще и еще раз подтверждают, что, начиная примерно с мая 1875 г. русско-туркменские взаимоотношения складывались все более благоприятно. В данном случае речь идет именно о русско-туркменских отношениях потому, что в событиях, связанных с прибытием русского отряда на Атрек, в частности, в торговле с русскими, принимали участие не одни лишь приатрекские иомуты, но и другие туркменские племена. Известно, например, о прибытии на Атрек из Ахала торговых караванов «с хлебом, зеленью (лук, чеснок) и разным товаром»[2]. Кроме того, благоприятные результаты атрекской рекогносцировки, по данным русским авторов, должны были «без сомнения, иметь надлежащее и весьма внушительное значение даже и на Мерв, не говоря уже про Ахал-Текке»[3].

Главную роль в этом сыграли усилия народных масс Ахала, жаждавших спокойствия, мира и добрых, взаимовыгодных отношений с Россией. С другой стороны, известное положительное значение имела здесь и та утонченно-гибкая и осторожная политика царского правительства, которую оно проводило в тот период по отношению к туркменам Закаспия, стараясь придать ей возможно более мирную «тональность». На такую направленность колонизаторской по своей сущности политики царизма в свою очередь серьезное влияние оказывала международная обстановка. К середине 70-х годов XIX в. заметно обострились англо-русские противоречия на Ближнем и Среднем Востоке. Как известно, в 1874 г. к власти в Англии пришли консерваторы, проводившие наиболее враждебный России внешнеполитический курс. В условиях разгоревшегося нового балканского кризиса, предчувствуя возможность войны с Турцией, царское правительство не желало «подавать повода к нарушению существующих дружественных отношений России с Англией»[4].

Кроме того, в 1873—1876 гг. в Кокандском ханстве раз-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 194.
[2] Там же.
[3] Сб. «Присоединение...», стр. 195.
[4] Там же, стр. 184.

вернулось широкое народное движение, явившееся первой серьезной реакцией населения национальных окраин России на политику царского самодержавия в Средней Азии. Все эти события и обстоятельства находились в центре внимания царского правительства и удерживали его от более активных и решительных действий в Закаспийском крае. О нецелесообразности подобных действий и о неблагоприятных результатах, к которым они приводят, свидетельствовал также печальный опыт Маркозова в Закаспии и карательные экспедиции в Хиве. Вот почему начальнику Закаспийского военного отдела категорическим образом предлагалось: «...держаться самого миролюбивого образа действий по отношению к туземцам края; преследовать в нем лишь исключительно торговые цели, избегать всяких военных действий...» и т. д.[1]. Такая осторожная политика, весьма умело проводимая в жизнь генералом Ломакиным, могла сыграть и действительно сыграла, при всей ее колонизаторской сущности, определенную, весьма благоприятную роль в налаживании мирных отношений между туркменами и русскими властями Закаспия. В этих условиях мирное присоединение Ахала к России требовало самого неотложного решения. Это прекрасно понимали и отдельные, наиболее дальновидные представители русских властей. Так, например, генерал Ломакин рапортом от 12 июля 1875 г. доносил высшему начальству, что «нельзя безучастно оставаться к заявлению текинцев об их покорности и покровительстве, иначе они примкнут к Мерву и сплотятся с тамошними туркменами. Между тем, относясь к этим заявлениям сочувственно, обласкав, одарив и, наградив главных ханов — правителей и представителей ахал-текинского народа, особенно Нурберды-хана, мы тем самым привлечем их к себе, обеспечим порядок, спокойствие и торговое движение и, наконец, создадим себе надежный оплот против дальнейшего распространения в этих странах различных неблагоприятных нам влияний»[2].

Однако правящие круги России, опасаясь внешнеполитических осложнений, не смогли тогда с надлежащей решительностью предпринять поспешный шаг и вместо этого перешли к длительному изучению всего туркменского вопроса, а главным образом вопроса об Ахале, с учетом всех выгодных и невыгодных его сторон.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, 2, л. 236
[2] Там же.

Политика царских властей по отношению к Ахалу и возможности его мирного присоединения к России

Одной из основных причин медлительности царизма в отношении захвата Ахала, явилось отсутствие определенного мнения по данному вопросу в высших правительственных кругах России.

После установления тесных взаимоотношений с жителями Ахала, после заявления «всех без исключения текинских обществ о покорности и преданности»[1], вопрос об Ахале стал предметом многочисленных прений в правительственных кругах царской России.

Заявление текинской депутации, дававшее гарантию мирного присоединения Ахала к России, не могло не привлечь к себе внимание царского правительства.

В высших правительственных, дипломатических и военных кругах высказывались различные, зачастую противоречивые мнения о дальнейших действиях в Закаспии. Некоторые считали наиболее целесообразным образовать на территории Ахала особое приставство и передать его в ведение начальника Закаспийского военного отдела. Такого мнения на первых порах придерживалось командование Кавказского военного округа, в частности, брат «великого ак-падишаха» Михаил, начальник Кавказского горского управления генерал Франкини и подчиненный им начальник Закаспийского отдела генерал Ломакин. Особое предпочтение в этом следует отдать именно последнему. Будучи гораздо лучше, чем кто-либо иной знаком с положением дел в Ахале, он наиболее отчетливо сознавал важность наступившего благоприятного момента в русско-туркменских взаимоотношениях для решения общих задач, стоящих перед царским правительством в Закаспийском крае.

В результате неоднократных представлений и рапортов Ломакина начальником Кавказского горского управления на их основе составлена докладная (для главнокомандующего Кавказской армией), в которой подробно излагались пути и возможности упрочения русского влияния в Текинском оазисе[2].

«...Водворение спокойствия в Закаспийских степях, — пишет генерал Франкини,—зависит исключительно от устройства текинского племени... Рано или поздно, но придется под-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 244, стр. 233.

[2] Сб. «Присоединение...», стр. 199 - 203.

чинить это племя ответственному надзору, а поэтому представленные текинцами письменные заявления о покорности имеют для нас весьма важное значение».

В докладной предлагалось воспользоваться создавшимся настроением среди текинцев, «чтобы не возбудить недовольство той их партии, которая искренне желает сближения с русскими, и чтоб не дать повода некоторым выдающимся (их) личностям для удовлетворения своих собственных видов обратиться с подобным же заявлением к персидскому правительству», которое «не прочь заявить какие-то права на текинское племя».

Перечисляя всевозможные формы управления Ахалом, составители докладной, вместе с тем, прямо заявляют, что интересы внутренней и внешней торговли России требуют «теперь же принять текинцев под непосредственное управление»[1]. После тщательного изучения всех представлений генерала Ломакина и начальства Кавказского горского управления, главнокомандующим Кавказской армией был составлен особый рескрипт для военного министра, а через него и для самого императора, в котором также говорилось о целесообразности «водворения ныне же в Ахал-Текинском оазисе русского управления»[2].

Таким образом, предложение генерала Ломакина и Кавказского начальства об использовании благоприятного момента в Закаспии для присоединения Ахала и учреждения в нем русского управления являлось одним из основных возможных вариантов решения «текинского» вопроса. Против этого варианта выступили начальник Амударьинского военного отдела и командование Туркестанского военного округа, которые предлагали свой, так называемый «хивинский» вариант управления текинцами, который должен был осуществляться через назначаемых хивинским ханом и утверждаемых русским начальством «наместников» Ахала. Жители Ахала не возражали против установления над ними власти хивинского хана, видя в нем «слугу белого царя». После неопределенного ответа Ломакина они выслали своих делегатов к хивинскому хану с письмом, в котором просили его принять Ахал под свое управление. В этой связи необходимо отметить, что среди феодально-племенной знати текинцев была значительная группировка, предпочитавшая «главенство расслаб-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 200.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 4—14; см. также сб. «Присоединение...», стр. 204—208.

ленного и бессильного властелина», то есть хивинского хана, «сильному надзору русской власти»[1].

Если учесть родо-племенную раздробленность и неприязненные взаимоотношения в среде господствующей верхушки текинцев, то причины существования в Ахале различных («русских», «хивинских» и проч.) группировок станут понятны. При этом надо исходить из той конкретной весьма серьезной и могущей оказаться решающей для всей дальнейшей судьбы Ахала обстановки, перед лицом которой оказались текинцы в тот период. По свидетельству русских источников «влиятельные лица текинцев были проникнуты тогда убеждением, что настал конец неурядиц, безначалий, и что необходимо им переменить и род жизни и внутренний строй»[2].

В хивинскую партию текинцев в основном входила большая часть родо-племенной знати отделения сычмаз, возглавляемая такими известными своим богатством и влиянием в Ахале ханами, как Мамед-Аталык, Овез Дурды-хан, (один из четырех ханов-правителей), Ходжа-хан и другие. Не довольствуясь посылкой депутаций, эти приверженцы Хивы сами неоднократно посещали хивинского хана и просили его назначить в Ахал «своего человека» для управления текинцами. Хивинский хан не мог самостоятельно что-либо предпринять в этом направлении и передал письмо текинской депутации и просьбу ханов начальнику Амударьинского военного отдела полковнику Иванову, прося у него совета, чтобы дать текинцам определенный ответ. Полковник Иванов, с одобрения командующего Туркестанским военным округом генерала фон Кауфмана I, посоветовал Мухамед Рахим-хану послать в Ахал «надежного» человека, который бы управлял им от имени хана. Иванов посоветовал также оставить в Хиве несколько человек из текинской депутации, которые «служили бы залогом их покорности»[3]. В конце 1875 г. хивинский хан послал с этой целью в Ахал неких Мусу Мутавали и Вейис Нияза-Юзбаши. «Миссия» их оказалась неудачной. Таким образом, установление над текинцами надзора через хивинского хана представляло собой как бы еще один возможный вариант разрешения вопроса об Ахале.

Командование Кавказского военного округа и генерал Ломакин высказывались против установления над текинцами власти Хивы, объясняя это тем, что хивинский хан при его

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 199.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 203.

политическом бессилии все равно не сможет удержать под своей властью «непокорных» туркмен и, следовательно, русскому отряду «рано или поздно непременно придется вмешаться в дело»[1].

Другой довод, приводимый ими против хивинского управления Ахалом состоял в том, что в этом случае «хивинский хан приобретал возможность входить без ведома (русского правительства—Д. Д.) в сношения с заграничными властями», так как его владения непосредственно граничили бы тогда с землями персидского правительства. Все это показывает, что мнения командующих Кавказским и Туркестанским военными округами по вопросу об управлении Ахалом были различными. Больше того, между этими округами имело место непримиримое соперничество, своеобразная «конкуренция» в деле подчинения вообще всех туркменских районов[2], что отрицательно влияло на местное население, в том числе и на жителей Ахала. И действительно, если медлительность и нерешительность царского правительства вызывали среди туркмен различные нежелательные толки, то разноречивость в предлагаемых формах управления Ахалом способствовала возникновению здесь различных группировок, по разному оценивающих возможности и выгоды от подчинения Хиве или России. Если в правительственных кругах России не было единого мнения по отношению к жителям Ахала, то и среди господствующей верхушки последних в этот критический для края исторический момент не могли не существовать различные мнения в вопросе об «определении» дальнейшей судьбы оазиса. Этим и объясняется то обстоятельство, что к концу 1875 г. в Ахале снова стали наблюдаться неурядицы и междоусобицы.

Уже в сентябре месяце стало известно о начавшейся вражде между Нурберды-ханом и четырьмя ханами-правителями[3]. Объясняя причины этой вражды, российский консул в Астрабаде Бакулин писал, что «причиной столкновения было неудовольствие дальних туркмен-теке на ближайших за отношение их с русскими»[4]. Для ясности необходимо отметить, что в деле «определения» дальнейшей судьбы населения Ахала интересы Нурберды-хана не совпадали с интереса-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 4—11.

[2] О соперничестве Кавказского и Туркестанского военных округов в Туркмении, см. работу М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии, т. III, СПб, 1906, стр. 4.

[3] ЦГВИА, ф. 1396, шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 331—334.

[4] Сб. «Присоединение...», стр. 195.

ми ханов-правителей. Об этом лучше всего говорят сами источники, которые, в частности, сообщают, что «в массе всего ахал-текинского народа, в среде всех влиятельных и здравомыслящих людей в этом крае все более выражается мнение о необходимости, чтобы Нурберды-хан по-прежнему был одним полновластным ханом над всем Текинским оазисом, что и вооружает против него четырех ханов-правителей дальнего Ахал-Теке, которые (в случае избрания Нурберды-хана главным ханом — Д. Д.) должны будут потерять всякую власть и значение в народе»[1].

Таким образом, деятельность Нурберды-хана и вообще сам он, как политический деятель и историческая личность, заслуживает с точки зрения тогдашнего периода истории Ахала положительной оценки, так как его интересы продолжали в значительной степени совпадать с интересами основной части народных масс, хотя сами по себе преследовали сугубо личные, корыстные цели. Именно поэтому большая часть жителей Ахала поддерживала Нурберды-хана в его стремлениях стать главным ханом Ахала. Однако сам факт возникновения новых междоусобиц был в тот период особенно нежелательным, так как он мог отрицательно сказаться на общем настроении жителей Ахала.

От неурядиц, разжигаемых феодально-родовой верхушкой текинцев, страдало в первую очередь трудовое население оазиса. По вине жадных и властолюбивых ханов проливалась кровь простых, ни в чем не повинных людей. Враждующие стороны часто совершали преднамеренные убийства, чтобы тем самым спровоцировать своих противников на открытые действия. При наличии у туркмен института кровной мести и родоплеменного деления это почти что всегда достигало цели. Так, в одном из документов читаем: «Нурберды-хан приказал убить одного из людей четырех ханов-правителей дальнего Ахал-Теке. Те приказали своим феррашам убить двух людей Нурберды, посланных им за покупками в Персию. Нурберды-хан собрал до 500 конных всадников с целью отомстить этим четырем ханам»[2].

Чтобы избежать нежелательных для себя последствий этих распрей, генерал Ломакин направляет к текинцам известного иомутского старшину Велибая, посылая с ним текинским ханам богатые подарки и освобожденную из иомутского плена родственницу самого главного духовного лица в

[1] ЦГВИА, ф. 1396, шт. ТуркВО, оп. 2, д. 90, лл. 331–334.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 302.

Ахале — Курбан-Мурад-ишана. По настоянию и при содействии Велибая в конце сентября 1875 г. в Геок-Тепе был созван новый маслахат господствующей верхушки текинцев. На этом маслахате успешно выступил Велибай, по свидетельству Ломакина, одаренный «замечательным ораторским талантом», призывая текинцев к миру и спокойствию. В результате был заключен мир между враждующими ханами. «...Четыре хана-правителя не только примирились с Нурберды-ханом, в чем и целовали Коран, но даже признали, попрежнему, его главным между ними ханом»[1].

Однако «священная» клятва ханов была слишком непрочной. Их неприязненные чувства к главному своему врагу — Нурберды-хану были настолько сильными, что даже ужас перед муками ада за нарушение клятвы не смог удержать их быть с ним в мирных отношениях.

После того, как Нурберды-хан был признан на сентябрьском маслахате главным ханом Теке, к нему стали приезжать с поздравлениями соседние курды и персияне, среди которых в то время у него имелось много знакомых и даже друзей. Однажды, на обратном пути, несколько курдов встретили трех текинцев и в происшедшей ссоре убили их. Противники Нурберды-хана воспользовались этим и, преднамеренно устроив ссору из-за воды, убили несколько человек из людей Нурберды-хана. Тогда последний двинулся против своих противников с 1500 всадниками, и дело дошло до кровавых стычек[2]. Неизвестно, чем кончились эти стычки, но ясно, что они ещё больше обострили противоречия в Ахале.

«...Все текинцы, — сообщают источники, — разделились теперь на два враждебных лагеря: на стороне Нурберды-хана стоят: Беш-Кала, крепости Тыкма-сердара и крепости Нурберды-хана, то есть все ближайшие (к русским) крепости, составляющие большую половину оазиса; на стороне же четырех ханов — все дальние ахал-текинские крепости»[3].

Как раз в это время из Хивы прибывает упомянутый выше посланец хивинского хана Муса Мутавайлы. Его прибытие еще более усилило раздоры в Ахале. Ханы-правители, а также большинство влиятельных и богатых феодалов, не желавшие признавать старшинство Нурберды-хана, с прибытием Мусы Мутавайлы стали требовать пересмотра вопроса о главном хане и управлении Теке. По их настоянию в февра-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, лл. 327—328.

[2] «Туркестанский сборник», т. 27, стр. 66—80.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6876, ч. 2, л. 337

ле 1876 г. в Геок-Тепе был созван новый маслахат, который из-за возникших на нем продолжительных споров и перебранок, длился около трех недель[1].

На этом маслахате Ханмамед-Аталык, известный приверженец хивинского хана, сказал, что «так как в Теке четыре отделения, то если главный текинский хан будет от одного из этих отделений, то другие отделения его не будут слушать и лучше чтоб было по-прежнему четыре хана, или один, но совершенно посторонний, не текинец», и указал при этом на Мусу Мутавайлы, присутствовавшего на совещании. При этом старшины отделения Сычмаз, к которому относился и Ханмамед-Аталык, стали упрашивать Мусу Мутавайлы стать их главным ханом, на что тот ответил: «Я раб хана и если он мне прикажет быть вашим ханом, я им и буду». Нурберды-хан обиделся и оставил собрание, сказав: «если я не буду вашим ханом, то никто им не будет». А хивинская партия стала готовить к отправке к хану Хивы депутации «с просьбой о назначении Муса Мутавайлы текинским ханом». Все приведенные выдержки взяты из письма генерала Ломакина к начальнику Амударьинского военного отдела полковнику Иванову (от 25 февраля 1876 г.), в котором излагалась точка зрения о нецелесообразности и нежелательности усиления влияния Хивы в Ахале, Подчинение Ахала власти хивинского хана оценивалось в письме, как идущее «в ущерб промышленным, торговым и государственным интересам» русского правительства[2].

Сообщая, что по вопросу о возможно лучшем устройстве дел в Ахале, представленному уже на «высочайшее государя императора воззрение», в непродолжительном времени можно будет ожидать соответствующих инструкций и указаний, Ломакин просил начальника Амударьинского военного отдела подействовать на хивинского хана, чтобы тот отклонил просьбу текинской депутации, если таковая прибудет в Хиву[3]. Начальники двух военных отделов, относившиеся к двум различным округам, но вошедшие в «соприкосновение» в туркменских районах, в конечном счете не смогли придти к какой-либо согласованности по вопросу об Ахале. В условиях возникновения новых междоусобиц и тем самым нового обострения обстановки в Ахале, Ломакин просил у высшего начальства разрешения решительно вмешаться в текинские

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 215.
[2] Там же, стр. 215—219.
[3] Там же, стр 218—219.

дела. План Ломакина заключался в том, чтобы направиться с отрядом в центр Ахальского оазиса к Ашхабаду и здесь, собрав всех влиятельных ханов, аксакалов и старшин, предложить им избрать из своей среды единовластного хана над всеми ахал-текинцами, который был бы посредником в их взаимоотношениях с русскими властями и следил бы «за порядком и спокойствием» в Ахале. Такой вариант «умиротворения» текинцев предлагался Ломакиным и раньше, летом 1875 г. Он был тогда одобрен кавказским военным начальством, а затем представлен на рассмотрение военного министра и самого императора.

Выдвигая идею образования в Ахале «народного» управления, Ломакин прежде всего имел в виду, исходя из интересов русского самодержавия, возможность избрания на пост единовластного хана оазиса Нурберды-хана, в лице которого он видел главу русской партии в Ахале и на которого поэтому возлагал большие надежды.

Благосклонность к Нурберды-хану и мысль о полезности его старшинства в Ахале появилась у Ломакина еще во время Узбойской рекогносцировки Красноводского отряда в 1875 г., когда к нему стали являться ханы «с изъявлением покорности и преданности». Уже тогда он старался внушить им, что «порядка и спокойствия в крае можно будет достигнуть лишь тогда, когда в Ахал-Теке будет один хан, которого весь народ будет уважать, бояться и слушать». Еще тогда Ломакин видел в Нурберды-хане единственного человека, способного «обуздать» текинцев и «правильно понять благие виды русского правительства в Туркмении»[1]. Когда начались новые распри между Нурберды-ханом и ханами-правителями, именно Ломакин, через упомянутого выше номудского старшину Велибая, смог в значительной степени убедить текинцев избрать главным своим ханом Нурберды-хана.

Поздравляя тогда Нурберды-хана с избранием, Ломакин писал ему: «...Приветствуя твой выбор в ханы Ахал-Теке, молю бога, чтобы он поскорее помог тебе восстановить в Теке порядок и спокойствие. И, если ты при этом будешь постоянно предан нам, как недавно писал мне, то мы со своей стороны употребим все зависящие от нас средства, чтобы укрепить и поддержать тебя, чтобы ты всегда был твердым, сильным, могучим, дабы весь народ слушался тебя беспрекословно и под твоим управлением

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 213.

все добрые люди благоденствовали бы, а дурные трепетали и страшились бы возбудить твой справедливый гнев...»[1].

Документы подтверждают, что позиция начальника Закаспийского военного отдела заключалась в объединении населения Ахала под властью одного общего хана. При этом отнюдь не следует делать вывод, что эта его позиция в какой-либо мере шла вразрез с задачами и целями колониальной захватнической политики царского правительства в Закаспийском крае и что царский генерал Ломакин чуть ли не выражал интересы туркменского народа, добиваясь его объединения.

Дело в том, что предлагаемая Ломакиным идея «народного управления» Ахала во главе с единовластным ханом должна была ввести в сознание ахальцев «понятия об ответственности и зависимости»[2], то есть подчинить их власти и влиянию русского царя.

Необходимость во что бы то ни стало пройти с отрядом до центра Ахала для непосредственного участия в выборах главного хана являлось вторым из основных условий идей «народного управления».

«...Кто бы в Ахал-Теке ни был избран ханом и как бы избрание это ни было искренне — нельзя ручаться за прочное водворение в этом крае порядка и спокойствия, пока наши войска не пройдут весь Ахал-Текинский оазис, пока текинцы не увидят их у себя и пока мы не утвердим и не укрепим их главного хана, сделав его вместе с тем ответственным перед нами лицом», — писал Ломакин[3]

Таким образом, начальник Закаспийского военного отдела не столько заботился об избрании кого-либо, в том числе и Нурберды-хана, в главные текинские ханы и объединении под его властью «беспокойных» текинцев, сколько стремился «пройтись» с отрядом по Ахалу и этим самым приписать себе славу «умиротворителя» Закаспийского края. Однако при всем этом деятельность Ломакина в описываемый период времени (1874—1876 гг.) в целом должна быть оценена положительно. Предлагаемые им формы управления Ахалом, несмотря на все их указанные выше отрицательные моменты, несмотря на их бесспорно колонизаторскую сущность, могли бы при условии их практического осуществления в значительной степени способствовать мирному присоединению Ахала к Рос-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 218.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, л. 11

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 214.

сии. И в этом состояла их несомненная ценность. Положительной оценки заслуживает и стремление Ломакина утвердить в Ахале прочную власть Нурберды-хана, бывшего в то время сторонником русской ориентации. Избрание Нурберды-хана единовластным ханом, пусть даже это было бы сделано путем непосредственного вмешательства русского отряда, могло бы сыграть в то время безусловно положительную роль. Есть все основания предполагать, что оно позволило бы избежать или во всяком случае резко уменьшить масштаб тех кровопролитных событий, которые произошли впоследствии при захвате Ахала и погубили с обеих сторон так много людей. Предлагавшийся Ломакиным путь решения вопроса являлся, пожалуй, единственно правильным и целесообразным в тех условиях как для текинцев, так и для русских властей. В этом отношении генералу Ломакину надо отдать должное — он лучше других понимал важность создавшегося в то время положения и тех возможностей, которые имелись для мирного присоединения Ахала к России. «...То, чего можно было бы достигнуть теперь без выстрела, едва ли со временем обойдётся без значительных жертв» — писал он весной 1876 г.[1]. В высших правительственных кругах России планы Ломакина не встретили одобрения и поддержки.

Военный министр Д. А. Милютин, государственный канцлер А. М. Горчаков и сам император Александр II не особенно верили в возможность мирного присоединения Ахала к русскому государству. Продвижение в земли текинцев они рассматривали только «с военной точки зрения» и считали, что «административное устройство кочевников не вызывает крайнюю необходимость»[2].

В письме к главнокомандующему Кавказской армией от 19 февраля 1876 г. военный министр Д. А. Милютин писал: «...В настоящее время нам достаточно ограничиться теми мирными отношениями к ахал-текинцам, которые удалось установить генерал-майору Ломакину, и лишь пользоваться этим для постепенного упрочения нашего нравственного влияния над этими туркменами. Вводить же сразу какое-либо административное устройство среди кочевников, которые веками привыкли к совершенно иному строю жизни, значило бы ускорить без крайней необходимости ход дел на азиатских наших окраинах и, быть может, создавать себе нежелатель-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 228.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 41—43.

ное усложнение. Необходимо созреть плодам наших усилий, направляемых к поддержанию среди закаспийских кочевников миролюбивого к нам настроения, и тогда, само собою, наступит время, когда выяснившиеся обстоятельства могут побудить нас принять более деятельные меры к устройству судьбы текинского населения»[1].

Таким образом, царское правительство полагало, что еще не «созрел» момент для того, чтобы заниматься текинскими делами. Предполагалось, что движение русского отряда в сторону Ахала не обойдется без вооруженного столкновения с текинцами, что потребует увеличения состава войск в Закаспии и, следовательно, больших расходов, которых в то время не хотелось «жертвовать». В том же упомянутом выше письме Д. А. Милютин писал: «...С предположенным движением к Асхабаду связаны и немаловажные политические неудобства. Пункт этот лежит в 250 верстах от Мерва — этого больного места новейшей среднеазиатской политики Великобритании. Какое-нибудь пустое столкновение мервских текинцев с нашим отрядом поведет к неизбежным объяснениям с английским правительством, которых при настоящих отношениях к лондонскому кабинету желательно было бы избегнуть»[2].

Одним словом, царское правительство решило подождать с решением ахальского вопроса до тех пор, «пока окончательно установится нравственное влияние России среди текинцев»[3].

Исходя из всех этих соображений, Ломакину было дано указание «ни под каким предлогом не предпринимать движение к верховьям Атрека и в земли ахал-текинцев по направлению к Асхабаду»[4]. По этому поводу в специальном отношении военного министра от 27 марта 1876 г. говорилось, что «русские войска в стране, лежащей южнее Узбоя, должны оставаться в наблюдательном положении; движение в глубь ее ни в коем случае не должно быть допускаемо далее Кизыл-Арвата и р. Сумбар». Взамен этого признавалось «весьма полезным» устройство путей, ведущих от Красноводска к Сары-Камышу с тем, «чтобы окончательно обеспечить сообщение и торговое движение караванов от берегов

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 41—43. См. также Сб. «Присоединение...», стр. 200—211.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6889, лл. 41—43.

[3] Н. И. Гродеков, Указ. раб., т. I, стр. 123.

[4] Сб. «Присоединение...», стр. 221.

Каспийского моря к Аральскому бассейну и Туркестанскому краю»[1]

Все доводы и объяснения генерала Ломакина о необходимости и возможности занятия Ахала или установления в нем управления, несмотря на поддержку кавказского начальства (ген. Франкини лично сам ездил по этому поводу в С.-Петербург) оказались напрасными.

В Ахале же тем временем продолжало наблюдаться усиление неурядиц и анархии: «Одна часть текинцев желает избрать Муса Мутавайлы, другая—Нурберды-хана, а третья не признает над собой ничьей власти», — сообщают источники по этому поводу[2].

Прибытие Муса Мутавайлы не только не смогло обеспечить порядок и спокойствие в Ахале, но, наоборот, даже в значительной степени обострило и без того серьезные внутренние противоречия среди текинцев. Большая часть жителей оазиса не желала признавать хивинского посланника своим ханом. Этим прежде всего и определялась неудача его миссии в Ахале. Однако и после возвращения Мутавайлы в начале апреля 1876 г. в Хиву, среди текинцев не воцарились спокойствие и порядок. Нурберды-хан по-прежнему оставался главной фигурой в оазисе, и Ломакин продолжал оказывать ему предпочтение. Анализируя положение в Ахале весной 1876 г., он делал правильный вывод, что здесь предстоит «или полнейшая анархия, неурядица и усиление через то грабежей и разбоев, что уже и началось, или же усиление в Теке, тем или иным путем — все равно, власти и значения Нурберды-хана»[3]. После того, как ему было приказано ни под каким предлогом не предпринимать движения в Ахал, Ломакин стал добиваться содействия хивинского хана и начальства Амударьинского военного отдела в утверждении здесь старшинства Нурберды-хана. В письме к полковнику Иванову он пишет: «...при настоящих обстоятельствах, когда мы не можем переходить далее Кизыл-Арвата и Сумбара и не должны вмешиваться фактически в дела текинцев, для нас остается одно: признать Нурберды-хана старшим ханом в Теке и допустить обновления его ярлыка хивинским ханом. Этим мы окажем ему хотя нравственную поддержку, за невозможностью оказать другой, более существенной и действительной»[4]. Начальство Амударьинского

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 222.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, л. 68.
[3] Сб. «Присоединение...», стр. 229.
[4] Там же, стр. 230.

военного отдела, стремясь во что бы то ни стало участвовать в «умиротворении» текинцев Ахала, поддержало генерала Ломакина. В письме полковника Иванова читаем: «...Более 2/3 населения ахалов на стороне Нурберды-хана, и только немногие не соглашаются признать его старшим... Единственное средство успокоить Теке и привести их к согласию — это поддержать Нурберды-хана. При этом условии еще может быть можно рассчитывать на умиротворение текинцев. Всякий другой выбор хана невозможен»[1]. Однако военное министерство России через командующего Туркестанским военным округом категорически предложило полковнику Иванову — «воздержаться от прямого вмешательства в отношения хивинского хана к южным туркменским племенам, входящим в район влияния Закаспийского начальства и ни в коем случае не давать хану предполагать, что мы признаем хотя бы номинальную власть его над независимым туркменским населением»[2].

Ломакин же получил вторичное, причем столь же категорическое распоряжение «ограничиться исключительно оборонительным устройством сообщения между Красноводском и бассейном Амударьи»[3]. Тем временем Красноводск продолжали посещать текинские депутации, — отдельные ханы и старшины из различных мест Ахала. По-прежнему прибывали сюда и торговые караваны текинцев; оживленная торговля велась не только с Красноводском, но и с Баку[4].

Ввиду того, что в Ахале господствовали неурядица и анархия, люди прибывавшие в Красноводск с торговыми караванами и особенно с депутациями принадлежали к самым различным по своим позициям группировкам. Естественно, что каждый из прибывших сюда ханов и старшин старался всячески обосновать и доказать правильность своей позиции и обязательно жаловался при этом на кого-либо из одноплеменных ханов. Это обстоятельство серьезно затрудняло деятельность местных русских властей, мешало им оказывать отдельным текинским ханам надлежащий прием в интересах общей дипломатической ориентации по отношению ко всему текинскому племени. Ввиду этого генерал Ломакин, с разрешения и одобрения Кавказского начальства, в июне 1876 г.

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545; д. 1252, лл. 22—23; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 93 94.

[2] Сб. «Присоединение... стр. 225.

[3] ЦГВИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1251, л. 95.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6880, лл. 64—67.

обращается с письмом к старшинам Ахала о порядке их сношений с русской администрацией Закаспия. «Объявляю и требую, — говорилось в этом обращении, — чтобы отныне все заявления и просьбы со стороны текинцев поступали ко мне не иначе как через Нурберды-хана, чтобы все снаряжаемые и отправляемые в Красноводск текинцами караваны были снабжены Нурберды-ханом письменными видами, только по оным будут оказываемы этим караванам поддержка и заботливость»[1]. И точно также всякий, кто желал отправиться «на богомолье в Мекку или по торговым делам в Баку, Астрахань и Макарьев», должен был взять у Нурберды-хана разрешение на то, и только тогда им могли выдаваться русской администрацией особые билеты, гарантирующие их беспрепятственный проезд на пароходах. Строго предупреждалось, что если отдельные лица или караваны будут приходить в Красноводск без разрешения Нурберды-хана, то «таковые будут немедленно удалены отсюда обратно»[2]. Исключение из этого правила составляли ханы и старшины крепостей Беш-Кала, которым разрешалось посещать Красноводск беспрепятственно.

Оказывая предпочтение Нурберды-хану, генерал Ломакин не смог, однако, не только покончить с междоусобицами в Ахале, но, наоборот, способствовал этим возникновению новых неурядиц и распрей. Ущемленные в своих достоинствах и правах, сепаратистски настроенные родо-племенные ханы стали еще более враждебно относиться к Нурберды-хану. Высказывалось недовольство и в адрес его покровителя — генерала Ломакина. Пассивная же и неопределенная позиция «ак-падишаха» в свою очередь способствовала обострению внутриполитического кризиса в Ахале, ослаблению здесь позиций сторонников России.

Заметное усиление антирусских настроений в Ахале впоследствии было искусно использовано британским империализмом против России.

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 245—246; Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 122—123.

[2] Там же.

ГЛАВА V

ВОЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ЗАВОЕВАНИЕ АХАЛА ЦАРИЗМОМ

Основные причины ухудшения взаимоотношений между русскими властями и жителями Ахала

Основная и самая главная причина всех зол и несчастий, обрушившихся на туркмен Ахала, заключалась в захватнической политике царизма в Туркмении. Прямым результатом этой политики явились кровопролитные сражения под Геок-Тепе в 1879 г., а затем в конце 1880—начале 1881 гг. Однако одним лишь этим общим положением вопрос о причинах войны в Туркмении не исчерпывается. Существовал и ряд других обстоятельств, которые еще задолго до начала военных действий в Ахале способствовали обострению русско-туркменских отношений. В этой связи в первую очередь следует указать на усилившиеся к тому времени антирусские происки британских колонизаторов и их персидско-турецких приспешников.

В колонизаторских планах Англии Ахалу придавалось большое значение, как важному стратегическому району в англо-русском соперничестве в Средней Азии. Поэтому правительственные круги Англии весьма ревниво и самым пристальным образом следили буквально за каждым шагом, предпринимаемым здесь царской Россией.

Не решаясь по ряду серьезных причин развязать войну с царской Россией за преобладание на Востоке, воинствующие круги английских политиков организовали широкую подрывную работу, которую они вели против русских в пограничных

со Средней Азией, в том числе и с Туркменией, районах. Так, в Хорасане и Астрабаде действовала группа агентов, состоявшая из полковника Бекера, капитана Клейтона, капитана Непира, лейтенанта Джилля и др. При помощи и посредничестве отдельных местных феодалов они всячески настраивали туркмен, главным образом текинцев, против России, разжигая в них религиозный фанатизм, подкупая отдельных ханов и ишанов различными подачками, обещая им денежную и военную помощь против русских и т. д.[1].

Имея возможность свободно разъезжать по территории Ирана, британские агенты старались внушить наиболее враждебно настроенным к России персидским феодальным правителям мысль о том, что «Персия должна позаботиться об обеспечении своих северных окраин от честолюбивых замыслов России» и что для этого нужно только оказать содействие образованию из отдельных туркменских племен одной конфедерации, «которая могла бы оказать серьезное сопротивление попыткам России распространить свои владения на Востоке»[2].

Вместе с тем англичане открыто угрожали шаху оккупировать один из островов в Персидском заливе, если он допустит занятие русскими войсками Ахала[3]. Результатом всего этого явилась предпринятая персидским шахом летом 1876 г. попытка с помощью правителя Кучана — Абул Гусейн-хана[4] склонить на свою сторону влиятельных ханов и ишанов-текинцев.

Пользуясь родственными связями с Нурберды ханом и дружбой со многими текинскими феодалами, Абдул Гусейн-хан в августе 1876 г. пригласил их к себе в пограничную крепость Перуаз якобы на скачки. Здесь он заявил текинским ханам, что если они будут покорны персидскому шаху, то

---

[1] История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 113.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6907, л. 69.

[3] История Туркменской ССР, т. I, кн. 2. Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 124.

[4] Абдул Гусейн-хан всего за год до этого был в неприязненных отношениях с шахом, а после ареста своего отца-правителя Кучана бежал к текинцам. Там он жил у Нурберды-хана, женился на его родственнице и ходил вместе с ним на аламаны против своих же соплеменников, пока шах его не помиловал. Когда шаху понадобились услуги Абдул Гусейн-хана, чтобы склонить текинцев к Персии, последний с большим усердием взялся исполнить это поручение. См. ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1552, лл. 147—152.

последний не допустит русских в Ахал. В подтверждение своих слов он даже поклялся на Коране, что русские никогда не придут в Ахал и что шах освободит всех пленных текинцев[1]. По настоянию Абдул Гусейн-хана группа текинских старшин и аксакалов поехала вместе с ним в Тегеран для личных переговоров с шахом[2]. Эти переговоры длились очень долго и в конечном счете не привели к желательным для персидского правительства результатам.

Провал попытки политического авантюриста Абдул Гусейн-хана и шахского правительства склонить некоторых родо-племенных вождей Ахала к принятию персидского подданства означал серьезное поражение английской дипломатии, так как по свидетельству русских источников, «руководителями Персии и теке-туркмен в данном случае были английские агенты, постоянно проживающие и путешествующие по восточным и северным провинциям Персии»[3]. Тем не менее, события эти в значительной степени осложнили и обострили отношения жителей Ахала с русскими властями.

Одним из методов «работы» британской разведки являлось усиленное распространение среди туркмен через отдельных подкупленных текинских ханов и ишанов различных враждебных России слухов. Чаще всего для этой цели использовались представители реакционного мусульманского духовенства, совершавшие паломничество в Мекку, Константинополь и другие «святые» места.

Так, например, известный в Ахале Керимберды-ишан, после своего пребывания в начале 1876 г. в Константинополе, (где он, по всей вероятности, получил надлежащие «инструкции» от своих английских и турецких патронов), на несколько месяцев специально останавливался в Тифлисе и Баку[4], возможно для того, чтобы узнать о замыслах командования войск Кавказского военного округа в отношении дальнейших действий в Туркмении. Возвратившись в Ахал, он стал уверять всех, «что русские идут в Теке, что он сам видел отправлявшиеся в Красноводск из Баку войска». Распространяя «злостные и враждебные для России» слухи, он проповедывал в народе «газават», призывая к «священной» войне против русских. В результате, по свидетельству генерала Ломакина, «слухи эти произвели в Теке большой переполох: одни решили бе-

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1552, лл. 147–152.
[2] Там же.
[3] Сб. «Присоединение...», стр. 257.
[4] Там же, стр. 243.

жать в Мерв, другие полагали удалиться в степь, третьи решили драться с русскими, чтобы умереть там, где покоятся их деды и отцы»[1]. О беспокойстве текинцев, вызванном этими тревожными слухами, свидетельствует также письмо Нурберды-хана и других текинских ханов хану Хивинскому, в котором они просят его помочь замедлить движение русского отряда в Ахал хотя бы на несколько месяцев[2]. Хотя фактов о пребывании британских агентов в самом Ахале в 1876—1877 гг. нет, бесспорным является то, что эти агенты в течение указанного периода постоянно орудовали в самых близких от Ахала районах Персии. Так, например, еще летом 1876 г. генерал Ломакин писал: «Британский агент капитан Непир находился в Буджнурде, недалеко от Ахала. Его часто посещали текинские старшины и ханы. Текинский хан — правитель Овез Дурды-хан жил у него довольно долго, получал от него богатые подарки, хотел с ним даже пробраться в Ахал-Теке, но помешали гокленские разбойники»[3]. Находясь в начале 1877 г. в Кучане, Непир обращается за помощью к здешним курдам, предлагая большие деньги тому, кто его проведет в Ахал, однако никто из курдов не решается на это[4]. К этому же времени относится встреча капитана Непира с одним из ханов-правителей Ахала—Ораз Мамед-ханом в Тавризе. Непир преподнес ему «богатые подарки, в числе коих несколько дорогих ружей». В продолжительных беседах британский агент всячески убеждал Ораз Мамед-хана склонить свой народ к подчинению шаху[5].

Сообщая о пребывании в начале февраля 1877 г. «господина» Непира на северо-восточной окраине Хорасана, в «местностях ближайших к кочевым туркменам Ахал-Теке», русский консул в Астрабаде Бакунин писал, что «из Карры-Кала, по-близости ее к Кизыл-Арвату, г. Непиру всего удобнее было собирать сведения о Беш-Кала, а из Фирюзы — о крепостях, ближайших к Асхабаду»[6].

В конце февраля и в марте 1877 г. капитан Непир, под предлогом охоты, уже действует недалеко от Астрабада, «в самом незначительном расстоянии от степи и места нахожде-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 243
[2] ЦГВИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1252, 12.
[3] Там же, д. 1891, лл. 5 -132.
[4] Сб. «Присоединение...», стр. 295.
[5] Там же, стр. 296
[6] Там же, стр. 290.

ния кочевьев туркмен племени Атабай»[1]. По-видимому он получил к тому времени новое, особо важное поручение от командования английской разведки, так как Бакулин сообщает, что целью пребывания капитана Непира в этом районе было «следить за приготовлениями к предстоящему движению русских войск в Теке»[2]. В другом своем донесении (от 4 апреля 1877 г.) Бакулин пишет, что английский агент Непир «получает сведения о положении дел в степи от одного из туркмен племени атабай, рода дугунчи — Бек-Мурада, который пользуется вознаграждением за свои сообщения»[3].

Антирусские происки британской разведки в непосредственной близости к Ахалу в 1876—1877 гг. не ограничиваются «деятельностью» одного только капитана Непира. Кроме него, как раз в этот период в этих районах действовали британские агенты Черчиль, Бекер и др.[4] Однако основная «заслуга» в деле распространения антирусских настроений в Ахале принадлежит капитану Непиру — этому «известному специалисту по Ахалу». Именно он занимался «обработкой» отдельных текинских ханов и ишанов, задабривая их подарками, именно он всячески убеждал иомутов-атабаевцев отказаться от предоставления русскому отряду верблюдов для кизыл-арватского похода[5]. С именем Непира самым непосредственным образом связана и та неудавшаяся попытка персидского правительства подчинить себе туркмен Ахала[6], о которой говорилось выше.

Усиленные антирусские происки английской разведки не могли не оказать определенного влияния на население Ахала и в первую очередь на воинственно настроенных ханов и ишанов.

Враждебная по отношению к России позиция и антирусская деятельность отдельных текинских ханов и ишанов, являвшихся по существу исполнителями планов и намерений британских империалистов в Туркмении, была еще одной серьезной причиной обострения русско-туркменских взаимоотношений. Вышеупомянутые текинско-персидские перегово-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 297.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 302.

[4] Сб. «Присоединение...», стр. 292—307; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6907, лл. 69—70. О деятельности британских агентов в приграничных с Ахалом районах в 1873—1878 гг. подробно см. Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, стр. 330—342.

[5] Сб. «Присоединение...», стр. 302—304.

[6] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1891, лл. 5—132.

ры, проходившие в августе-сентябре 1876 г., явились поводом к относительной активизации колонизаторской политики царизма в Туркмении и, в частности, в Ахале. Повод этот был раздут и соответствующим образом «обоснован» усилиями и стараниями воинствующих кругов царской России. Даже генерал Ломакин, являвшийся до того сторонником мирного разрешения вопроса об Ахале, стал призывать к вступлению любой ценой на территорию Ахала.

«...Мы никогда не должны упускать из наших рук этот оазис, так как самые существенные наши интересы в этом крае и в Средней Азии требуют этого... Поэтому необходимо с нашей стороны принять самые энергичные меры...»[1], — писал он осенью 1876 г. «Надо прибрать к рукам текинцев. Я убежден вполне, что чем более мы будем откладывать это дело, тем более будем о том сожалеть и раскаиваться впоследствии»[2], — предостерегал Ломакин. На первый случай генерал Ломакин предлагал ограничиться занятием какого-либо крайнего пункта в текинском оазисе, лучше всего Кизыл-Арвата. Укрепившись в нем, по его мнению, можно было бы обеспечить прекращение «всех интриг Персии» и «безопасность Красноводско-Хивинской военно-торговой дороги» от набегов текинцев, а также «упрочить русское влияние в Ахале»[3]. Поддерживая предложение Ломакина, главнокомандующий Кавказской армией в письме к военному министру от 20 октября 1876 г.[4] просил дать соответствующую инструкцию по этому поводу. В результате, в начале ноября Ломакин получил специальное указание подготовить и весной 1877 г. осуществить занятие Кизыл-Арвата. Однако, учитывая напряженное положение на Балканах и, в связи с этим, опасаясь расстроить «политическое настроение Европы», царское правительство предупредило Ломакина о необходимости «подготовить» текинцев к приходу к ним русских войск, чтобы избежать вооруженного столкновения[5].

В «высочайшем предписании» по этому поводу (от 6 ноября 1876 г.) говорилось: «...подготовить это движение таким образом, чтобы местное население не удалялось при приближении наших войск и вообще, чтобы пребывание наше там послужило бы выяснению и упрочению нравственного

---

[1] ЦГИА Груз. ССР. ф. 545, д. 1891, лл. 5—132.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6889, лл. 248—256.
[3] Там же.
[4] Там же, лл. 220—221.
[5] Там же.

влияния нашего над текинским народом, не прибегая к оружию»[1].

Исходя из этих указаний и имея в распоряжении достаточное время (5—6 месяцев), генерал Ломакин действительно принялся «подготавливать» жителей Ахала к предстоящему занятию русскими войсками Кизыл-Арвата. Работа эта велась, главным образом, посредством переписки и личных переговоров с отдельными ханами, в частности, с ханами «ближних» крепостей. Некоторые из них (Софи-хан, Караджа-хан и др.), как и прежде, продолжали посещать Красноводск. К тому времени Нурберды-хан лишился поддержки и покровительства Ломакина. Причиной тому была дружба Нурберды-хана с Абдул Гусейн-ханом кучанским и участие его в происках последнего, направленных на подчинение текинцев Прану.

После текинско-персидских «переговоров», которые, по признанию самого Ломакина, были «иллюзорными» и «на массу населения Ахал-Теке не имели никакого влияния»[2], Нурберды-хан перестал пользоваться прежней благосклонностью начальника Закаспийского военного отдела, хотя между ними еще изредка и велась переписка.

Особое предпочтение Ломакин отдавал теперь Овез Мурад (Тыкма) сердару, о котором он отзывался как о человеке «весьма выделяющемся по своему уму, умению держать себя и говорить, пользующемся репутацией одного из самых дельных и энергичных ханов, имеющем огромное влияние в народе»[3].

Чтобы лучше «подготовить» занятие Кизыл-Арвата, Ломакин посылает к текинцам служащего при отряде юнкера милиции Маха Магометова, который, будучи родом с Кавказа, мог объясняться по-туркменски. Магометов был уже знаком текинцам, так как он еще осенью 1875 г. по поручению Ломакина ездил в Ахал, где успел познакомиться со многими влиятельными лицами, в частности, с Тыкма-сердаром.

Посылая Магометова вторично в Ахал, Ломакин полагал «успокоить» текинцев и главным образом их ханов, «внушить им доверие», одним словом, убедить их в «исключительно благих видах», исходящих из подготавливаемого занятия русским отрядом Кизыл-Арвата. Однако, основная цель посылки Маха Магометова в Ахал объяснялась жела-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 280.
[2] Там же, стр. 272.
[3] Там же, стр. 281.

нием начальника Закаспийского военного отдела разведать положение и настроение текинцев с тем, чтобы в соответствии с этим осуществить намечаемое движение русского отряда.

Прибывший в Ахал в сопровождении Софи-хана, Яйлым-сердара, Гельды-Совдагара и других старшин, посетивших в ноябре 1876 г. Красноводск, Маха Магометов, или, как его прозвали среди туркмен, Мулла Мамед, был действительно хорошо принят текинцами. После непродолжительного пребывания в Ахале, он 9 декабря «в сопровождении 45 главных почетных текинских ханов и старшин не только из ближайших, но и от самых отдаленных крепостей, возвратился в Красноводск»[1].

Прибывшие в Красноводск старшины, среди которых были Тыкма-сердар, Шейхим-хан, Караджа-хан, сын известного Хан Мамед Аталыка Караджа-аксакал, Софи-хан и другие заявили о «безусловной покорности и преданности их великому ак-падишаху», об этом же говорилось и в представленном Ломакину письме четырех главных ханов Ахала[2].

По словам Ломакина, Тыкма-сердар и прибывшие вместе с ним старшины обратились к нему со следующим заявлением: «...текинцы народ дикий, своенравный и, если Вы желаете прекратить с их стороны грабежи и разбои, приходите в Теке и наймите феррашей, иначе порядка между ними не может быть»[3]. Но нельзя быть уверенным, что действительные настроения и интересы текинских ханов и старшин полностью совпадали с содержанием их официальных заявлений. Видимо, выражая свою «преданность» Ломакину и призывая его «установить порядок» в Ахале, они тем самым хотели в какой-то степени искупить перед ним свою вину за участие большинства из них в переговорах с представителями иранских властей. Вместе с тем, заранее зная о готовящемся походе в Ахал, многие из прибывших в Красноводск ханов спешили обеспечить в связи с этим для себя возможно более выгодное положение.

Прибытие в декабре 1876 г. большой группы туркменских старшин в Красноводск с мирными предложениями может быть оценено только положительно, так как царское правительство, пусть даже вынуждено, проводило пока что политику продвижения «без шума», без употребления оружия, а указанный визит ахальских ханов в Красноводск являлся

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 278.
[2] Там же, стр. 281.
[3] Там же, стр. 282.

своего рода свидетельством стремления с их стороны также избежать нежелательного кровопролития в Ахале.

Как свидетельствует Ломакин, старшины и ханы, посетившие его, «весьма сочувственно» отнеслись к предстоящему занятию Красноводским отрядом Кизыл-Арвата, понимая, что «вреда им от этого не может быть никакого, а польза будет огромная, так как тогда свободно и беспрепятственно они будут заниматься торговлей и сбывать (русским) свои ковры, войлоки, шерсть, масло, баранов, лошадей и пр., взамен (русских) красных и других мануфактурных товаров»[1]. Ханы заверили Ломакина, что при приближении русского отряда «их аулы не тронутся с места». Вместе с тем они предупредили, что не могут поручиться за всех текинцев, и что быть может найдутся между ними такие, которые «отнесутся к русским вполне неприязненно и, пользуясь всяким удобным случаем, будут стараться причинять (им) вред...»[2].

Развернувшиеся впоследствии события подтвердили эти недвусмысленные предупреждения и опасения прибывших к Ломакину ханов.

В декабре 1876 г. до генерала Ломакина дошли слухи о том, что «за последнее время в Ахале снова разгорелась прежняя кровопролитная вражда между Курбан Мурад-ишаном и Нурберды-ханом. Было уже несколько стычек, а также несколько убитых и раненых с обеих сторон»[3].

Наличие в оазисе группировок, стоящих на различных, зачастую противоположных позициях, исключало всякую возможность установления единого, то есть согласованного мнения жителей Ахала по отношению к России. Если визиты многих текинских ханов и старшин в Красноводск, а также прибытие сюда торговых караванов из Ахала[4] в какой-то степени свидетельствовали о стремлении большей части населения оазиса сохранить мирные отношения с русскими и избежать кровопролития, то целый ряд других фактов говорил о наличии и даже о постепенном нарастании в Ахале враждебных России настроений. Все это следует рассматривать в неразрывной связи с усилением антирусских проис-

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 282.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 296.

[4] В рапорте от 11 февраля 1877 г. Ломакин сообщает о прибытии в Красноводск торгового каравана из Ахала и о готовящемся снаряжении текинцами большого каравана (в 500 верблюдов) для отправки к русским. Там же, стр. 289—296.

ков британских агентов и персидских властей в пограничных районах Ахала, а также с заметно усиливавшимися захватническими планами и стремлениями царского правительства.

Известие о намерении русского отряда занять Кизыл-Арват и предупреждение Ломакина о том, чтобы жители оставались при этом на своих местах, были по разному восприняты в Ахале. Антирусская партия стала открыто призывать к оказанию вооруженного отпора русским, полагая, что настал самый решительный и удобный для этого момент. Но поскольку призывы эти не находили всеобщего одобрения в оазисе, сторонники войны пока довольствовались подготовительными мерами к столкновению с русскими. В марте 1877 г. они предприняли попытку помешать русскому отряду в сборе верблюдов, необходимых для предстоящего похода. В кочевья прикаспийских иомутов, у которых намечалось произвести наем верблюдов, были специально посланы влиятельные и известные духовные лица текинцев, чтобы отговорить их от оказания помощи русским. «...Духовные лица текинцев за последнее время постоянно посещали нашу чарву, уговаривая туркмен не давать нам для предстоящего перехода в Теке верблюдов»[1],— доносил Ломакин в начале апреля 1877 г.

Переводчик Астрабадской морской станции Рафаэль Езнаев, по просьбе Ломакина побывавший в кочевьях иомутов для заключения договоров по найму верблюдов, сообщил ему, что духовные лица текинцев распространили там слухи о том, что в Ахале идут большие приготовления против русских[2]. По мнению Ломакина «слух этот распущен (был) единственно с целью запугать туркмен и отклонить их от дачи (русскому отряду) верблюдов...»[3].

«...Между прочими слухами, — пишет Ломакин, — текинские хаджи, прибывшие недавно из Константинополя, распустили в народе, что турки перебили уже всех русских, осталась лишь горсть их в Красноводске»[4].

Указанные сведения и другие выдержки из архивных документов, являющиеся в основном донесениями царских военачальников, хотя и не полностью, но в известной степени показывают, что духовные лица текинцев, прибегая к нелепым утверждениям, пытались создавать у народных масс невер-

[1] ЦГИА Груз. ССР. ф. 545, д. 1438, лл. 11—14.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

ное, ложное представление о происходящих событиях, использовать в своих корыстных целях не только силы и ресурсы жителей Ахала, но и других туркменских племен, воспитывать в них вредный дух пантюркизма. В результате усиленной антирусской агитации духовных лиц Ахала, иомуты не отдали в найм русскому отряду необходимое количество верблюдов, так что тот был вынужден произвести сбор верблюдов среди мангышлакских казахов.

Начальник Закаспийского военного отряда предчувствовал возможность столкновения с текинцами. «...Едва ли мы можем ожидать в Кизыл-Арвате особенно радушный прием», – сообщал Ломакин высшему начальству, подытоживая и анализируя все происходящие в то время события[1]. Однако, даже будучи уверенным в неизбежном столкновении с текинцами, он не считал намеченный поход нежелательным. В результате рапортов Ломакина его отряд был усилен еще двумя батальонами пехоты, а также полевыми и горными орудиями.

В начале апреля 1877 г. Красноводский отряд несколькими эшелонами, частью на судах через Михайловский залив, частью сухим путем направился в Молла-Кара. Затем, захватив с собой 2-месячную провизию, навьюченную на 1800 верблюдах, отряд 25 апреля двинулся из Молла-Кара в сторону Айдын и далее по направлению к Ахалу. В Ахале к этому времени сторонники вооруженного сопротивления царским войскам, по-видимому, добились преобладающего положения, так как в рапорте от 29 апреля 1877 г. Ломакин сообщает, что уже три недели прошло, как прервались его связи с текинскими ханами, до того имевшими с ним дружескую переписку и непосредственную связь[2]. Спустя два дня после составления этого рапорта, Ломакин получил от Тыкма-сердара, Софи-хана, Ших-Кули-хана, а затем и от Караджа-хана, письма, в которых они извещали его, что их крепости и люди готовы «с радушием» встретить русский отряд[3]. Однако, когда 7 мая отряд подошел к Кизыл-Арвату и занял его, то застал здесь только одних «караульщиков полей» и несколько стариков[4]. По-видимому, жители Кизыл-Арвата были принуждены оставить свои селения под угрозой со стороны воинственно-настроенной группы ахальцев. «...Дальние текинцы грозили ограбить и разорить преданных нам, по-видимому,

[1] ЦГИА Груз. ССР. ф. 545. д. 1438, лл. 26–28.
[2] Там же.
[3] Там же, лл. 33–38
[4] Там же, лл. 30–32

ближних текинцев, если эти последние при нашем приближении не удалятся в пески за Беурму»[1],— пишет Ломакин.

Вместе с тем нельзя отрицать имевшего места среди населения Ахала и Кизыл-Арвата определенного недоверия к русским войскам. Как уже отмечалось, ряд ранее происходивших стычек с русским отрядом и особенно жестокий погром, произведенный Маркозовым в 1872 г. в Кизыл-Арвате и соседних с ним селениях, были еще живы в памяти текинцев, что давало достаточно оснований недоверчиво относиться к «благим намерениям» царского военачальника. Последний и сам не отрицал этого факта, сообщая, что «жители Кизыл-Арвата под впечатлением пашки 1872 г. отошли отсюда верст на 30 к Коджу...»[2].

На рассвете 12 мая 1877 г. недалеко от Кизыл-Арвата, в ущелье Ялчи-Ата, произошло первое вооруженное столкновение. Отделившаяся от русского лагеря колонна полковника Навроцкого столкнулась со значительным отрядом конных и пеших текинцев, возглавляемых Нурберды-ханом. Столкновение, проходившее в форме усиленной перестрелки, закончилось с прибытием к русским подкрепления из отряда, отступлением текинцев. Сказалось наличие полевых горных орудий и гораздо более высокая военно-техническая оснащенность и подготовка царских войск.

Стычка в ущелье Ялчи-Ата явилась неизбежным следствием всех указанных выше причин, вызванных в свою очередь определенными внутренними и внешними факторами. Начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война повлекла за собой значительное ослабление влияния России в Туркмении и особенно в Ахале. Воспользовавшись тем, что основное внимание царской России было приковано к войне с Турцией, английские империалисты значительно усилили деятельность своих агентов в Средней Азии. Желая во что бы то ни стало остановить продвижение русских в Туркмению, они предпринимали всевозможные меры, прибегая иногда к угрожающим нотам.

Война России против Турции, являвшейся одним из основных центров ислама, очень умело была использована английскими колонизаторами для разжигания религиозного фанатизма среди народов Средней Азии, в том числе и среди туркмен. Именно в этом аспекте надо рассматривать усилившуюся (особенно в 1877 г.) антирусскую деятельность текинских ишанов и мулл, которые вели пропаганду против России

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 26–28.
[2] Там же, лл. 30–32.

не только в Ахале, но и за его пределами — среди приатрекских племен.

По-видимому, есть определенная доля правды в словах Ломакина, который, объясняя причины стычки с текинцами в ущелье Ялчи-Ата, писал: «...«Возбужденные своими духовными лицами, из коих некоторые недавно вернулись из Мекки и Константинополя, все дальние текинцы поклялись умереть или уничтожить наш небольшой отряд, без боя же, как того требует Коран, не отдавать нам и клочка своей земли. Силою они заставили следовать за собой и текинцев ближних крепостей со всеми их ханами и старшинами»[1].

Агентам британской разведки различного рода посулами и подарками удалось склонить на свою сторону или же на сторону персидских властей многих влиятельных ханов и старшин текинцев, в том числе даже и Нурберды-хана, считавшегося ранее явным сторонником русских. Связавшись с персидским авантюристом Абдул-Гусейн-ханом и его непосредственным «наставником» капитаном английской службы Непиром, Нурберды-хан окончательно отошел от русской ориентации, а впоследствии превратился в центральную фигуру в подрывной деятельности британской разведки в Туркменистане. Поддерживая властолюбивые стремления Нурберды-хана, англичане смогли войти в его доверие и установить с ним тесную и постоянную связь[2].

Майские события 1877 г. намного ухудшили обстановку в Ахале и явились как бы началом войны в Туркмении. Однако эти события все же не имели основополагающего и определяющего характера в объяснении причин последующих кровопролитных сражений в Ахале. Большая и справедливая борьба туркмен началась только в 1879 г., то есть после того, как царизм обнажил свое истинное лицо, свою волчью захватническую сущность и встал на путь открытого, беззастенчивого завоевания Туркмении.

Стычка в ущелье Ялчи-Ата послужила поводом царскому правительству для открытых военных действий против туркмен Ахала. Правда из-за войны с Турцией и напряженной внешнеполитической обстановки оно не могло сразу же приступить к осуществлению своих завоевательных планов. Однако характер его дальнейших действий в Ахале был уже предопределен. Последовавшие затем события полностью это подтвердили.

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 545, д. 1438, лл. 43—48.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6907, л. 6; сб. «Присоединение...», стр. 338; М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 61.

Подготовка и проведение первой ахал-текинской экспедиции (май 1877—сентябрь 1879 гг.)

После столкновения с текинцами отряд Ломакина остался в Ахале недолго. «Усталость и болезни солдат, а также недостаток провианта принудили генерала Ломакина оставить Кизыл-Арват»[1], — пишет академик М. Н. Тихомиров. К причинам отступления царских войск следует отнести и опасение повторных столкновений с текинцами, которые в этих условиях не сулили отряду ничего хорошего. Начальник Закаспийского военного отдела в своем рапорте, характеризуя исключительно тяжелое и почти безвыходное положение отряда, сообщал вместе с тем, что Нурберды-хан «собирает огромные партии», приказав «забить все родники в Кизыл-Арватском ущелье и засыпать все колодцы по Красноводской дороге с тем, чтобы заморить (русский отряд) без воды», и что «Коушут-хан Мервский шлет к нему значительное подкрепление даже с артиллерией, которое на днях должно прибыть в Геок-Тепе»[2].

Верховное командование, учитывая положение отряда Ломакина, разрешило ему избрать по своему усмотрению любой пункт для стоянки своего отряда, «не стесняясь возвращения в Красноводск»[3].

Отряд Ломакина выбрал себе стоянку в Молла-Кара, где было «вполне удобно и безопасно» и можно было обеспечить отряд продовольствием и подготовиться к дальнейшим решительным действиям[4]. В своих последующих рапортах Ломакин просил пополнения своего отряда с тем, чтобы немедленно приступить к захвату Ахала. Имея в виду оказанное ему сопротивление, Ломакин писал, что «этого дела нельзя так оставить: текинцев необходимо наказать примерно, необходимо раз навсегда отбить у них охоту тревожить наши войска...»[5].

Приведенная выдержка из рапорта Ломакина показывает, что он к этому времени уже окончательно отказался от своего мнения об относительно мирном разрешении «Ахал-Текинского вопроса». Требуя «примерно» наказать текинцев, Ломакин вместе с тем желал искупить вину за свое вынужден-

---

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 39.
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 319.
[3] Там же, стр. 320.
[4] Там же, стр. 321.
[5] Там же, стр. 324.

ное отступление после стычки с ними и тем самым рассеять подозрения и неблагоприятные для него слухи, которые распространились тогда в наиболее воинственно настроенных кругах России. Не случайно впоследствии почти все буржуазные авторы писали об оставлении Ломакиным Кизыл-Арвата, как о победе туркмен, которые, якобы, кичатся и хвалятся этой своей победой. Но, как бы там ни было, верховное командование специальным распоряжением от 12 июля 1877 г. отказало Ломакину в «новом движении на Кизыл-Арват и далее по Текинскому оазису», строго приказав возвращаться с отрядом в Красноводск[1].

Царское правительство воздерживалось от решительных действий в Закаспии ввиду крайне напряженной внешнеполитической обстановки и войны с Турцией.

Кизыл-арватская экспедиция и стычка русского отряда с текинцами послужили поводом для ноты, которую Англия направила 9 июня 1877 г. русскому правительству, обратив его внимание «на дурные последствия, могущие произойти от движения русских войск в туркменских степях»[2]. «Движение русских, — говорилось далее в ноте, — может наложить на королевское правительство обязанность произвести соответственное движение, с целью устранить боязни и недоразумения жителей тех стран»[3].

Угрожающий тон указанной ноты объясняется тем, что правительство Дизраэли искало в то время любой повод для открытого вмешательства в русско-турецкую войну.

Не желая портить существующих «дружеских» отношений с лондонским кабинетом, Министерство иностранных дел России было вынуждено пойти на значительные уступки и заявить, что занятие Кизыл-Арвата было вызвано исключительно «местными причинами», то есть необходимостью «охранения пути из Амударьи», и не преследовало каких-либо далеко идущих целей, могущих нанести ущерб интересам Англии в Афганистане и сопредельных с ним странах[4].

Таким образом, серьезное опасение возникновения войны с Англией в этот и без того напряженный и трудный для России момент явилось основной причиной нерешительности и «уступчивости» царского правительства в туркменском вопросе. После возвращения отряда Ломакина в Красноводск

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 328.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6899, л. 57.
[3] Там же.
[4] Сб. «Присоединение...», стр. 326—327.

здесь в течение относительно длительного периода действительно не было предпринято сколько-нибудь активных действий. Это не означало отказа царского правительства от захвата Ахала и всей Туркмении.

В высших правительственных кругах царской России вынашивались серьезные планы дальнейших завоевательных действий в Туркмении. В этой связи большой интерес представляет собой так называемое «особое совещание», созванное в Петербурге в марте 1878 г. Какие меры следует предпринять на среднеазиатских границах России в случае разрыва с Англией для давления на нее — единственный вопрос, рассмотренный на этом совещании в присутствии самого императора Александра II. В результате совещания военным министром России Милютиным была составлена обширная докладная на имя императора с изложением тех мер, которые предполагалось предпринять в Закаспии для «предупреждения возможных замыслов английского правительства в Средней Азии и для угрозы собственным его интересам в Ост-Индии»[1].

Специальным пунктом докладной в качестве наиболее необходимой меры предлагалось: «Со стороны Кавказского военного округа усилить войска Закаспийского военного отдела и выдвинуть отряд надлежащей силы в землю Теке и далее по направлению к Мерву...»[2]. Организация такой демонстрации, по словам Ломакина, была вызвана «общим и несомненным убеждением, что только со стороны Закаспийского края и вообще Средней Азии можно наиболее угрожать английским интересам и, что только в этом направлении Англия может быть уязвима»[3] Избегая прямого столкновения с Англией, правящие круги России вместе с тем продолжали готовиться к открытым действиям в Туркмении, маскируя это своим желанием предотвратить «прямое или косвенное покушение» англичан на эту территорию. Получалось так, что «угрожающий образ действий» английского правительства в тот период препятствовал продвижению русского царизма в глубь Туркмении и служил как бы моральным оправданием для предстоящего открытого и беззастенчивого захвата им туркменских районов, в частности Ахала.

Обширная программа действий в Закаспии, составленная еще в мае того же года, в результате длительного обсужде-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 332—333.
[2] Там же, стр. 335.
[3] Там же.

ния и обмена мнениями в различных инстанциях, полностью оставалась в силе. Начальную основу этой программы составляло устройство операционной базы на реке Атрек и занятие по нижнему и среднему ее течениям укрепленных промежуточных пунктов. Конечной ее целью являлась подготовка и осуществление захвата Ахала, а затем и всех других районов внутренней Туркмении.

3 июля 1878 г. генерал Ломакин доложил, что весь его отряд уже «доставлен со всеми тяжестями и довольствием на Атрек и сосредоточен в пунктах Баят-Хаджи и Чате, имея пост для дальнейшего снабжения продовольствием и фуражем в Чекишляре»[1].

В августе основная часть отряда была передвинута к Чату, стратегически выгодно расположенному местечку у впадения Сумбара в Атрек. Окруженное со всех сторон глубокими оврагами, это укрепление представляло собой неприступную природную крепость: «Лучшего места под наше укрепление и желать невозможно; две-три роты при двух орудиях могут тут быть вполне гарантированы от всех случайностей»[2], — писал Ломакин, Чат должен был стать главным опорным пунктом для захвата Ахала.

После сосредоточения на Атрекской операционной линии достаточно сильного отряда (17 рот пехоты, 5 сотен кавалерии при 8 орудиях и 6 ракетных станках)[3] генерал Ломакин в середине августа 1878 г. предпринял рекогносцировку для исследования неизвестного еще пути вверх по Сумбару. Пройдя по долине вдоль этой реки некоторое расстояние, отряд повернул на север и, перевалив через небольшие Кюрендагские отроги, 21 августа прибыл в селение Ходжа-Кала, лежащее приблизительно в 40 км от Кизыл-Арвата. По всему пути следования отряд занимался исправлением дорог, что в большей степени должно было способствовать успеху намечаемого военного похода. «...От Чата и до Текинских пределов,— пишет Ломакин, — на 120 верстах всего 6 небольших переходов; дорога везде удобная, колесная, исправленная нами теперь и разработанная, вода везде в изобилии. Это, несомненно, лучший, удобнейший и кратчайший путь к Текинскому оазису»[4]. Во время пребывания русского отряда в Ходжа-Калинской долине сюда прибывали многочисленные торгов-

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 19, лл. 32—42.
[2] Сб «Присоединение...», стр. 341.
[3] ЦГВИА, Груз. ССР, ф. 521, оп. 10, д. 19, лл. 46—64.
[4] Там же, л. 75.

ды, старшины и ханы из Ахала и Карры-Кала. Каждый день возле лагеря устраивались обширные базары[1]. Как видно из донесения генерала Ломакина, ханы и старшины от «всех текинских крепостей с Кизыл-Арвата и до Кярыза», явились к нему с «изъявлением покорности и предложением услуг»[2].

Основной фигурой во взаимоотношениях текинцев с русским командованием по-прежнему был Овез Мурад (Тыкма)-сердар, выступавший от имени жителей так называемых «ближних» крепостей. Он же являлся в это время как бы посредником между Ломакиным и ханами «дальних» текинцев, уговаривая последних явиться к русскому начальству с мирными предложениями. Источники сообщают, что в результате хлопот Тыкма-сердара, ханы «дальних» текинцев «вместе со всеми своими главными ишанами и муллами» несколько раз собирались у него в Беурме и, наконец, стали даже клониться к его уговорам, что видно из их письма генералу Ломакину[3]. Но лично они не осмелились прибыть в Бендесен, где в то время располагался русский отряд. Нерешительность ханов «дальних» текинцев, по словам генерала Ломакина, объяснялась тем, что они опасались быть наказанными «за прошлогоднее нападение на русский отряд» и поджидали возвращения из Мерва главного своего хана Нурберды, пребывавшего там по случаю событий, вызванных смертью мервского Коушут-хана.

К сожалению, архивные источники весьма недостаточно освещают ход событий в самом Ахале в этот период, поэтому в данном случае приходится опираться в основном на материал устного характера.

После Ялчи-атинской стычки продолжали существовать различные мнения по отношению к России. Значительная часть населения оазиса, в особенности западных его районов, была настроена относительно мирно. Часть феодально-родовых вождей, ханов и старшин продолжала придерживаться русской ориентации. Собранные авторами опросные данные о роли и деятельности Тыкма-сердара в этот период резко противоречат друг другу. Некоторые осуждали его за чрезмерное усердие перед русскими властями и называли даже предателем, другие же, наоборот, отзывались о нем, как о весьма умном, дальновидном и храбром человеке, который умело

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 346.
[2] Там же.
[3] Там же.

ориентировался в тогдашней сложной обстановке, сохраняя честь и национальное достоинство. Такие противоречивые отзывы о Тыкма-сердаре представляют собой отражение той внутренней борьбы, которая шла тогда в Ахале по вопросу об отношении к России.

Тыкма-сердар, как явный приверженец русских, подвергался самым злобным нападкам со стороны воинственно-настроенных ханов «дальних» текинцев, которые старались представить его в самом неблаговидном свете. Этим, видимо, следует объяснить и то обстоятельство, что имя Тыкма-сердара даже в наши дни пользуется неоднаковой репутацией в западных и восточных районах Ахала. Таким образом, даже еще в 1878 г. среди жителей Ахала не было единства мнений в вопросах мира и войны, в отношении к России и русским. Но все же среди текинцев преобладало мнение о неизбежности столкновения с русскими. На сходках и маслахатах постепенно увеличивалось число выступающих с требованием решительных действий против царских войск. Однако всеобщие военные приготовления наступательного или оборонительного характера в Ахале еще не велись.

5 сентября 1878 г. у селения Бендесен произошла небольшая вооруженная стычка. Колонна подполковника Навроцкого, направлявшаяся на уборку джугары с поля, откупленного у местных жителей, была обстреляна 11 текинцами, замаскировавшимися среди посевов. В ночь с 7 на 8 сентября уже довольно значительный отряд текинцев совершил нападение на Ходжа-Кала, куда накануне вынужден был отступить от Бендесена русский отряд. Поведение текинцев не предвещало ничего доброго для генерала Ломакина. Самое благоразумное, что он мог сделать — это отступить, тем более, что для такого отступления на сей раз у него были «оправдания»: перед этим он получил приказ о возвращении на Атрек[1].

На протяжении пути от Ходжа-Кала к Терс-Акану текинцы преследовали русский отряд. Пользуясь горной местностью, они несколько раз нападали на отряд, вызывая большой переполох. Лишь превосходство в оружии и особенно артиллерии спасло отряд Ломакина от неминуемой гибели. Но сентябрьские стычки нельзя еще рассматривать как начало большой справедливой борьбы туркмен-текинцев в защиту своей земли. Это были еще не согласованные и не организованные действия незначительной части ахальцев, побуждаемых зачастую желанием «испытать свое счастье» на поле

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 342—343.

браны. Но эти, пусть даже не организованные, военные действия туркмен-текинцев должны быть рассматриваемы с положительной стороны, так как они явились ответной реакцией, вызванной движением царских войск, захватнические планы которых становились все более откровенными.

Осенью 1878 г. войска Закаспийского военного отдела занимались исключительно устройством укреплений Атрекской линии. Основное внимание уделялось Чату, который в незначительный срок был превращен в неприступную военную крепость. 8 октября состоялся торжественный церемониал открытия Чатского укрепления. Под гром артиллерийского салюта и императорского гимна над укреплением взвился русский флаг. Одновременно было закончено сооружение редута и при Чекишлярском приморском посте. Ломакин доносил высшему начальству: «...Мы прочно и твердой ногой стали на Атреке и (теперь) не оставим его»[1].

В действительности же положение царских войск на Атреке было совсем не такое прочное. Укрепления Чат, Баят-Хаджи и даже Чекишляр находились почти в блокированном состоянии и из них можно было выходить только в сопровождении сильного конвоя. «...В Чате и Чикишляре без сильного прикрытия в 4—5 рот мы не можем сделать и шагу — они (речь идет о текинцах — Д. Д.) держат нас как в осадном положении»,— вынужден был признать тот же Ломакин[2]. Отдельные отряды вооруженных туркмен, поджидавшие удобного случая для нападения, часто показывались вблизи указанных укреплений, создавая тем самым тревогу в русском лагере.

В начале октября в окрестностях Чата были схвачены и увезены в плен 6 солдат артиллеристов, из которых один был в дороге убит, видимо при попытке бежать, (впоследствии они были выменены на текинских пленных). В том же месяце небольшой конный отряд текинцев предпринял попытки захватить табун верблюдов Чатского укрепления.

Самое большое нападение текинцев на приморский пост Чекишляр было совершено 24 октября 1878 г. По некоторым сведениям в нем принимали участие и иомуты-атабаевцы[3]. Нападение было отбито с большим трудом благодаря мощному артиллерийскому огню. В сведениях различных воинских инстанций количество нападавших туркмен на Чикишляр по-

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 351
[2] Там же, стр. 360.
[3] Там же, стр. 358

казано совершенно неодинаково — от 8000 конных и пеших до 100 человек[1].

Участившиеся вооруженные нападения текинцев были вызваны тем, что в Ахале все лучше стали понимать истинные цели царской России.

Внешнеполитическая ситуация, создавшаяся к началу 1879 г., англо-афганская война и явно усилившееся влияние англичан на Среднем Востоке, заставили царское правительство ускорить завоевание Туркмении, в частности Ахала.

11 января 1879 г. Ломакину было «высочайше повелено предпринять летом экспедицию против текинцев», а для этого, при первой возможности, прибыть в Тифлис для соглашения о подготовительных мерах[2].

Однако серьезность этого «предприятия» в политическом отношении была настолько велика, что начальство Кавказского военного округа решило обсудить и согласовать его в более высоких правительственных инстанциях. 21 января по инициативе главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила в Петербурге состоялось весьма представительное и авторитетное совещание, посвященное специально вопросу о военном захвате Ахала. На нем присутствовали военный министр, министр иностранных дел, начальник главного штаба и другие официальные лица[3]. Вначале были заслушаны отдельные сообщения о положении дел в Туркмении и сопредельных с нею странах, а также высказывания относительно дальнейших действий. Большой интерес в этой связи представляет зачитанное на совещании донесение русского консула в Тегеране Зиновьева, представленное им в Министерство иностранных дел еще в декабре 1878 г. В донесении указывалось, что неудача экспедиций 1877—1878 гг., отступление русского отряда и нападения текинцев произвели в Персии весьма невыгодное для России впечатление, что явилось причиной усиления здесь антирусской деятельности британских агентов. «...В интересах русского влияния, — писал Зиновьев, — нельзя допускать подобным убеждениям укореняться в Персии, и потому для восстановления нашего престижа необходимо строго наказать текинцев»[4]. Зиновьев предлагал «одним ударом» захватить Текинский оазис, так как это «разом положит конец как невыгодным

---

[1] ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, д. 210, лл. 93 -101.
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 362.
[3] Там же, стр. 378.
[4] Там же.

толкам, так и дерзким происках английских агентов, старающихся возбудить против (русских) туркменское население»[1]. Посланник особо подчеркивал, что успехи англичан в войне против афганцев произвели в Персии весьма сильное впечатление и содействуют возрастанию там влияния Англии. «Прочное занятие текинского оазиса, приближая нас к границам Хорасана, будет служить противовесом английскому влиянию в этих краях, и, наконец, чем скорее мы займем Текинский оазис, тем скорее будем обладать передовым пунктом, могущим послужить базисом для наших дальнейших предприятий в Средней Азии»,— заключал он[2].

Другим весьма важным для совещания документом явилась записка полковника Петрусевича, направленного командованием в Хорасан со специальным заданием — изучить его границы для последующего русско-иранского разграничения. Не останавливаясь подробно на этой записке и содержащемся в ней описании границы Хорасана, отметим, что автор этого документа старался всячески доказать важность военного захвата Ахала, характеризуя его как исключительно удобный стратегический район в возможной войне против Англии.

Зиновьев и Петрусевич отразили в своих «трудах» настроение наиболее воинствующих кругов царской России, требовавших безотлагательного военного покорения Туркмении и беспощадного разгрома текинцев Ахала. «Довольно даже одного погрома, — говорил Петрусевич, — потому, что такой погром покажет им невозможность сопротивления»[3].

Пропитанные воинствующим шовинистическо-колонизаторским духом, эти и подобные им документы и выступления легли в основу принятого совещанием постановления.

23 января решения совещания были утверждены императором Александром II и тут же в штабе Кавказского военного округа приступили к разработке подробного плана предполагаемых действий.

«...Овладение Текинским оазисом и прочное там водворение — не есть цель операции, а только главнейший шаг наш к окончательному решению вопроса о Мерве, о замкнутии границы нашей фактическими владениями Персии, Афгани-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 378.
[2] Там же.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, 1396, оп. 2, д. 109, л. 118.

стана и Бухары»[1]. Этот пункт из донесения штаба Кавказского военного округа показывает истинные цели намечаемой экспедиции и вместе с тем разоблачает лживость утверждений тех, кто старался объяснить ее якобы необходимостью наказать текинцев за их грабежи.

Рассмотрев окончательно вопрос о целях экспедиции, верховное командование нашло преждевременным занятие Мерва. Во избежание международного конфликта, начальнику экспедиции предлагалось «всеми зависящими от него мерами стараться устранять поводы по всякому дальнейшему движению в глубь туркменских степей»[2].

Основной задачей Ахал-Текинской экспедиции 1879 г. являлось занятие района Геок-Тепинских и Ашхабадских поселений, которые считались важными стратегическими пунктами и где, по примерным подсчетам, должно было проживать около 40—50 тысяч туркмен. «Завладение этим районом и утверждение в нем подчиняет нашей власти весь Ахал-Текинский оазис. Тут находятся самые обширные и богатые их пашни, самые большие и обильные речки, тут же проживают постоянно четыре главных хана-правителя текинцев и главный текинский ишан... Геок-Тепе считается как бы столицей Ахал-Текинского оазиса; там же происходят постоянно народные собрания и оттуда исходят обыкновенно все, особенно крупные предприятия текинцев...», — читаем в донесениях царских генералов[3].

Нет необходимости подробно описывать весь ход подготовительных мероприятий к экспедиции и постепенное движение царских войск к центру Текинского оазиса. Следует лишь подчеркнуть, что экспедиция была основательно подготовлена и проводилась в широких масштабах. Общее количество участвовавших в ней войск превышало 12000 человек. Начальником экспедиции был назначен генерал-адъютант Лазарев — командир 1-го армейского корпуса, расположенного на Кавказе. Военная карьера Ломакина закончилась довольно бесславно. Хотя он и был в отряде помощником начальника, но фактически его отстранили от руководства военными операциями, и занимался он, в основном, закупкой и сбором верблюдов, обеспечением отряда продовольствием, устройством колодцев и т. п.

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 386; М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. III, СПб., 1906, стр. 44.

[2] Сб. «Присоединение...», стр. 388.

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 376—384; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 41.

Приехав в марте, генерал Лазарев осмотрел Красноводск, Чекишляр, Чат и войска, находившиеся в них. М. А. Терентьев пишет, что Лазарев удовлетворительно отозвался о состоянии войск в Закаспии и расхвалил Ломакина, объясняя его неудачи «системой действий, ему предписанных»[1].

Одним из главных мероприятий, осуществленных Лазаревым в период его непродолжительной деятельности в Закаспии, было учреждение им военно-гражданского управления в Чате и Чекишляре. Образование этих двух приставств в официальной форме закрепило за Россией прикаспийские районы и явилось как бы завершением присоединения Западного Туркменистана. Так постепенно продвигался царизм в Туркмению, подчиняя все новые районы и создавая в них свою колониальную власть.

Установление отношений с жителями Ахала генерал Лазарев начал с обращения к ним, носившего форму своеобразной прокламации. В начале апреля 1879 г. к нему в Чекишляр прибыл из Ахала сын Тыкма-сердара Акберды-хан специально для переговоров по обмену пленных. Акберды-хан был хорошо принят Лазаревым, одарившим его дорогими подарками и освободившим из плена 14 текинцев, взамен двух пленных русских солдат. Вместе с Акберды-ханом Лазарев отправил его отцу Тыкма-сердару письмо, которое представляло собой прокламацию, адресованную всем жителям Ахала. Содержание прокламации сводилось к тому, что он, то есть генерал Лазарев, по «повелению всевышнего», пришел покорить Ахал-Теке русскому царю, и что для него решительно все равно, как отнесутся к этому жители оазиса, наоборот, он даже будет рад, если те окажут ему сопротивление. Интересна при этом его ссылка на Коран, в одной из заповедей которого говорится, что слабый должен подчиниться сильному[2].

Нетрудно видеть, что прокламация Лазарева по своему тону и содержанию резко отличалась от тех писем, которые получали раньше текинцы от русских начальников и которые призывали к миру и спокойствию. Ясно поэтому, что она не могла не вызвать в Ахале всеобщего возмущения и еще больше укрепила решимость его жителей отстоять свою честь и достоинство..

Несмотря на то, что в правительственных кругах царской России решение о походе на текинцев сохранялось в строгой

---

[1] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 8.
[2] «Туркестанский сборник», т. 244, стр. 146—147.

тайне, слухи о нем сравнительно быстро дошли до жителей Ахала. Назначение нового русского генерала и прибытие большого количества войск подтвердили достоверность этих слухов. Поэтому в Ахале еще до получения прокламации Лазарева утвердилось мнение о неизбежности столкновения с русскими войсками и необходимости оказания им вооруженного сопротивления.

Полковник Сполатбог, непосредственный участник этих событий, пишет в своих воспоминаниях, что когда в Ахале стало известно о приезде в Чекишляр генерала Лазарева «с целью уничтожить текинцев», все почтенные люди, ханы и старшины съехались на совет в Асхабад для обсуждения мер к защите от наступающей беды «...На совете в Асхабаде было решено не допускать русских к переходу в долину и послать на Бендесенский перевал кавалерию и пехоту для встречи врагов»[1]. В это время была получена прокламация Лазарева, которая подлила масла в огонь. Теперь в оазисе уже почти не было колеблющихся, все были полны решимости сражаться до последней возможности.

Интересны высказывания военных историков относительно послания генерала Лазарева к текинцам: «...Такая проповедь русского генерала, — пишет М. А. Терентьев, — конечно, не могла испугать дикарей, а ссылки на Коран и пророка Адама только напоминали о том, что вопрос: кто сильнее — еще не решен. До сих пор текинцы считали себя непобедимыми и, стало быть, покориться должны были не они, а Лазарев, если он придерживается Корана...»[2].

Н. И. Гродеков пишет, что «прокламации Лазарева», написанные на шести листах каждая, пошли на заряжение (текинских) ружей[3]. Как бы в ответ на такое вызывающее послание генерала Лазарева, под руководством сына Нурберды-хана — Бердымурад-хана, спешно было собрано ополчение численностью в 5—6 тысяч человек пеших и конных, которые прибыли к Бендесенскому перевалу с целью задержать здесь русский отряд.

После незначительных стычек с авангардом царских войск у Ходжам-Кала и Бендесена, отряд текинцев отступил к Беурме, где был созван новый маслахат. На этом маслахате большинством голосов было решено собраться всем жителям Аха-

---

[1] Покорение Ахал-Текс (из записок полковника Сполатбога), Тифлис, 1884, стр. 1.

[2] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 9.

[3] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. II, стр. 198.

ла в Геок-Тепе и здесь биться насмерть. Немедленно в разные концы оазиса были посланы гонцы с приказаниями от главных ханов всем способным держать оружие идти в Геок-Тепе. Жители селений, расположенных на западе от Геок-Тепе, должны были придти сюда со своими семьями, чтобы те не попали в руки царских войск.

Сполатбог пишет: «На этом же совете в Беурме, в видах того, чтобы дать возможность собраться всем жителям и успеть приготовиться, было предложено Тыкма-сердару и Софи-хану отправиться к русским под предлогом изъявления покорности, и этим удержать их от движения хотя дней на 10, а также ознакомиться с русскими, узнать их намерения — для чего они идут в Ахал.

Тыкма-сердар и Софи-хан после долгих колебаний и опасений, что русские их задержат, решили наконец принять это предложение и отправились к Ломакину под предлогом изъявления от своих родов покорности»[1].

Таковы были действительные причины прибытия в этот момент Тыкма-сердара и Софи-хана к русскому командованию. Это опровергают выдвигавшиеся против них впоследствии обвинения в предательстве интересов своего народа, во всяком случае — в умышленном их приезде к русским с целью измены. В работах некоторых дореволюционных авторов имеются прямые утверждения об услугах, оказанных Тыкма-сердаром (о Софи-хане они зачастую умалчивают) царскому командованию во время его нахождения в русском лагере.

Н. И. Гродеков пишет, что он сам присутствовал в то время, когда Тыкма-сердар давал совет генералу Ломакину атаковать крепость Денгли-Тепе с южной стороны, где к моменту прибытия туда русского отряда не было еще устроено крепостной ограды[2]. Об этом же вслед за Гродековым и, видимо, позаимствовав у него, пишет М. А. Терентьев, который к тому же еще добавляет, что русские военачальники пренебрегли тогда этим полезным советом. Поэтому, якобы, они и не смогли овладеть крепостью, Скобелев же последовал совету Тыкма-сердара и одержал победу[3].

Не исключена возможность, что Тыкма-сердар, убедившись в неудаче тех целей и замыслов, с которыми он был

---

[1] Покорение Ахал-Теке (из записок полковника Сполатбога). Тифлис, 1884, стр. 1.

[2] Н. И. Гродеков, Указ. раб., т. II, стр. 199.

[3] М. А. Терентьев, Указ. раб., т. III, стр. 14.

послан в русский лагерь и исходя из определенных расчетов, действительно стал клониться на путь измены. Но что поехал он в русский лагерь не по своей воле — это факт бесспорный.

Надо полагать, что царское командование, задержавшее у себя Тыкма-сердара и Софи-хана в качестве заложников, старалось всячески использовать их в борьбе против туркмен-текинцев. Однако, вполне допустимо и даже весьма вероятно, что русское командование сознательно пустило в ход версию об измене Тыкма-сердара с целью скомпрометировать его перед соплеменниками. В пользу последнего предположения говорит большая часть опросных данных, об этом же свидетельствуют и высказывания отдельных дореволюционных авторов.

Туган-Мирза Барановский, посвятивший свою работу специально изучению первой ахал-текинской экспедиции, пишет, что Тыкма-сердар и Софи-хан прибыли в русский лагерь для переговоров. Они будто бы заявили, что текинцы согласны платить контрибуцию и ежегодную дань, но с тем, чтобы русские войска не вступали в текинские пределы[1]. В ответ на это предложение члены текинской депутации, по словам автора, были обезоружены и отданы под стражу в качестве военнопленных.

Несправедливость такого отношения к текинскому посольству была настолько очевидна, что даже Барановский говорит о ней с явным возмущением и негодованием: «...Не могу допустить, чтобы что-нибудь подобное могло совершиться в русской армии»[2]. Таким образом, высказывания Барановского, как и приведенные выше выдержки из записки Сполатбога, говорят о том, что Тыкма-сердар и Софи-хан не по своей воле остались в русском лагере, что их задержали силой, установили за ними строгий надзор и, больше того, стали подвергать различным оскорблениям и унижениям. Тыкма-сердара, например, заставили быть зрителем геок-тепинского сражения, беспощадного артиллерийского обстрела крепости, что явилось для него, как пишет один из участников тех событий, «ужаснейшей пыткой». «...Ему пришлось, — продолжает он, — смотреть целый день, как наши гранаты разры-

[1] А. В. Туган-Мирза Барановский. Русские в Ахал-Теке в 1879 г., СПб, 1881, стр. 166. Заявление о готовности платить контрибуцию, если оно в действительности имело место, по-видимому, было сделано потому, что для текинцев желательно было тогда как можно больше оттянуть время вступления царских войск в пределы оазиса и тем самым успеть приготовиться к обороне.

[2] А. В. Туган-Мирза Барановский. Указ. раб., стр. 166.

вались над семьями, находившимися в крепости, в среде которых была и его семья. Хан (Тыкма-сердар—*Д. Д.*), следя за полетом гранат, рвал бороду в отчаянии и походил на сумасшедшего»[1].

После того как царские войска потерпели поражение под стенами Геок-Тепе, положение Тыкма-сердара и других текинцев, находившихся в русском лагере, стало совершенно невыносимым. Озлобленные неудачей, царские офицеры не пропускали случая поиздеваться над ними. Один раз штабс-капитан Якубов, служивший в отряде переводчиком, оттрепал Тыкма-сердара за бороду, чего последний (находясь уже в почтенном возрасте) никак не мог простить.

В сентябре 1879 г., десять дней спустя после геок-тепинского сражения, Тыкма-сердар, Софи-хан и все другие члены посольства совершили побег и вернулись к своим в Геок-Тепе.

«...Девять десятых отряда, не разделявших воззрений своего генерала на международные отношения и лучше понимавших неприкосновенность посольства, обрадовалось, узнав о побеге Тыкма-сердара», — писала газета[2]. Впоследствии, во время экспедиции генерала Скобелева в Ахал, Тыкма-сердар не только участвовал в борьбе текинцев против царских войск, но был одним из главных организаторов и руководителей обороны Геок-Тепе.

Трудно после всего этого говорить в этот период о Тыкма-сердаре, как об изменнике и предателе своего народа. Совершенно иначе обстоит дело с его деятельностью после завоевания Ахала царскими властями. После того, как царское командование отказалось принять «условия» текинцев и задержало у себя Тыкма-сердара, Софи-хана и других членов их посольства, сражение с царскими войсками сделалось неизбежным. Теперь уже никто в оазисе не сомневался в истинных захватнических целях русского царизма, открыто стремившегося к покорению текинцев силой оружия.

Теперь уже в Ахале не было двух партий — партии мира и партии войны, не было колеблющихся. Население оазиса было охвачено единым неудержимым стремлением отстоять свою землю. Это уже было началом большой, поистине справедливой и исторически закономерной борьбы туркмен Ахала против царского завоевания.

---

[1] «Дело», № 6, 1881, стр. 53—54.

[2] Там же; См. также В. А. Туган-Мирза Барановский. Указ. раб., стр. 167.

В этой связи представляется необходимым критически отнестись к утверждению академика М. Н. Тихомирова о том, что некоторые текинские аулы не присоединились в 1879 г. к общему движению, направленному против царских войск, к лагерю сражающихся за свою свободу текинцев. Академик Тихомиров пишет, что жители Арчмана остались на своих местах, то есть не ушли в Геок-Тепе (это было решено на общем маслахате) и радушно встречали русские войска[1]. В действительности же поголовное большинство арчманцев ушло в Геок-Тепе, где решено было дать сражение царским войскам. Оставшаяся в ауле самая незначительная часть населения состояла из больных, стариков и исключительно бедных семейств, не имевших средств для передвижения и, видимо, совершенно безразличных к своей участи. «Бедные жители Арчмана, до 60 семейств, по недостатку перевозочных средств не могли двинуться и остались на своих местах, и этим прямо выразили намерение не защищаться», — читаем по этому поводу у Н. И. Гродекова[2]

А вот что пишет Л. Ржевусский, который в качестве журналиста непосредственно участвовал в ахал-текинской экспедиции 1879 г. в составе авангардных войск: «В обыкновенное мирное время число жителей в Арчмане доходило до 2000, во время же нашего прихода едва ли набралось бы кибиток 50. На площадке, против одного из трех имеющихся в ауле укреплений, собрался народ, вышедший нам навстречу. Ни одного молодого, здорового лица не оказалось в этой толпе— только едва двигавшиеся от старости дряхлые деды, расслабленные болезнями люди среднего возраста, да один, хотя молодой, но страшно исхудалый и с сильно воспаленными глазами текинец — стояли, молча смотря на нас. Да и сами арчманцы не пытались нас вводить в заблуждение и на расспросы отвечали, что вся молодежь, также как и из Кизыл-Арвата, ушла в Геок-Тепе, причем, один из них уверял меня, что каждая кибитка дала по одному пешему или конному воину...»[3].

Туган-Мирза Барановский, хотя и пишет, что семьи арчманцев встречали их (то есть русский отряд) с поклонами и приветом: «...доставили начальству две кибитки, которые тут же разбили, принесли дынь, арбузов, масла, молока и проч...».

---

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 41

[2] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 145.

[3] Л. Ржевусский. От Тифлиса до Денгиль-Тепе «Военный сборник», 1885, № 3, стр. 130

но тут же признает, что это было обманом, «разыгранной комедией», с целью спасти себя, свое имущество и поля: «Когда стемнело, вдруг в ручье перестала идти вода, которую арчманцы, вероятно в знак »дружбы« к нам, постарались отвести. Ночью пропали четыре лошади»[1] и т. д.

«Подходя к Дуруну, показались первые неприятельские разъезды;... до тех пор ни разъездов, ни даже жителей, за исключением нескольких семейств в Арчмане, ни в одном ауле не встретили» — говорится в официальном рапорте генерала Ломакина»[2].

Таким образом, даже не прибегая к материалам устного характера, мы можем говорить об участии арчманцев (во всяком случае абсолютного их большинства) в общей борьбе текинцев против захватнических планов русского царизма.

Н. И. Гродеков предполагает, что жители Кизыл-Арвата и Беурмы, принадлежавшие к родам Тыкма-сердара и Софи-хана, задержанных в качестве заложников в русском лагере, ушли в пески, а не в Геок-Тепе[3]. Однако это предположение опровергается в работах других авторов[4]. Были, конечно, отдельные группы и личности, принадлежавшие главным образом к зажиточной части населения, которые, желая сохранить свое богатство, уходили в пески или переходили на сторону царских войск. Так, 25 августа 1879 г. (то есть за три дня до геок-тепинского сражения) в русский лагерь, расположенный тогда еще в Беурме, прибыл с изъявлением покорности кизыл-арватский Худайберды-хан со своими двадцатью шестью шукерами[5].

Большая часть зажиточных скотоводов ушла в пески еще до того, как на маслахате было решено до окончания военных действий основную часть скота угнать в степь. Поэтому, видимо, Гродеков в значительной степени прав, когда пишет, что среди собравшихся в Геок-Тепе не было чарвы, то есть скотоводов[6].

Имеются также сведения о депутации богатых текинских скотовладельцев, направленной к хану хивинскому с просьбой выделить им землю и воду. Просьба эта будто бы была

---

[1] В. А. Туган-Мирза Барановский. Указ. раб., стр. 89—91

[2] Сб. «Присоединение...», стр. 443.

[3] Н. И. Гродеков, Указ. раб., т. I, стр. 145.

[4] См., например, В. А. Туган-Мирза Барановский, Указ. раб., стр. 166—167.

[5] А. Ржевусский. От Тифлиса до Денгиль-Тепе, «Военный сборник», 1885, № 3, стр. 128—129.

[6] Н. И. Гродеков, Указ. раб., т. I, стр. 145.

удовлетворена ханом, обещавшим туркменам предоставить землю на урочище Саудагер, вблизи Питняка[1].

Исполнявший в то время обязанности Туркестанского генерал-губернатора генерал Колпаковский, получив эти сведения, поспешил предупредить хивинского хана, чтобы тот отказал в просьбе чарвы-ахальцев, предложив им «возвратиться в свой оазис и изъявить покорность начальнику отряда русских войск, двигающихся со стороны Чекишляра»[2].

Сведения эти ценны в том отношении, что они, кроме всего прочего, показывают степень участия различных социальных слоев населения Ахала в борьбе против царских войск.

В середине августа 1879 г., когда русский экспедиционный отряд стоял уже у самых пределов текинского оазиса, в Геок-Тепе, куда к этому времени собралась основная часть жителей западной половины Ахала со своими семьями и часть мужского населения восточных районов, был созван новый маслахат для обсуждения создавшегося положения. Абсолютное большинство участников маслахата требовало войны. Против войны высказывалась часть феодально-родовой знати во главе с Оразмаммед-ханом и Ханмаммед-Аталыком[3]. Последние предлагали уполномочить их вести переговоры с русским командованием, так как считали, что Геок-Тепе не выстоит перед грозной силой оружия царских войск. Однако собравшиеся с крайним негодованием и возмущением встретили это предложение. На маслахате была принята общенародная присяга — защищаться до последней возможности. Было решено оставить старую крепость (Коне Геок-Тепе), находившуюся у окраин песков и построить крепость вокруг холма Денгиль-Тепе (Дингли-Депе), где было сравнительно больше воды. Строительство велось быстрыми темпами и с большим энтузиазмом. «На каждые 10 семейств, — пишет Н. И. Гродеков, — назначен был известный участок стены. Работали старый и малый, и женщины». Но, тем не менее, к приходу русского отряда к Геок-Тепе, крепость была еще не достроена: «южная часть крепости совсем не была укреплена, восточный фас был сделан только наполовину; с прочих сторон стены не были доведены до надлежащей высоты, так что все кибитки были видны»[4].

---

[1] ЦГИА, Уз. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 458, лл. 50—51.
[2] Там же, л. 20.
[3] «Туркменоведение», 1927, № 1 стр. 26.
[4] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 145—146.

Вооружение текинцев оставляло желать много лучшего. Лишь небольшая часть воинов имела кремневые ружья, остальные же были вооружены крайне примитивно — от кривых туркменских сабель и кончая обычными дубинами и палками. Единственная пушка, доставшаяся текинцам в качестве трофея в битве у Карры-Кала с войсками Джаффар-Кулихана буджнурдского в 1858 г., стояла безмолвна на холме Денгиль-Тепе. Для этой, сильно устаревшей по своему образцу пушки, не было снарядов соответствующего калибра, а возможно, и специалистов, умеющих обращаться с нею.

В устных преданиях, написанных значительно позже, в силу чего отдельные детали и даты в них не всегда точны, имеется очень интересный рассказ о попытке применить эту пушку в бою. До того времени пушка находилась в Анау, захваченном текинцами сравнительно недавно (в 1861 г.) и потому являвшемся наименее укрепленным у них местом. Подчиненные жители Анау, опираясь на помощь персидских феодалов, пытались неоднократно изгнать оттуда текинцев. Пушка, установленная там, служила для того, чтобы выстрелом из нее предупреждать текинцев о грозящей им опасности. После того, как по решению маслахата пушка была перевезена из Анау в Геок-Тепе, известному кузнецу Абдулла-усте было предложено отлить ядра для нее из разбитых курганов и чугунных казанов, сдаваемых ему населением. Когда начался штурм крепости царскими войсками, Абдулла-уста, отливший несколько десятков ядер, смог сделать только два выстрела из пушки. С передовых позиций прислали гонца с просьбой не стрелять, так как снаряды далеко не долетали до расположения русских войск и могли нанести ущерб своим. «Даже видно было ядро при полете, можно даже уклониться от него. Наша пушечная пальба, от которой мы так много ожидали, на этом кончилась. Долго еще эта пушка торчала на кургане без присмотра»[1], — рассказывает очевидец и участник тех событий. Однако плохое вооружение и очень слабое знание новых форм и методов военного искусства компенсировалось храбростью и мужеством защитников Геок-Тепе. Они хорошо понимали задачи и цели своей борьбы и потому были непоколебимы в желании отстоять свою землю или умереть, обороняя ее.

Борьба туркмен была справедливой. Однако и здесь имелись определенные отрицательные моменты. Так, известно,

[1] «Туркменоведение», 1927, № 1, стр. 27—28

что фанатическое духовенство Ахала, возглавляемое Курбан-мурад-ишаном, Керимберды-ишаном и другими реакционными муллами, старалось всеми мерами придать борьбе ахальцев религиозный оттенок. Распространяя различные небылицы о чрезмерных жестокостях русских на Кавказе и в войне с Турцией, пересказывая все, слышанное от своих британских наставников, ишаны и муллы надеялись превратить войну текинцев против царских войск в войну правоверных против «гяуров».

Разумеется, эти проповеди духовенства не являлись и не могли явиться определяющими в объяснении причин войны в Туркмении, хотя надо признать, что и они в какой-то степени подливали масло в огонь этой войны. Но это не меняло справедливого в целом характера войны, так как всем своим острием она была направлена против захватнических планов и прямой агрессии русского царизма.

К середине августа 1879 г. царские войска продолжали сосредотачиваться у границы Ахал-Теке, в укреплениях Ходжам-Кала и Бендесен. 14 августа в Чате умер Лазарев. Начальство над войсками, как старший, принял генерал Ломакин.

До прибытия нового командующего войсками генерал-лейтенанта Тергукасова Ломакину предлагалось руководствоваться во всех своих действиях «предположениями» покойного Лазарева, «делая от них отступления по своему усмотрению»[1]. Пользуясь моментом, чтобы присвоить себе славу покорителя текинцев, Ломакин приказал отряду поспешно двигаться к центру Ахала — Геок-Тепе, где должно было произойти решающее столкновение.

21 августа экспедиционный отряд двинулся из Бендесена и в течение недели, пройдя по оставленным жителями текинским селениям Бами, Беурме, Арчман, Сунче, Мурче, Бахарден, Дурун и Яраджы, преодолел путь до Геок-Тепе.

Бой под Геок-Тепе 28 августа 1879 г. закончился неудачей для царских войск, которые вынуждены были отступить на исходные рубежи.

Неудачный штурм Геок-Тепе 28 августа, как и вся экспедиция 1879 г., подробно описаны в работах Туган-Мирза Барановского, А. Ржевусского, М. А. Терентьева, Н. И. Гродекова, в некоторых специальных обзорах[2], а также в рус-

---

[1] Сб. «Присоединение ...», стр. 433.

[2] Ахал-текинская экспедиция 1879 г., СПб, изд. ред. «Чтение для солдат», 1886.

ской периодике конца 70—80-х годов. Документы о ходе экспедиции помещены в сборниках «Присоединение Туркмении к России» и «Россия и Туркмения в XIX в.».

Генерал Ломакин, собиравшийся стяжать славу победителя, навсегда закончил под стенами текинской крепости свою карьеру как генерал и военачальник. Сознавая то незавидное положение, в котором он оказался, Ломакин старался в рапортах и донесениях к высшему начальству всячески обосновать, а еще вернее оправдать неудачи штурма Геок-Тепе. Однако доводы Ломакина были, видимо, до того неубедительными, что верховное командование специально поручило одному из своих офицеров (подполковнику Мешетичу) «уточнить обстоятельства дела 28 августа»[1]. Не говоря даже о результатах этого «уточнения», в донесениях и рапортах Ломакина легко обнаружить много неточностей и искажений фактов.

Так, в телеграмме от 4 сентября он доносит, что в деле 28 августа участвовал только передовой отряд, наступление темноты явилось причиной прекращения штурма крепости, что «ночью неприятель бежал», («преследовать его тогда при крайнем утомлении войск, бывших весь день в бою, было невозможно», что «сильное поражение и чувствительный урон, понесенный текинцами», облегчит дальнейшую задачу их покорения и т. д.[2]. А между тем оказывается, что «в деле 28 августа участвовал не один авангард..., но и другие части отряда, которыми располагал генерал-майор Ломакин» (из письма полковника Соболева от 29/IX 1879 г.)[3], что русский отряд, «испытав чувствительные потери, принужден был отступить к Беурме» (из секретной телеграммы посланника Зиновьева от 27/IX 1879 г.)[4], что текинцам незачем было бежать, так как после штурма, «русский отряд не только не мог решиться на какие бы то ни было дальнейшие наступательные предприятия, но даже был не в состоянии оставаться по ту сторону Копетдага» (из секретного рапорта генерала Павлова от 14/IX 1879 г.)[5] и т. д.

В донесениях Ломакина явно неточно показано число убитых с обеих сторон.

В работах буржуазных историков приводятся многочис-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, ч. 2, д. 331

[2] ЦГВИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 1, д. 213, лл. 118—121. См. также Сб. «Присоединение...», стр. 438—439

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, ч. 2, л. 331.

[4] Там же, л. 339.

[5] Там же, ч. 3, ч. 52.

ленные объяснения причин неудачи экспедиции 1879 г. Среди них много надуманных, но есть и такие, которые в какой-то степени соответствуют действительности. Так, Туган-Мирза Барановский признает, что одной из основных причин неудачи похода явилось абсолютное незнакомство русских генералов с противником, к которому они относились с пренебрежением[1]. При всей колонизаторской тенденциозности в описании хода сражения под Геок-Тепе, Туган-Мирза Барановский вместе с тем не может не отдать должного храбрости и мужеству защитников крепости.

Он приводит отдельные эпизоды из Геок-Тепинского сражения и делает заключение: «текинцы не таков народ, чтобы покориться доброму слову, да и найдется ли где-либо такой народ, который добровольно отказался бы от своей свободы и самостоятельности...»[2].

«...Текинцы — племя необыкновенно храброе, мужественное, обладающее очень большими способностями, чрезвычайно предприимчивое и горячо преданное своей родине», — читаем в одном из журналов сравнительно либерального направления, выходившем в 80-х годах[3].

Автора этих строк не удалось установить, но все его объяснения причин неудачи первой ахал-текинской экспедиции являются наиболее удачными. «...На текинцев,—пишет он, — мы смотрели высокомерно и называли их халатниками, а между тем халатники оказались весьма доблестными противниками. Мы были сильны артиллерией и нарезными ружьями, против которых текинцы выступали с дрянными, чуть ли не кремневыми ружьями, но зато текинцы отстаивали свою родную землю, защищали свои домашние очаги, своих жен и детей»[4]. Подобные признания буржуазных авторов продиктованы отнюдь не их желанием показать туркмен в хорошем свете, а стремлением с возможно большей убедительностью оправдать поражение царских войск под Геок-Тепе. Тем не менее, в приведенных выше выдержках, как и в целом ряде других высказываний очевидцев и участников драматических событий, разыгравшихся под стенами Геок-Тепе, имеется большая доля правды.

Таким образом, при объяснении причин поражения царских войск в 1879 г. в первую очередь следует иметь в виду

---

[1] В. А. Туган-Мирза Барановский. Указ. раб., стр. 176.
[2] Там же, стр. 156
[3] «Дело», 1881, № 6, стр. 51.
[4] Там же.

мужественную героическую борьбу туркмен Ахала. «Текинцы отчаянно сражались, — пишет академик М. Н. Тихомиров,— только смерть заставляла их прекратить сопротивление»[1].

Были и другие причины неудачи первой ахал-текинской экспедиции, вытекающие, главным образом, из недостаточной ее подготовленности и неумелого руководства ею. Незнакомство с местностью, обстановкой и условиями Туркменистана, отсутствие прочной тыловой базы, отсутствие благоустроенных путей, неопределенность сведений о неприятеле—все это составляло серьезное препятствие на пути покорения Ахала. Царские военачальники, с явным пренебрежением относившиеся к туркменам, не сумели да и не желали принять должным образом в расчет все эти обстоятельства. Получив же неожиданный отпор и испытав горечь поражения, они уже не могли не только наверстать упущенное, но какое-то время просто не в состоянии были опомниться.

Вот как описывает состояние царских войск после неудачного боя М. А. Терентьев: «..Ночью войска собрались к Вагенбергу, у мельницы, беспорядок страшный, никого из начальства найти нельзя, а кого и найдут, тот отсылает к другому. Люди в большинстве не пили и не ели целый день, верблюды, тоже, и жалобно ревут, нагоняя тоску. Ночь наступила холодная, а костров разводить не велено, чтобы не привлечь выстрелов неприятеля. Никто не спал, а рано утром 29 августа началось отступление. Второй день без воды и еды...»[2].

Так безуспешно закончилась первая ахал-текинская экспедиция 1879 г. Значительно уменьшившийся численно и подавленный морально отряд царских войск, преследуемый текинцами, в спешном порядке отступил сначала до Беурмы, а затем до Терсакана. Здесь в середине сентября был получен приказ вновь назначенного командующего войсками Закаспийского военного отдела генерала Тергукасова остановиться и ожидать его прибытия. Новый командующий, после тщательного осмотра войск, расположенных в Чекишляре, Чате, Дуз-Олуме и Терсакане, нашел их состояние совершенно неудовлетворительным. «Расстройство было полное», — пишет Н. И. Гродеков[3].

По приказу Тергукасова войска, остановившиеся в Терсакане, оставили этот пункт и подошли к Дуз-Олуму и Ча-

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 13.
[2] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 25.
[3] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 157.

ту. Новый командующий, оценив создавшуюся обстановку, решил, что военные действия против текинцев нельзя будет начать в ближайшем будущем. Он принял решение оставить пока что на атрекской линии в укреплениях Чекишляр, Чат и Дуз-Олум возможно меньшее количество войск с тем, чтобы лишь удержать эти пункты в своих руках и вместе с тем заняться сосредоточением продовольственных запасов. В результате значительная часть войск была переправлена на западный берег Каспия. Часть войск, оставшаяся на атрекской линии, занимала строго оборонительные позиции. Основная задача этих войск заключалась в обеспечении подвоза запасов в Дуз-Олум — передовой пункт и операционную базу для новой ахал-текинской экспедиции, подготовку к которой уже начали правительственные круги царской России.

Вторая ахал-текинская экспедиция и завоевание Ахала царскими войсками

Неудача экспедиции 1879 г. вызвала большое беспокойство в правящих кругах царской России. Отступление русских войск от Ахала к Каспийскому морю самым неблагоприятным образом сказалось на политике царизма в Средней Азии, серьезно подорвало его престиж.

Военно-политическое поражение в Закаспии усугублялось еще и тем, что в ходе англо-афганской войны Англия добилась к тому времени значительных успехов, заняв Кандагар и Кабул и готовилась к захвату Герата. Особенно нежелательным для царского правительства было усиление влияния Англии в Персии. Тревожное положение создавалось также и в среднеазиатских ханствах. По словам А. Н. Куропаткина «полунезависимая Бухара и даже Хива увидели возможность не только борьбы, но даже победы над непобедимыми до сих пор в Азии русскими войсками»[1].

Царские генералы требовали «отмщения», дипломаты приводили массу доводов, «оправдывающих» необходимость наказания текинцев самым «действенным образом». Высказывались опасения, что Англия займет Герат и тогда, поскольку «между Гератом и туркменскими землями нет никаких поселений, то англичанам откроется возможность снабжать текинцев Ахала и Мерва оружием и указания-

[1] А. Н. Куропаткин. Завоевание Туркмении (Поход в Ахал-Теке в 1880—1881 гг.). СПб. 1899, стр. 101.

ми...»[1]. Штаб Кавказской армии представил царскому правительству свои соображения в виде «Записок» о предстоящих военных действиях в Закаспийском крае. Авторы «Записок», характеризуя тогдашнее внешнеполитическое положение России, предлагали ряд конкретных мер по обеспечению дальнейшего движения на Восток от Каспийского моря. Основной и главной в конечном счете задачей признавалась необходимость занять в Средней Азии такое положение, «чтобы сделаться независимыми со стороны англичан и поставить их в положение обороняющихся...»[2]. Захват Ахала считался самым первым и вместе с тем самым трудным шагом в осуществлении этой задачи. «Отложить это невозможно потому, что всякая задержка увеличит в будущем расходы и затруднения, в особенности ввиду того, что англичане приближаются к Герату и не замедлят принять самое активное участие в борьбе туркмен с нами»[3].

Подготовка к новой экспедиции против туркмен началась сразу же после неудачного похода 1879 г. Новый командующий войсками в Закаспии генерал Тергукасов уже в ноябре 1879 г. представил свой план захвата Ахала[4]. В этом плане предусматривалось постепенное, но неуклонное движение при одновременном всестороннем устройстве тыла, организация опорных пунктов с продовольственными складами, связанными между собой телеграфной линией. Здесь же говорилось о необходимости проведения железной дороги из Красноводска в Кизыл-Арват. Срок занятия оазиса определялся приблизительно в четыре года. Ранней весной 1881 г. намечалось утвердиться в Беурме, затем в течение всего этого года подвозить сюда продовольствие и только в 1882 г. подойти к Геок-Тепе. Полное завоевание оазиса намечалось на 1883 г.

Сроки плана Тергукасова не устраивали верховное командование, считавшее их непомерно растянутыми. Кроме этого плана в главный штаб было представлено еще несколько планов экспедиции. Интересен план штаба Оренбургского военного округа, в котором предлагалось организовать сначала поход на Мерв со стороны Хивы и Бухары[5].

---

[1] ЦГВИА, р. ВУА, д. 6862, ч. I, лл. 154—157.

[2] Сб. «Присоединение...», стр. 466.

[3] Там же, стр. 467.

[4] «Записка с изложением соображений о способе занятия Ахал-Текинского оазиса, средствах и времени для того необходимых», ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. I, д. 214, лл. 6—27.

[5] «Новь», 1885, стр. 573.

Кавказское начальство надеялось завершить захват Ахала в 1881 г. Для успешного осуществления экспедиции и чтобы «быть гарантированным от всяких случайностей», в качестве самой необходимой меры предлагалось построить к 1 марта 1881 г. железную дорогу от Красноводска до Кизыл-Арвата.

В январе 1880 г. вопрос о новом походе в Туркмению детально рассматривался на многочисленных совещаниях в главном штабе в Петербурге, куда был приглашен генерал М. Д. Скобелев как будущий начальник экспедиции[1].

Большие споры вызвал вопрос о строительстве железной дороги в Закаспии и ее роли для намечаемой экспедиции. Многие высказывались за осуществление похода с помощью железной дороги, но Скобелев полагал, что не следует ставить успех экспедиции в зависимость от строительства дороги, ибо медлительность проведения последней будет задерживать экспедицию. Поэтому экспедицию, считал Скобелев, можно осуществить (или во всяком случае начать) с помощью верблюдов, нанятых или купленных у туркмен и казахов[2].

По основной своей идее план Скобелева, представленный им еще до его официального назначения, (которое последовало 24 февраля 1880 г.) был схож с планом Тергукасова. Он также предусматривал продвижение к Текинскому оазису путем создания опорных пунктов и создания на передовых пунктах складов продовольственных и боевых припасов. Однако скобелевский план отличался от тергукасовского в сроках, в выборе перевозочных средств, в численности войск и соотношении разных родов оружия. Скобелев просил меньше войск, чем Тергукасов, но зато он требовал в пять раз больше артиллерии, рассчитывая ею произвести надлежащий эффект, нагнать страх на текинцев. «Скобелев постоянно мечтал о том, чтобы сосредоточить под Геок-Тепе не менее 10—12 орудий на 1000 человек, что на отряд вторжение выражалось цифрой 80—100 орудий. Этого ему действительно и удалось достигнуть»[3].

---

[1] Генерал Тергукасов по «состоянию здоровья» отказался от командования войсками в Закаспийском крае в декабре 1879 г. Тогда же Кавказским наместником был возбужден вопрос о назначении на эту должность известного тогда генерала Шака. Однако император Александр II выдвинул кандидатуру своего крестника Скобелева, который затем получил званием «временно командующий» и стал начальником войск ахал-текинской экспедиции.

[2] Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 181.

[3] Там же. стр. 235.

«Азиатов надо бить не только по загривку, но и по воображению», — эту фразу, позаимствованную у английского премьера лорда Биконсфильда и насквозь проникнутую высокомерием колонизаторов, Скобелев употреблял при всяком случае, часто помещая ее в своих приказах и предписаниях. «Собираясь подействовать на воображение текинцев, Скобелев настоял на огромном числе орудий, так как в Азии только спрашивают: «сколько пушек?» У текинцев была только одна...», — пишет М. А. Терентьев[1]. «Бескровный успех в Средней Азии прямо пропорционален числу артиллерии»; «победить — значит удивить», — говорил еще Скобелев. Впоследствии, не довольствуясь тем количеством орудий, которое ему удалось выпросить, Скобелев настоял на передаче ему в отряд различных мортирок, керосиновых и ручных гранат, массы старых и негодных ракет, картечниц, пироксилиновых и динамитных мин, несколько хоров музыки и проч. Все это надо было для «эффекта», для «волшебного воздействия...»[2].

В целом это был тщательно и всесторонне обдуманный план, составленный боевым и опытным генералом, план колонизатора-завоевателя, который своей жестокостью оставил о себе недобрую славу в Средней Азии и особенно в Туркмении. Находясь еще в Петербурге, Скобелев сделал соответствующие распоряжения относительно найма и закупки верблюдов, которых требовалось громадное количество, а также кибиток, кошм, юламеек.

В приложениях к работе Н. И. Гродекова (№№ 11, 12, 13 и 17) приводятся контракты, заключенные с оренбургским купцом Мякиньковым и ташкентским купцом Громовым на поставку ими для войск ахал-текинской экспедиции верблюдов, кибиток, юламеек и т. п.

О серьезности и больших размерах предпринимавшейся царским правительством экспедиции свидетельствовало уже то обстоятельство, что ее деятельная подготовка продолжалась вплоть до декабря 1880 г., то есть вплоть до начала решительных военных столкновений с текинцами.

По мере того, как общество «Кавказ и Меркурий» подвозило продовольственные и боевые припасы, а оренбургские и ташкентские купцы доставляли верблюдов, вновь сформированный передовой отряд занял 10 июня 1880 г. Бами, куда

---

[1] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 38.

[2] Там же, стр. 38—39.

затем начали свозить все необходимое для отряда вторжения. По приказу Скобелева в этом пункте начали сосредотачивать большое количество провианта, фуража, артиллерийских снарядов и орудий. Около 20 000 верблюдов в течение почти 6 месяцев курсировали взад и вперед в четырех направлениях: перевозка производилась сразу по двум линиям — старой атрекской (Чекишляр-Дуз-Олум-Чат-Бами) и новой Михайловской (Красноводск-Михайловск-Молла-Кара, Кизыл-Арват-Бами). Верблюды работали и на строительстве железной дороги, развозя рельсы, доски, воду и продовольствие. Однако строительство железной дороги в то время велось еще медленно. В июле был сдан в эксплуатацию участок только от Красноводска до Молла-Кара (протяженностью в 122 с половиной верст).

Одновременно с этим в пограничных с Туркменией районах Персии производилась закупка большого количества продовольствия[1]. Туда специально был командирован начальник штаба войск ахал-текинской экспедиции полковник Гродеков с несколькими офицерами. Ему было отпущено несколько сот тысяч рублей на расходы по заготовкам.

Подготовка новой ахал-текинской экспедиции, как и ход ее, во всех подробностях описаны в многотомном труде Н. И. Гродекова, в работах А. Н. Маслова, А. Н. Куропаткина, М. А. Терентьева, А. Щербак, П. С. Васильева и др. Большинство этих авторов сами непосредственно участвовали в военных действиях против туркмен, жили определенное время в Туркмении, знали в какой-то степени ее жителей, но тем не менее в их работах имеются только отрывочные, зачастую чисто гадательные сведения о туркменах-текинцах и вообще о положении Ахала в момент продвижения в него русских войск. Объясняется это не только тенденциозностью этих авторов, стремившихся естественно, в первую очередь и возможно более ярко показать действия царских войск, выдвинуть на первый план свою собственную деятельность или деятельность знакомых им генералов, но и тем, что в то время весьма трудно было получить сколько-нибудь точные сведения о внутреннем положении Ахала. Ведь сведения эти можно было приобрести только через преданных местных лазутчиков, но таковых, как признают и сами эти авторы, совершенно нельзя было найти среди туркмен. Это же под-

---

[1] А. Н. Маслов. Завоевание Ахал-Теке. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880—1881 гг.), СПб., 1882, стр. 29.

утверждают и архивные источники. «Характерная черта текинцев та, что между ними нет лазутчиков, никакие деньги, никакие угрозы на них не действуют», — читаем в одном из них[1].

В Ахале, после отступления царских войск в 1879 г., никто не сомневался в возможности их нового вторжения. Поэтому здесь уже велись определенные приготовления к новому вооруженному столкновению. В частности, велись работы над дальнейшим укреплением Денгиль-Тепе, воздвигались стены, устраивались парапеты и траверсы.

В конце сентября из Мары возвратился Нурберды-хан, болевший там долгое время. Узнав о смерти своего сына Берды-Мурад-хана, убитого в сражении под Геок-Тепе 28 августа 1879 г., Нурберды-хан будто бы сказал: «Для меня был бы большой позор, если в этот трудный для всех день от меня не было бы жертвы»[2]. На созванном Нурберды-ханом в Изганте совете аксакалов и старшин было решено достроить крепость Денгиль-Тепе, поселить в ней тысячу богатых семейств из отделений тохтомыш и утомыш, сформировать постоянный отряд феррашей численностью в тысячу человек и установить над ним командование избранных сердаров от всех четырех главных подразделений текинцев; ввести в определенных размерах натуральный налог с населения для нужд обороны и для содержания указанного отряда; поручить Тыкма-сердару собрать отряд добровольцев и производить систематические набеги на русские посты и отряды.

В течение всего времени, отделяющего первую экспедицию от второй, конные отряды текинцев вели мужественную партизанскую борьбу. Внезапно нападая и с необыкновенной быстротой снова уходя в пески, они были неуязвимы.

Так 25 ноября 1879 г. недалеко от Казанджика небольшой отряд конницы текинцев напал на транспорт, конвоируемый ротой царских солдат, и угнал около двух тысяч верблюдов. Источники сообщают, что в деле этом со стороны русских было убито 25 человек и 8 ранено[3].

Довольно значительные схватки произошли 6 марта 1880 г. под Чатом, 2 мая в местечке Текенджик, недалеко от Дуз-Олума, 21 июня — у Бендесена[4]. Отряды текинцев напада-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 145

[2] «Туркменоведение», 1927, № 1, стр. 29.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 4, лл. 346—348.

[4] Там же, ч. 3, л. 139; См. также Н. И. Гродеков. Указ. раб., т. I, стр. 168.

ли также и на некоторые селения иомутов, старшины которых с явной благосклонностью относились к царским военачальникам, способствуя им в найме верблюдов и т. п. Это обстоятельство побудило значительную часть иомутов уйти за Атрек, в результате чего царское командование стало опасаться, что к моменту движения на Ахал оно будет испытывать затруднения в приобретении верблюдов[1].

Нурберды-хан проявил большие организаторские способности в деле сплочения текинцев, поддержания у них боевого духа, в преодолении различных сепаратистских тенденций и действий. Его авторитет и влияние способны были «склонить разномыслящих к одному решению», которое предлагалось им и которое считалось обязательным и необходимым[2].

Несмотря на значительные потери, понесенные во время первого сражения с царскими войсками, несмотря на все трудности войны против регулярной армии, оснащенной передовой для того времени военной техникой и артиллерией, преобладающее большинство жителей оазиса готово было снова сражаться до последнего, используя все свои силы и возможности. Были, правда, и колеблющиеся. «Наиболее малодушные откочевали на Теджен и Мургаб», — пишет академик М. Н. Тихомиров[3]. Однако среди феодально-родовой верхушки текинцев не было единства. Отдельные старшины и ханы предлагали не сопротивляться в случае, если русские войска снова придут в Ахал. Так, например, Ораз-Маммед-хан и Хан-Маммед-аталык еще раз высказались за целесообразность начать с русскими мирные переговоры, не дожидаясь их нового похода на оазис. Наконец, на тайном совещании самых знатных старшин и аксакалов было решено подождать: «если русские уйдут и не возвратятся, положение остается без изменений, если же они с новыми силами возвратятся — вступать в переговоры «помимо народа» и в обстановке борьбы выговорить наилучшие условия. Никаких сепаратных действий не учинять; боевое настроение поддерживать; переговоры вести Нурберды-хану. Принятое решение хранить в строжайшей тайне...»[4].

Ранней весной стали поступать сведения о приготовлениях русских войск в Чекишляре, Чате и Красноводске. Слухи эти вызвали новые волнения и беспокойство в Ахале. На

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 470.
[2] «Туркменоведение», 1927, № 1, стр. 29.
[3] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 47.
[4] «Туркменоведение», 1927, № 1, стр. 29.

всякий случай было решено ускорить работы по подготовке крепости и обратиться за помощью к текинцам Мерва.

Приближались самые трудные дни для Ахала. Умер Нурберды-хан. Смерть Нурберды-хана накануне вторжения царских войск в Ахал тяжело отразилась на настроении жителей оазиса. В его лице они потеряли умелого сердара и организатора, влияние и авторитет которого до тех пор в какой-то степени мог удерживать единство и согласие в среде сепаратистски настроенных вождей.

Старший сын Нурберды-хана Махтумкули-хан не пользовался особой популярностью в Ахале, а окружавшие его ханы и ишаны открыто враждовали между собой, что особенно пагубно влияло на внутреннее положение Ахала, стоявшего перед неизбежностью новой войны с царскими войсками.

С появлением передовых русских отрядов в начале 1880 г. жители самых западных селений оазиса стали, как и в прошлом году, уходить на позиции к Геок-Тепе и за ней.

Укрепившись в Бами, который стал опорным пунктом покорения Ахала, Скобелев приступил к систематическому истреблению и разорению текинских поселений. В этой связи особенно памятной является рекогносцировка, предпринятая им от Бами до пределов Геок-Тепе с 1 по 7 июля. По словам самого Скобелева, цели этой рекогносцировки состояли в следующем: выяснить намерения и действительные силы противника, разведать подступы к Геок-Тепе, взять инициативу в свои руки, а главное — уничтожить по пути все селения и посевы и тем самым заставить текинцев с семействами и стадами еще теснее сгруппироваться в Геок-Тепе, чем «увеличить бедствие», ибо от скученности и уничтожения кормов им угрожает гибель»[1].

В результате рекогносцировки «войсками уничтожены запасы в поле и в скирдах: в Еген-Батыр-Кала, Ак-Кала, Дурун, Бегерден (Бахарден), Сунче, Мурче. Преданы огню: Келете, Карыз Нурберды-хана и Ак-Кала», — хвастливо доносил затем Скобелев[2]. Так продвигался к своей цели этот жестокий генерал, не брезговавший никакими средствами и справедливо прозванный туркменами «Гөзи ганлы» («Кровавые глаза»).

Ради своей военной карьеры, ради достижения «эффекта» Скобелев готов был на все: кровь, лишения, жизнь сотен и тысяч людей не имели для него никакого значения на этом

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 3, стр. 288.
[2] Там же, л. 292.

пути. Непомерные требования к солдатам приобретали иногда такой характер, что даже отдельные офицеры начинали выражать свое недовольство. Но Скобелев и слушать не хотел каких-либо жалоб на тяготы и трудности. «Я утомленных знать не желаю, — резко обрывал он всякого, — я признаю только мертвых»[1].

В результате ряда набегов кавалерийских отрядов царских войск и особенно после июльской рекогносцировки, текинские селения между Бами и Геок-Тепе были окончательно разорены. В Геок-Тепе из-за большой скученности людей уже к осени 1880 г. стало ощущаться уменьшение продовольственных запасов. Чтобы еще больше усугубить положение защитников крепости, царские власти через своих дипломатических посланников предложили правителям Хорасана, а также Хивы и Бухары запретить продавать жителям Ахала хлеб и другое довольствие[2]. Более того, в результате неоднократных требований Скобелева, русский посланник в Иране уговорил правителей Буджнурда и Кучана организовывать систематические грабительские набеги на Ахал.

«Приношу благодарность за содействие, — пишет Скобелев в одном из своих писем к Зиновьеву, — набеги против текинцев из Кучана и Буджнурда теперь и в течение осени крайне желательны... Страна до Геок-Тепе нами разорена. Желательно набеги хорасанских курдов направить для разорения страны между Геок-Тепе и Асхабадом. Существенно: жечь текинские припасы, имущество и забирать скот». Далее Скобелев просит Зиновьева «регулировать» эти набеги и выражает готовность помочь их предводителям порохом и свинцом[3].

Печальную картину представлял собой текинский оазис во время продвижения по нему царских войск в декабре 1880 г. Один из участников экспедиции А. Н. Маслов так его описывал: «Я проезжал передовую линию в конце декабря, когда зимнее время делало еще печальнее картину общего разорения. Деревья стояли с опавшими листьями, окружая осиротелые селения... Многие из них были порублены проходившими войсками. От полей остались одни только следы. Печальный, совершенно мертвый вид представляли собой брошенные калы, пустые, полуразрушенные загоны для скота, и развалившиеся, недействующие водяные мельницы... Ни од-

[1] А. Н. Маслов. Указ. раб., стр. 111.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 4, лл. 242—243.
[3] Сб. «Присоединение...», стр. 478.

ного жителя не осталось. Текинцы все бросили и ушли частью в крепость, частью в пески. Только глубокие следы артиллерийских колес свидетельствовали, что по дороге беспрерывно двигаются войска...»[1].

Туркмены Ахала переживали подлинную народную трагедию и готовились к последней фазе своей невероятно трудной, неравной, но справедливой борьбы. Скобелев, прибыв со своими войсками к Геок-Тепе, требовал безусловной капитуляции. 23 декабря началась осада крепости, подвергнутой беспощадному артиллерийскому обстрелу. Положение осажденных становилось все более тяжелым.

М. А. Терентьев, приводя в своей работе ряд фактов об антирусских происках британских агентов, в частности Батлера, Аббас-хана и др., делает заключение, что якобы именно эти происки явились основной причиной непокорности туркмен-текинцев[2].

Аглийские империалисты прилагали немало усилий, чтобы способствовать организации борьбы текинцев против русских войск. К тому же, как пишет М. Н. Тихомиров, «резкие действия Скобелева фактически способствовали стремлению реакционных туркменских старшин опереться на помощь Англии»[3]. Однако, никакой реальной помощи текинцы от англичан не получали, дело ограничивалось лишь обещаниями и советами «держаться до последней крайности в Геок-Тепе и отнюдь не отступать в пески»[4]. Все это влияло на настроение жителей Ахала. Но не в происках английских разведчиков следует искать действительное объяснение причин «непокорности» туркмен, а в объективной, исторической справедливости их борьбы, в стремлении отстоять свою землю и свободу от царских войск. Как же должны были вести себя текинцы, если на них шли войска «белого царя» с явным намерением истребить или покорить их? Ясно, что у них был лишь один путь — путь борьбы против захватчиков. К тому же начальник царских войск генерал Скобелев и слышать не хотел о каких-либо мирных переговорах. Любую мысль, любое соображение или аргумент в пользу мирного занятия Ахала он воспринимал как «лишний сучок на дороге к фельдмаршал-

---

[1] А. Н. Маслов. Указ. раб., стр. 37.

[2] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 142—143.

[3] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 46; См. также М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III. стр. 142.

[4] Сб. «Присоединение...», стр. 480; См. также М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 142—143.

скому жезлу»[1]. 24 сентября он писал военному министру Милютину: «Более всего для нас невыгодно, чтобы неприятель сдал Геок-Тепе без боя. К счастью, все, что мне пока известно о намерениях текинцев, позволяет заключить, что они твердо решили отстаивать Геок-Тепе»[2]. Десять условий, предложенные Скобелевым текинцам, были явно рассчитаны на то, что последние откажутся их принять. Одно из условий провозглашало: «Объявление Ахал-Текинской земли собственностью русского государя, который управляет ею по своему усмотрению». Именно это «усмотрение» и было самым страшным для туркмен Ахала[3]. Но даже в такой трудный для Ахала момент среди феодально-родовой знати текинцев продолжали наблюдаться разногласия и неурядицы. Споры в основном происходили вокруг вопросов мира и войны. «Вследствие возникшего между ними разногласия, текинцы, кроме Махтумкули-хана, выбрали еще 4 ханов: Байрам-Али-хана, Ураз-Мамед-хана, Керим-Берды-ишана и Музефер-ишана. Из них Байрам-Али-хан, Ураз-Мамед-хан и Музефер-ишан на стороне мира и покорности нам, а Махтумкули-хан и Керим-Берды-ишан противятся этому. Последние пугают народ, внушая ему, что в случае завоевания Ахала, русские обезоружат туркмен, выселят их из Ахала, а жен и детей их раздадут солдатам»,— доносил один из лазутчиков-персов, подосланный в Ахал русским коммерческим агентом в Мешхеде Насирбековым[4]. По словам этого агента, жители Ахала уверили его, что «явись какой-нибудь посредник, который указал бы текинцам лживость этих внушений, все они не замедлили бы перейти на сторону мира»[5].

Сведения эти собирались по специальному указанию Скобелева и тут же передавались ему. Понятно, что если Скобелев в какой-то степени желал бы окончить «дело» с текинцами без кровопролития, то есть мирным путем, то он мог бы попытаться это сделать. Однако, он не только не предпринял что-либо в этом отношении, но опасался как бы текинцы не решили сдать крепость без боя. Скобелев был рад распространению среди текинцев различных слухов, характеризующих русских в самом неблагожелательном свете. М. А. Терентьев пишет: «...слухи, распускаемые английскими

---

[1] М. А Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 143.
[2] Там же.
[3] М. И Тихомиров. Указ. раб., стр. 48.
[4] Сб. «Присоединение....», стр. 480.
[5] Там же.

агентами, обещание помощи оружием и деньгами и благие советы не уходить от русских, а драться до конца, сослужили нам хорошую службу: без этого текинцы наверное бы покорились без боя...»[1]. Если бы текинцы даже пожелали заключить перемирие, то при такой позиции Скобелева они не могли бы его добиться. Поэтому оставалось одно — сражаться до последней возможности.

В неравной и трудной борьбе, в условиях осады и бесконечного артиллерийского обстрела, при отсутствии достаточного количества продовольствия, текинцы обнаружили необыкновенное мужество и находчивость.. Они производили смелые вылазки, устраивали «ловушки» и порой наносили царским отрядам весьма чувствительные удары, производя в их рядах расстройство и смятение. Так, 23 декабря, в день начала осады, текинские стрелки, засевшие в одном из укрепленных пунктов недалеко от Геок-Тепе, нанесли серьезное поражение наступавшему отряду кавалерии царских войск. Осаждающие потеряли большое количество людей, в том числе и своего командира генерала Петрусевича.

28 декабря текинцы произвели смелое нападение на укрепленные позиции царских войск. Атака была настолько сильной и отчаянной, что регулярные войска не могли устоять перед ней. Текинцы овладели большой частью русских траншей и окопов, в их руки попало одно горное орудие и знамя прославленного до того Апшеронского полка. «...Потери наши были так значительны, что не могли не произвести сильного впечатления на отряд, затруднения которого, казалось, должны были возрастать с каждым шагом вперед»,— писал один из участников и очевидцев тех событий[2]. «Неужели в Азии настало время действовать армиями?», — сказал будто бы Скобелев, придя к себе в кибитку после отбития атаки 28 декабря[3]

Неудачи, последовавшие одна за другой, очень сильно подействовали на Скобелева. Он стал нервозным, раздражительным, чего не замечалось за ним даже в турецкую кампанию[4].

В ночь на 30 декабря защитники крепости произвели еще одну удачную вылазку, вновь расстроив всю передовую цепь царских войск. Очень опасными для осаждающих были также

---

[1] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 142.
[2] «Новь». 1886; «Туркестанский сборник», т. 388, стр. 584.
[3] Там же.
[4] А. Н. Маслов. Указ. раб., стр. 108.

вылазки туркмен 4 и 5 января 1881 г. Однако силы были неравными. Большим и неоценимым преимуществом царских войск (кроме всего прочего) была артиллерия. В течение более чем двадцати дней она подвергала бесконечному и жестокому обстрелу текинскую крепость, гарнизон которой очень страдал от непрерывного артиллерийского огня.

«...Нет сомнений, — пишет А. Н. Маслов, — что гарнизон страшно страдал, ничем не защищенный в своих кибитках от этой бомбардировки: убитые и изувеченные осколками женщины и дети должны были производить тягостное впечатление на мужественные сердца отцов. Но они все-таки дрались с тем упорством и беззаветной храбростью... И эта храбрость была тем более достойна уважения, что надежда на победу исчезла; непобедимая дотоле крепость должна была скоро пасть, а с ней и независимость Ахал-Текинского племени»[1].

Несмотря на героическую стойкость защитников крепости, трагическая развязка приближалась. Скобелев не жалел солдат, тем более, что к нему от Сарыкамыша прибыло подкрепление войск Туркестанского военного округа под начальством полковника Куропаткина. Под сильным обстрелом текинских мергенов войска должны были рыть траншею за траншеей. Несколько раз войска должны были менять свои позиции, постепенно приближаясь вплотную к осаждаемой крепости. Не успевали закрепиться на одной линии, как поступал приказ переходить на новую, параллельную линию. В одном месте прокладывалась минная галерея непосредственно под крепость. Работы в основном велись вручную и, можно было себе представить, чего стоили они солдатам. Однако нетерпеливо жаждавший боя Скобелев торопил своих офицеров: «Мы пришли сюда не ямы копать, а двигаться вперед»[2].

12 января 1881 г. был произведен минный взрыв, в результате которого в юго-восточной части крепостной стены образовался большой пролом. Одновременно путем усиленного артиллерийского огня была проделана брешь и в западной части стены. Начался штурм крепости. Текинцы героически сражались, чего не скрывали даже холопствующие перед Скобелевым очевидцы событий. Так, доктор Щербак, оставивший свои воспоминания об этом штурме, писал: «Свалка кипит

---

[1] А. Н. Маслов. Указ. раб., стр. 108.
[2] Там же, стр. 64.

между кибитками.. Текинцы дерутся, как львы...»[1]. Но тем не менее крепость была взята. Защитники ее не могли устоять против несравненно лучшего вооружения и воинской выучки царских войск.

Скобелев, наконец, приобрел возможность произвести желанный «эффект». В день занятия Геок-Тепе, как никогда раньше, проявились самые характерные черты этого «хваленого» царского генерала — его страшная жестокость. Не довольствуясь погромом, учиненным в самой крепости, он приказал своей кавалерии догнать и истребить отступавших в пески текинцев. Преследование продолжалось на протяжении 15 км и прекратилось только с наступлением темноты.

О беспредельной жестокости Скобелева по отношению к текинцам говорится почти во всех работах, посвященных его походу в Туркмению. В определенных кругах Скобелева даже осуждали за это. Но когда перед самой смертью его спросили: не чувствует ли он угрызений совести за то, что истребил после взятия Геок-Тепе 8 тысяч текинцев, он ответил: «жалею, что не 80 тысяч»[2].

В Геок-Тепе оставалось много текинских женщин и детей. По азиатским обычаям и понятиям их должна была ожидать незавидная участь. Однако русские солдаты проявили по отношению к ним великодушие и человечность, не допустив каких-либо оскорблений и насилий над беззащитными семьями текинцев. Наоборот, все почти источники сообщают о заботе и внимании русских солдат по отношению к осиротелым детям и ко всем, пережившим ужасы штурма. Это подтвердило лживость распространенных до этого в Ахале провокационных слухов о жестокости русских по отношению к мирным жителям.

После Геок-Тепинского погрома русское командование старалось всеми мерами успокоить туркмен с тем, чтобы добиться их возвращения в полуразрушенные и опустевшие селения Ахала. После занятия 18 января 1881 г. Ашхабада в пески были посланы специальные отряды, которые, пройдя по колодцам около 400 верст, возвратили в оазис много семейств текинцев, предварительно отняв у них оружие. Однако большая часть текинцев находилась еще у более дальних колодцев, в Теджене, Мары и на путях к ним, а также в пограничных районах Персии. Боязнь расправы и произвола

[1] В. А. Щербак. Ахал-текинская экспедиция генерала Скобелева в 1880—1881 гг. Из воспоминаний д-ра А. В. Щербака, СПб, 1884, стр. 167.
[2] «Туркестанский сборник», т. 289, стр. 53.

со стороны царских властей удерживала их от возвращения в родные места, несмотря на неоднократные прокламации Скобелева, обещавшего помощь и покровительство.

Полный захват Ахал-Теке был осуществлен в течение января 1881 г. За Геок-Тепе, (в Безмеине, Корджоу, Ашхабаде, Анау и Гяурсе) русские войска не встречали сопротивления. Влиятельные старшины некоторых селений приходили к Скобелеву с изъявлением покорности. Скобелев уже мечтал о походе на Мерв или хотя бы на Теджен откуда, по его мнению, вверх по течению реки Теджен можно было дойти и до Герата. «Герат привлекал честолюбивые мечты этого генерала, как «второй этап», а Мерв, как последний оплот туркмен», — писал М. А. Терентьев[1].

20 января, сразу же после занятия Ашхабада, Скобелев шлет главнокомандующему Кавказской армией телеграмму весьма любопытного содержания: «В самом близком будущем следует предвидеть много вопросов государственной важности, требующих предварительного принципиального разрешения...»[2].

Не в меру воинствующий пыл генерала серьезно перепугал Кавказское начальство: чего доброго, так можно было перепутать все дипломатические карты царского правительства. Телеграмма Скобелева была переслана военному министру Милютину, который сам ответил ему телеграммой от 26 января, в которой со всей строгостью предписывалось: 1) «Ни под каким предлогом не предпринимать движение к востоку за пределы текинского оазиса и; 2) не нарушать неприкосновенности персидской территории»[3].

Но даже это не могло удержать Скобелева в «бездействии». С большим отрядом кавалерии он идет дальше и 17 февраля вступает в Лютфабад, население которого встретило его с покорностью. «Скобелев намеревался занять Лютфабад, как передовой пункт, но не получил на это разрешения», — читаем у А. И. Макшеева[4].

Надо полагать, что он получил вторичное и категорическое предупреждение не выходить за пределы Ахальского оазиса.

---

[1] М. А. Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 206.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 207; См. также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862. ч. 5, л. 38.
[4] А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. 1890, стр. 373

Из Тифлиса в Ашхабад специально для свидания со Скобелевым выехал начальник штаба кавказских войск генерал Павлов. 20 февраля Скобелев с войсками прибыл в Ашхабад. Его ослушание вызвало недовольство в Тифлисе и особенно в Петербурге. Решено было отозвать его. 20 марта Скобелев сдал командование войсками генералу Рербергу, и на этом его карьера в Закаспии закончилась.

Так завершилось завоевание Ахала царизмом.

Однако еще долгое время в оазисе не могла установиться сколько-нибудь нормальная жизнь. Война и разорение принесли туркменам поистине неисчислимые бедствия. Большинство их находилось еще за пределами Ахала и испытывало ужасную нужду и лишения изгнанников. Женщины и дети массами погибали от голода, холода и усталости. «...Положение населения, сгруппировавшегося на колодцах к северу от Денгли-Тепе, было поистине бедственное. Не имея продовольствия, кибиток и пользуясь соленой водой из колодцев, среди них открылась дизентерия и другие болезни, от которых много населения погибло в песках», — сообщают источники[1].

Пребывание в песках без пищи и без всяких надежд на будущее не могло, естественно, долго продолжаться. Поэтому жители Ахальского оазиса стали постепенно возвращаться на прежние свои места. Значительную роль в возвращении населения Ахала сыграла также деятельность местных русских властей. В первую очередь, как было уже сказано, повсюду были разосланы прокламации с предложением возвращаться в оазис. При этом, всем желающим вернуться объявлялось прощение и обещано было право на прежнее местожительство, а «верным слугам» — хорошая служба и помощь.

В Геок-Тепе под начальством майора Сполатбога было образовано специальное «управление по водворению покорившегося населения» Ахала. Управление это занималось регистрацией прибывающих жителей, назначало в селении старшин и казиев, выдавало наиболее бедным и пострадавшим от войны семьям продовольствие, кибитки и предметы домашнего обихода (из взятых при штурме Геок-Тепе), разбирало жалобы населения. Как сообщают источники, уже в середине апреля 1881 г. в Ахал возвратилось и поселилось в 35 селениях 8496 кибиток чомуров, то есть оседлых жителей,

---

[1] ЦГИА СССР, ф. I, д. 230, лл. 2—50.

которым было роздано 18500 пудов пшеницы, 10600 пудов джугары, 2000 пудов муки и до 8000 кибиток[1].

Возвращение и поселение жителей на территории, занимаемой русскими властями, наблюдалось и в юго-западных районах Туркмении. Иомуты и гоклены, ушедшие во время военных действий в персидские районы, постепенно стали снова переходить на правый берег Атрека и Гургена. Слухи о том, что русские позволяют селиться в оазисе и даже помогают нуждающимся, стали привлекать в Геок-Тепе все новые и новые группы голодных и измученных в скитаниях жителей Ахала. Положение возвращающихся было неописуемо тяжелым, что не могли не признать даже царские чиновники. Так, исполняющий должность главного врача Асхабадского военного госпиталя Чудовский рассказывал, что он «видел по дороге к Дуруну много семейств текинцев, выселившихся из Мерва, которые находятся в страшной нищете, и, кроме того, между ними развита болезненность в сильной степени»[2].

Положение подавляющего большинства текинцев было настолько бедственным, что царские власти осенью 1881 г. снова были вынуждены оказать помощь хотя бы части голодающих из интендантских продовольственных запасов. Был произведен подсчет остро нуждающихся в хлебе семейств (их было по данным властей в Ахальском округе 3238), которым было велено раздать в общей сложности 16090 пудов хлеба[3]. Русское общество Красного креста выслало в помощь страдающим жителям Ахала пособие в размере 3000 рублей[4]. Имеются сведения о сборе пожертвований в помощь нуждающимся текинцам, проведенных среди жителей Михайловского укрепления, в Геок-Тепинском и Чекишлярском гарнизонах[5].

Царские власти, исходя в первую очередь из своих же интересов, в определенной степени помогали жителям разоренных сел Ахала восстанавливать оросительную сеть, засевать поля, исправлять мельницы[6].

Всем войскам, расположенным гарнизонами по селениям Ахала, было приказано обращаться с населением хорошо и ничего не брать даром. Нарушение этого приказа на первых порах влекло за собой суровое наказание. Так, по приговору

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 1—4.
[2] Сб. «Присоединение...», стр. 569.
[3] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 254, л. 569.
[4] Там же, л. 5.
[5] Там же, лл. 9—16.
[6] Сб. «Присоединение...», стр. 488.

военно-полевого суда 11 февраля был расстрелян бомбардир 3 подвижной батареи Титов, который, ворвавшись в нетрезвом виде в кибитки текинцев, убил одного текинца и ранил женщину[1]. Меры эти преследовали определенную цель — показать заботу и доброжелательность новых властей по отношению к туркменам и тем самым восстановить спокойствие и порядок на завоеванной территории.

В деле окончательного «умиротворения» Ахала большую услугу русским властям оказали бывшие ханы и сердары текинцев.

После падения Геок-Тепе текинская феодально-родовая знать и представители духовенства первыми убежали в Теджен и Мерв, оставив на произвол судьбы народ[2]. Они же теперь первыми откликнулись на призыв и прокламации царских властей, желая искупить свою вину и получить доходные места на службе у русских. В телеграмме от 26 января Скобелев сообщает: «...Софи-хан, Худай-Берды-хан и другие почтенные ханы у нас в лагере, через них собирается остальное население»[3].

Царские власти предпринимали все возможное, чтобы привлечь на свою сторону феодальную верхушку туркмен. С этой целью производился сбор подробнейших сведений о наиболее состоятельных и влиятельных ханах текинцев. В одном из документов приводится список «влиятельных лиц» текинцев с характеристикой и описанием их «заслуг». Здесь перечисляются имена Тыкма-сердара, Кульбатыр-сердара, Софи-хана, Овезкули-сердара, Худайберды-хана, Махтумкули-хана, Курбанмурад-ишана и др.[4].

Прибывшие с изъявлением покорности ханы становились, как и прежде, хозяевами своих земель. Они зачастую назначались старшинами и, кроме того, получали от царских властей различные вознаграждения.

В одном из своих писем Скобелев открыто писал: «Некоторым влиятельным семействам я приказал помочь серьезно, дабы этим положить начало хотя небольшому кружку людей, испытавших добро от русской власти»[5].

Заведующий населением Ахала майор Сполатбог просил командующего войсками назначить старшинам текинцев

---

[1] ЦГИА СССР, ф. I, д. 230, лл. 60—75.

[2] К а р р ы е в. Присоединение Туркменистана к России в XIX в. и его прогрессивное значение. Известия АН ТССР, 1958, № 2, стр. 83.

[3] «Московские ведомости», от 1 февраля 1881 г.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 19—23.

[5] М. Н. Т и х о м и р о в. Указ. раб., стр. 59.

«содержание соразмерно по количеству кибиток в селении», а мирабам — вознаграждение от собираемых жителями посевов[1].

Царские власти приложили немало усилий, чтобы склонить на свою сторону Махтумкули-хана, бежавшего после падения Геок-Тепе в Мерв. При этом, безусловно, учитывалось, что Махтумкули-хан, имевший некоторую известность среди туркмен, как сын Нурберды-хана и как владелец крупных земельных участков, смог бы стать надежной опорой царизма в Закаспии.

27 марта в Ашхабад к Скобелеву явился Овезмурад-Тыкма-сердар и отдал ему свою саблю, несколько берданок и коня самого Скобелева, захваченного текинцами на Бендесенском перевале. Скобелев возвратил ему саблю, объявив при этом «помилование». Затем Тыкма-сердар дал клятву «служить верно государю императору»[2]. Вся последующая деятельность Тыкма-сердара весьма характерна для понимания позиции текинской феодальной знати по отношению к царским властям Закаспия. Тыкма-сердар оказал большие услуги русскому командованию, усердно исполняя все его поручения. По специальному заданию он ездил в Мерв, «дабы склонить тамошних текинцев к принятию русского покровительства»[3]. Его деятельность в этом направлении во многом способствовала возвращению на старое место жительства большей части жителей Ахала, ушедших после захвата Геок-Тепе в Мерв.

В составе депутации туркменских старшин Тыкма-сердар ездил в Петербург, где представлялся военному министру и императору Александру III. Члены делегации получили богатые подарки, наградные медали и чины. Тыкма-сердар получил чин майора и в соответствии с этим ему было назначено постоянное жалованье по усиленному окладу, — шестьсот шестьдесят рублей в год[4]. Вся эта «щедрость» царского правительства преследовала единственную цель: — склонить на свою сторону туркменских старшин и баев, создать для себя в их лице социальную опору в Туркмении.

В архивных источниках имеется немало сведений о различных награждениях и поощрениях бывших текинских ханов и сердаров, назначенных царскими властями на военно-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6935, лл. 5—18.
[2] М. А Терентьев. Указ. раб., т. III, стр. 217.
[3] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. I, д. 253, лл. 1—2.
[4] Там же.

административные должности в колониальном управленческом аппарате Закаспийской области[1]. Так постепенно возобновилась жизнь в текинском оазисе. 6 мая 1881 г. в Петербурге был издан указ о присоединении Ахальского оазиса к Российской империи и образовании из всей занятой до того территории Туркмении — Закаспийской области, с включением ее в состав Кавказского военного округа.

В Закаспийскую область входили: 1) Мангышлакское приставство, остававшееся в прежних своих границах; 2) Красноводское приставство, к которому были присоединены правобережье Атрека, Чекишляр, остров Челекен с другими близлежащими островами и 3) Ахал-Текинский округ, состоящий из территории Ахальского оазиса и прилегающих к нему земель[2].

Начальником области был назначен генерал-лейтенант Ерберг, который одновременно являлся и командующим войсками, находящимися в Закаспии. Мангышлакское и Красноводское приставства, а также Ахал-Текинский округ позднее были преобразованы в уезды и в них назначены уездные начальники, которые также сосредотачивали в своих руках военно-полицейскую и гражданскую власть.

В аулы были назначены старшины и казии преимущественно из зажиточной верхушки туркмен. Формально, выборы старшин, казиев, мирабов и других должностных лиц производились на общеаульных сходках, обычно в присутствии представителя от русских властей, однако списки избранных должны были утверждаться начальником области, который имел право смещать неугодных ему людей и предлагать свои кандидатуры. «...Я объехал все селения оазиса от Кизыл-Арвата до Гяурса. В селениях собирались общества, которые в присутствии моем избрали себе старшин, их помощников, аксакалов, мирабов и казиев. Списки избранных старшин и казиев представлены мною на утверждение командующего войсками Закаспийского края», — пишет майор Сполатбог[3].

Старшины, казии и мирабы пользовались покровительством царских властей, являлись полными хозяевами на местах. Они занимались вымогательством, грубо злоупотреб-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 183, л. 1; Там же, ф. 1, оп. 2, д. 6483, лл. 38—41.

[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5146, л. 3.

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 487.

ляли своей властью. Этому способствовало и то обстоятельство, что свое жалованье они получали из средств, собиравшихся с населения в виде податей.

В предписании начальнику Закаспийской области от 24 сентября 1881 г. читаем: «...Командующий Армией изволил разрешить назначение в Ахал-Текинском округе аульных старшин и казиев в определенном Вами числе с отнесением расходов на их содержание, по 20 и 10 рублей, не на счет казны,... а на счет той части кибиточных податей, собираемых с жителей, которая поступает в земский сбор»[1].

Таким образом, согласно приведенным данным архивных источников, с населения Ахала в 1881 г. уже производился сбор налогов. Однако, в известном отчете сенатора графа Палена говорится, что в 1882 г. жители Асхабадского (Ахал-Текинского) уезда, кроме нохурцев, были временно освобождены от податей[2]. Налицо противоречие в этом вопросе. Население Ахала, сильно разоренное войной и испытывавшее страшную нужду и голод, было просто не в состоянии платить требуемые с него налоги. Поэтому царские власти, очевидно, были вынуждены временно отменить их. Что касается туркмен Красноводского уезда, то они должны были платить подати в размере 6 рублей от каждой кибитки.

Центром Закаспийской области стал город Асхабад, возникший рядом с туркменским аулом того же названия. Здесь в течение непродолжительного времени были построены небольшие укрепления, казармы, госпиталь, здание казначейства, интендантские склады, около 400 жилых домов, преимущественно для офицеров, церковь, клуб и другие общественно-бытовые и военно-административные учреждения. Население города, если не считать персов и армян, состояло исключительно из военных. На первых порах управление областью носило чисто военный характер: административный аппарат составляли преимущественно военные; почти во всех сколько-нибудь крупных населенных пунктах содержались военные гарнизоны, в общей сложности составлявшие 15—20 тысяч человек.

Царское правительство продолжало содержать большой контингент войск в Закаспии ввиду того, что предстояло еще

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 97, оп. 1, д. 183, л. 1.

[2] К. К Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Вып. 16. Налоги и пошлины. Органы финансового управления. СПб, 1910, стр. 198.

осуществить захват обширной территории туркменских земель, простиравшихся на юго-восток от Ахальского оазиса.

Дальнейшие действия царизма в этом направлении были осуществлены с намеренной осторожностью. Но тем не менее царская Россия еще не могла быть гарантированной от возможности нежелательного для нее осложнения внешнеполитической обстановки. Отсутствие определенной, согласованной границы с соседними Ираном и Афганистаном, а также щекотливый вопрос о Мерве, ставший «самым больным местом» среднеазиатской политики Великобритании, создавали постоянную опасность войны с последней. В целях официального закрепления захваченной территории в Закаспийском крае царскому правительству необходимо было в первую очередь провести разграничение с Ираном.

В результате дипломатических переговоров, проведенных после предварительных обследований и изучения пограничной полосы, было достигнуто соглашение с шахским правительством. 9 декабря 1881 г. в Тегеране была подписана конвенция между Россией и Ираном о разграничении к востоку от Каспийского моря до Зеринкухского хребта[1].

Впоследствии, после завершения присоединения всей Туркмении к России (1886—1887 гг.), была установлена окончательная граница русских владений с Ираном и Афганистаном.

Проведение русско-иранского разграничения в декабре 1881 г. представляло собой как бы юридическое и политическое закрепление факта присоединения Ахала к России.

[1] О пунктах, через которые проходила русско-иранская граница и вообще о подробностях заключенной конвенции см. Сб. «Присоединение...», стр. 603—604; «Россия и Туркмения в XIX в..», стр. 190—191.

ГЛАВА VI

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С ТУРКМЕНАМИ, НАСЕЛЯВШИМИ ТЕДЖЕНО-МУРГАБСКИЙ РАЙОН

(начало 1881—конец 1882 гг.)
Установление регулярных сношений с Мервом

Завоевание Ахал-Текинского оазиса и образование новой области с центром в укреплении Асхабад, создали самые благоприятные условия для установления и развития экономических и политических связей России с туркменами, населявшими бассейны рек Теджен и Мургаб. Возможности таких связей достаточно четко определились уже ко времени образования Закаспийской области, то есть весной 1881 г. Стремление к налаживанию и развитию экономических и политических отношений было взаимным. Оно имело место как со стороны России, так и со стороны туркмен. Об этом свидетельствуют письма, которыми обменивались представители Закаспийских властей и старшины туркменских племен. В середине апреля 1881 г. майор Сполатбог в своем рапорте на имя командующего войсками Закаспийского края сообщал: «С влиятельными лицами Мерва я имел сношение. Мервцы заявляют о готовности исполнить все требования Вашего высокопревосходительства»[1].

26 мая 1881 г. заведующим населением Ахал-Текинского оазиса было получено письмо из Мерва от канонира Кидяева, находившегося там в плену у туркмен в течение ряда

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 488.

лет. В этом письме говорилось: «Туркмены почитают меня за большого человека. Ко мне приходят и старые, и малые и спрашивают: «как бы нам мириться с русскими». Прикажите, что мне делать?... Я говорю туркменам, что «Вам напрасно проливать кровь, миритесь с русскими». Туркмены поверили мне и отняли с ног моих пуд железа...»[1].

Приведенная выдержка из письма пленного артиллериста свидетельствует об ослаблении той напряженности, которой характеризовалась обстановка в Мерве спустя несколько месяцев после занятия русскими Ахал-Текинского оазиса. Отношение значительной части местного населения к русским стало резко меняться. Кидяев даже сообщал в конце своего письма имена туркмен, которые выражали готовность постоянно оказывать содействие русским властям[2].

Начальник области генерал-лейтенант Рерберг, сообщая о прибытии 21 июня из Мерва в Асхабад четырех аксакалов и имевших место переговорах с ними, писал: «По словам векильских аксакалов, только их племя в числе 10 тысяч кибиток нам в Мерве предано, остальные же 30 тысяч относятся к нам враждебно»[3]. И хотя Закаспийские власти относились к этим заявлениям с недоверием, но сам факт пребывания влиятельных туркменских представителей в областном центре имел большое значение. Несмотря на сомнительность их полномочий, оно бесспорно свидетельствовало о благоприятных сдвигах в отношениях между туркменами и русскими властями. Генерал-лейтенант Рерберг в том же письме сообщал: «18 июля прибыли ко мне из Теджена три аксакала с письмом от своего хана Хаджакули-хана, а 2 августа явился сам Хаджакули-хан в сопровождении старшины Овеза-сердара и свиты из 26 человек. Сущность заявлений Хаджакули-хана заключалась в том, что тедженцы отныне считают себя подданными русского царя, и что они готовы исполнять все мои приказания»[4]. Во время переговоров выяснилось, что население долины реки Теджен постоянно испытывало нажим со стороны персидских властей, требовавших от него выплаты податей.

Определенную роль в налаживании сношений с туркменами низовья р. Мургаб сыграла поездка Тыкма-сердара в Мерв. Поездка эта состоялась после возвращения Тыкма-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 537.
[2] Там же
[3] Там же, стр. 557.
[4] Там же, стр. 558; См. М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 70.

сердара из Петербурга, куда он был направлен во главе «депутации» от туркменского населения для представления царю[1].

В начале сентября 1881 г. майор Овез Мурад Тыкма-сердар направил в Петербург на имя полковника Мешетича[2] письмо, в котором сообщал: «Благополучно прибыв в Ахал, по желанию генерала Рерберга и барона Аминова я отправился в Мерв, где прожив месяца полтора, я уговорил мервских текинцев принять подданство белого царя, и с этой целью вместе со мной прибыла в Асхабад мервская депутация, человек 120...». О прибытии этой депутации в Асхабад сообщал в своем рапорте от 19 октября 1881 г. начальник Закаспийской области командующему Кавказской армией. Он писал: «Восьмого числа сего месяца Тыкма-сердар вернулся. С ним прибыли из Мерва в Асхабад в качестве депутатов 24 старшины родов сычмаз и дашаяк в сопровождении 10 чел. мервцев с изъявлением покорности государю-императору и чувств дружбы к русскому народу»[3]. Результаты поездки Тыкма-сердара в Мерв закаспийские власти оценивали положительно[4]. И действительно, своей поездкой он помог решить такой несомненно важный для устройства области вопрос, как возвращение откочевавших после штурма Геок-Тепе ахал-текинцев, которых царские власти считали подданными России[5].

Во время пребывания в Мерве Тыкма-сердаром было собрано много сведений как о внутренней обстановке в оазисе, так и о складывавшейся здесь внешнеполитической обстановке. Сведения, собранные Тыкма-сердаром, дополнялись и уточнялись данными, поступавшими из других источников. О положении в Мерве периодически сообщали Туркестанские власти, торговые и дипломатические консульства России в сопредельных странах. Так, например, в начале сентября 1881 г. российский посланник в Иране Зиновьев в своей телеграмме на имя министра иностранных дел сообщил о том, что мервские ханы прислали российскому агенту в Меш-

---

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 544, 546, 553, 555, 573, 574 и т. д. См. доп. Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 181, 187, 253—259.

[2] Полковник Мешетич был назначен сопровождающим депутации во время ее пребывания в Петербурге.

[3] Сб. «Присоединение...», стр. 573.

[4] Там же, стр. 574.

[5] Тыкма-сердару не удалось уговорить Махтумкули-хана вернуться в Ахал. По словам Тыкма-сердара, Махтумкули-хан отличался «крайне слабым и не решительным характером». Перед отъездом из Мерва Тыкма-сердара, Махтумкули-хан объявил, что он поедет в Хиву и там явится к русским властям...»; Там же, стр. 575. См. также, стр. 609.

чеде через доверенное лицо прошение о принятии населения Мерва под покровительство России, обязуясь подчиняться распоряжениям русских властей[1]. Группа людей, называвших себя представителями народа, специально приезжала в Петро-Александровск для переговоров с начальником Амударьинского отдела. Отмечены факты, свидетельствующие о попытках жителей Мервского оазиса установить связи с русскими властями через эмирское правительство Бухары. Все эти факты свидетельствовали о том, что в развитии отношений с Мервом и в последующем осуществлении здесь своих целей и задач Россия не встретит тех более чем серьезных затруднений, с какими ей пришлось столкнуться в Ахал-Текинском оазисе.

По-видимому, на этой основе генерал-лейтенант Ваниовский, отмечая важность сообщений о желании большой группы населения (10 тыс. семейств) переселиться в Атекский оазис и учитывая некоторый подъем мирного настроения населения Мервского оазиса и частое обращение депутаций, назвал все это «общим движением»[2].

Одной из мер, осуществлявшихся царскими властями в целях создания благоприятных условий для установления и развития сношений с Мервом, следует считать решение вопроса об Атекском предгорье, расположенном на пути к Мерву.

Общая обстановка в Атекском предгорье и развитие взаимоотношений с его населением

Атекскому предгорью, являвшемуся как бы промежуточным пунктом между Ахальским и Мервским оазисами, закаспийская администрация придавала важное значение. Оно могло быть использовано в качестве плацдарма при осуществлении планов присоединения долины рек Теджен и Мургаб. Некоторые подробности о положении туркменского населения Атекского предгорья приводятся в исследовании М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России»[3]. В нем автор специально останавливается на рассмотрении вопросов, касающихся присоединения Каахка и Душака, приводит интересные сведения о распространении влияния России на Теджен

[1] Сб. «Присоединение...», стр. 564.
[2] Там же, стр. 566.
[3] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 65—71.

и Серахс, а также установления и развития взаимоотношений России с местными жителями этих районов.

Население Атекского оазиса вело в основном оседлую жизнь. Засеваемые в оазисе поля орошались водами рек и ручьев, которые брали свое начало в пределах Ирана. Иранские феодалы намеренно создавали перебои в подаче воды для орошения туркменских земель, что приводило к частым открытым конфликтам. Явная враждебность иранских и курдских феодалов по отношению к туркменам особенно усилилась после присоединения Закаспийской степи к России. Самая дикая злоба охватила иранских ильхани, когда до них дошла весть о присоединении Ахал-Текинского оазиса к России. Персидские феодалы стали усиливать нажим на туркменскую часть населения, увеличивать размеры налогов, разжигать межродовую рознь. «После водворения русской власти в Закаспийской области, — писал Кузьмин-Караваев, посетивший Атек в 1881 г., — по приказанию персидского сертипа из Серахса, персияне захватили всю воду реки, распространили свои пашни до равнины Атека, и текинцы в Чаачене могли собрать своих посевов и предполагали совсем покинуть этот оазис»[1].

Аналогичное положение наблюдалось и в селениях западной части Атека, о чем писал тот же Кузьмин-Караваев: «В районе Ноурек с 1881 г. жители персидских селений захватывали в свои руки воду реки и стали распространять свои посевы к северу, по направлению ноурекского русла, расположенного недалеко от селения Каахка»[2].

Весной 1882 г. инженер Лессар снова посетил Атек и оставил довольно ценное описание, характеризующее положение туркменского населения Атека. Лессар писал: «Во все время по дороге в Асхабад мне пришлось выслушивать жалобы жителей Атека на свое бедственное положение: персы систематически отнимают у них воду в момент, когда она наиболее необходима для посевов, текинцы не смеют силою поддерживать свое право и видят для себя только два исхода: или сделаться персидскими подданными и платить пограничным ильхани подать, или бросить свои поселения и откочевать в Мерв или на Теджен, несмотря на сопряженное с этим полное разорение»[3].

Осенью 1882 г. инженер Лессар опять посетил атекские

---

[1] «Сб... материалов по Азии», вып. 40, СПб, 1889, стр. 122.
[2] Там же.
[3] «Сб... материалов по Азии», вып 6, Спб., 1883, стр. 37—38.

селения. В дерегезской части Атека он видел туркмен, живших в самых ужасных условиях. В день приезда Лессара в Атек его навестили жители из ближайших туркменских селений. По словам Лессара, в доме, где он остановился, собралось много народу, один за другим люди задавали ему самые волнующие вопросы. Они спешили поскорее услышать вести из Асхабада, причем их особенно интересовало отношение России к населению оазиса. Самым главным вопросом для них был вопрос о воде. Население жаловалось Лессару на свое бедственное положение. Жители туркменских селений настойчиво просили помощи русских властей и открыто выражали свою надежду на Россию[1]. По свидетельству Лессара, жители туркменских селений были глубоко убеждены, что в связи с присоединением Закаспийской степи водные ресурсы Атекского оазиса также могут быть присоединены к владениям России. Они говорили, что «...лютфабадская вода — русская»[2]. Лессару пришлось разъяснять, что воду можно делить по-прежнему, то есть по тем же обычаям, которые были у них до этого, и что им пока придется оставаться персидскими подданными. С трудом они согласились с таким положением и просили Лессара помочь им в назначении другого хана на место ненавистного им Аллаяр-хана.

Просьбы и жалобы туркмен имели весьма веские основания. Число обездоленных среди населения оазиса росло с каждым днем. Положение усугублялось еще и тем, что иранские власти запускали воду куда угодно, лишь бы она не досталась туркменскому населению. Кузьмин-Караваев видел в Атеке заброшенные канавы и высохшие поля, между тем как во многих местах встречались разливы арыков, поскольку вода здесь использовалась непроизводительно. По сведениям полковника Кузьмина-Караваева, лютфабадский хан вынудил жителей туркменского селения Махтум уступить ему земли для своих посевов[3]. В 1883 г. он отнял часть земли у жителей туркменского селения Мехинли. Как указывал Лессар, эти земли никогда не принадлежали персам[4]. Кроме подати, которую туркмены обязались платить при первоначальном занятии оазиса, персидские пограничные власти заставляли их платить налог за пастбища, находившиеся на землях туркмен[5]. В долинах речек персидские власти увели-

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. 2, л. 20.
[2] Там же.
[3] «Сб материалов по Азии», вып. 21, СПб, 1886, стр 124.
[4] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. 2, стр. 125.
[5] «Сб... материалов по Азии», вып. 21, СПб. 1886, стр. 125.

чивали с каждым годом свои посевы. Серахский сертиб Аббас-хан отобрал воду у жителей селения Чааче, и им пришлось обходиться для своих хозяйственных нужд одной лишь колодезной водой.

Приводимые примеры свидетельствуют о том, что после включения Закаспийской степи в состав России, усилилось притеснение туркменского населения Атека хорасанскими пограничными властями, что приводило иногда к открытым столкновениям. Конвенция от 9 декабря 1881 г.[1] между Ираном и Россией строго регламентировала права иранских пограничных властей по отношению к туркменским селениям и водным источникам, протекавшим на территории Атека, запрещала персидским властям занимать какой-либо район по долине речек и производить там посевы, особенно рис.

Нетерпимое положение, в которое поставили иранские пограничные власти туркменское население Атека, не могло дальше продолжаться. С первых же дней появления здесь представителей Закаспийской администрации туркмены стали обращаться к ним с просьбой о русском покровительстве. В целях урегулирования спорных вопросов, возникавших систематически из-за воды и посевных земель между туркменским населением и хорасанскими пограничными властями, иранское правительство, по предложению русских властей, согласилось создать смешанную комиссию из уполномоченных комиссаров. В течение 1882 и 1883 гг. эта комиссия проделала некоторую работу по мирному разрешению спорных вопросов. На основании специальных протоколов, составленных в разное время в течение этого периода, были точно определены права обеих сторон на воду и землю.

Результаты работы комиссии показывают, что Россия действительно выступала защитницей туркменского населения Атека от притеснений персидских властей и строго соблюдала требования конвенции и протоколов комиссии уполномоченных комиссаров. В течение так называемого «переходного» периода наладились нормальные хозяйственные связи атекских селений с уже присоединенным к России Закаспием. Жители Атека постоянно посещали Асхабад.

Полковник Кузьмин-Караваев сообщал, что «Атек деретезский прямо склонялся на сторону России и искал в ней поддержку и защиту против притеснений персидских ханов»[2].

---

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 189—192.

[2] «Сб.. материалов по Азии», вып. 21, СПб, 1885, стр. 120. См. так же М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 68.

Жители селений, расположенных между Артыком и Каахка, считая себя уже русскими подданными, перестали платить дань персидским ханам, надеясь на быстрое фактическое подчинение русским властям. Тяготение туркмен к России особенно заметно было со стороны ахал-текинцев, которые после падения крепости Геок-Тепе в 1881 г. бежали в пределы Мервского оазиса, а затем стали возвращаться в Ахал. Они поселялись, главным образом, на притедженских и атекских землях. Один из предводителей этих туркмен, Хаджакули-хан, о котором упомянуто в предыдущем разделе, установил постоянную переписку с закаспийскими властями. В своих письмах Хаджакули-хан сообщал о том, что он со своими приближенными поселился в Теджене, где им уже исправлена плотина и водопроводные каналы, и что как он, так и его приближенные готовы исполнять приказания русских начальников. С надеждой на русское покровительство в Атекский оазис переселились также мервские жители. Это были люди, по словам Лессара, «примирившиеся с идеей о необходимости труда, все благосостояние которых зависит от спокойного состояния края»[1]. Действительно, из Мерва в Атек переселились преимущественно бедняки, которые стремились найти там русское покровительство. Туркмены целыми группами направлялись в Асхабад с жалобами на притеснения, которые им приходилось терпеть от иранских властей.

Борьба России за Атек была связана с планами овладения Мервом. Это обстоятельство требовало от русских властей безотлагательного осуществления мер, направленных на упрочение влияния в Атеке и создание там удобного плацдарма для дальнейшего движения на Мерв. Характерной особенностью этой борьбы России за Атек являлось то, что она встречала ответное стремление основной массы туркмен предгорных селений к объединению с Россией. Об этом свидетельствуют неоднократные обращения жителей к русским властям. Это, естественно, облегчало осуществление Россией ее планов, создавая благоприятные возможности для мирного присоединения территорий этих оазисов.

В марте и апреле 1882 г. в ряде пунктов Дерегеза вспыхнули серьезные волнения, во время которых жители заявили о своем намерении принять русское подданство[2]. Эти волнения еще раз показали усиление тяготения туркмен к России.

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док.», ч. 2, л. 29.
М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 64.

Как правильно указывал на это М. Н. Тихомиров, волнения туркмен на территориях, оставшихся под властью Персии, принимали все более широкие размеры[1]. Жители Лютфабада и близлежащих селений открыто выразили свое желание переселиться в ту часть Атека, которая отходила к России.

Вместе с усилением притеснений атекских жителей иранскими властями, наблюдалось также и усиление происков английской разведки, которая стремилась использовать враждебные отношения между иранскими властями и туркменским населением. Враждебные России элементы из числа персидской пограничной охраны, а также местные феодалы по указке английской разведки, всячески стремились разжечь здесь антирусские настроения, спровоцировать выступления, направленные против России. По сведениям старшины селения Каахка Сеид-Назара-Юзбаши, персидский чиновник, некий Шамаммед-хан, «возмущал народ»[2], утверждая, что весь этот край принадлежит Персии.

В течение так называемого «переходного» периода участились объезды пограничной полосы различными высокопоставленными чиновниками Ирана. В самом спешном порядке собирались сведения о наличии крепостей и укреплений. Вдоль пограничной линии «путешествовал» хорасанский генерал-губернатор, сопровождаемый огромным количеством войск.

По словам Лессара, поездка персидского генерал-губернатора вызвала сильное недовольство населения, среди которого производился для этой цели сбор верблюдов и ослов. После объезда соответствующих пунктов не раз делались попытки развернуть строительство укреплений в районе Серахса, на месте старой туркменской крепости Коушут-хан, в районе Зурабада и в Баба-Дурмазе[3]. И только вследствие вмешательства России строительство этих укреплений откладывалось персидскими властями. Однако пограничные власти продолжали нарушать общее спокойствие на границе. В письме Сеид-Назара-Юзбаши сообщалось об экстренном прибытии в Мешхед чиновника министерства иностранных дел Мирза Сеид-хана. Сеид-Назар-Юзбаши, по его же словам, был хорошо знаком с нукером хозяина, у которого остановился этот чиновник. Этот нукер рассказывал ему о том, что принцы часто собираются у его хозяина и долго совещаются. На этих совещаниях, кроме чиновника, принимал также уча-

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 64
[2] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док..», ч. 1 л. 221.
[3] Там же, лл. 220, 390.

стие некий Мирза Малькум-хан. Малькум составлял инструкцию, согласно которой иранские власти обязывались производить осмотр земель по Атеку[1].

В целях ограждения Закаспийской области от проникновения иностранных подданных, была введена выдача специальных документов на право въезда и пребывания в пределах русских владений Этим воспользовались иранские чиновники, которые самовольно раздавали пропуска на право посещения Закаспийской области. Некоторые чиновники превратили раздачу пропусков в источники наживы. Так, например, официальный сотрудник иранского министерства иностранных дел Мирза-Мустафа-Кули прибыл в Буджнурд и раздавал персидским подданным, отправляющимся в Ахал-Текинский оазис для работы, формально печатные паспорта, «взимая за них деньги». Аналогичные факты отмечены и в Кочане, и в Дерегезе[2].

По установившимся традициям должность старшины туркменских аулов считалась выборной. Однако имели место случаи, когда персидские ильханы, грубо нарушая эти традиции, назначали старшин сами по своему усмотрению. То же самое произошло и с мирабами. Полковник Кузьмин-Караваев писал по этому поводу: «Разными подарками и услугами ханам более богатые и развитые люди добивались назначения старшинами и мирабами, помимо желания общины»[3] Занявшие эти должности фактически были полными хозяевами в своих селениях и по своему усмотрению распоряжались водой и землей этих аулов. Старшины раздавали воду и землю за деньги совершенно посторонним людям, а зачастую, как свидетельствует тот же Кузьмин-Караваев, даже богатым жителям из иранской части селения Дерегез. В ряде селений западного Атека аульные старшины имели в своем владении несколько участков земли. Насильственная экспроприация общинной земли тяжело отразилась на положении бедняков.

Сеид Назар Юзбаши в одном из своих писем утверждал: «Сепах-Салар прислал в Келат 3—4 тыс. войска для выселения алилинцев, но мы, прибыв в Келат, объяснились, после чего войска вернулись в Мешхед... мы боимся персиян и просим снабдить нас бумагою»[4].

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. 1, л. 224.
[2] Там же, л. 296.
[3] «Сб.. материалов по Азии», вып. 21, СПб, 1885, стр. 115.
[4] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. 1, л. 253.

Находившийся на русской службе Мирза Али Керим оглы, подробно описывая в своем письме положение населения в Атеке, сообщал, что там хозяйничают персидские власти, и все туркмены на стороне России. Все это послужило поводом для более открытого вмешательства России в дела Атека, хотя по конвенции от 9 декабря 1881 г. Атекское предгорье и считалось нейтральным.

В правительственных кругах России овладение Атеком рассматривалось как неизбежное последствие присоединения Ахала к России.

Полковник Кузьмин-Караваев отмечал, что туркменское население само искало русского покровительства, поскольку влияние России в Атеке значительно упрочилось, назрела необходимость введения здесь русского управления. Он считал возможным учреждение в Атеке центральной администрации в виде полицейской службы[1]. В ее функции входило бы также образование новых селений, переселение жителей обратно в покинутые ими по тем или иным причинам места и т. д. Кузьмин-Караваев предлагал также точно определить границу с Персией, урегулировать порядки выборов старшин, мирабов, решить ряд других важных вопросов.

Высказывались также мнения о необходимости занятия долины реки Теджен. Об этом говорил инженер Лессар[2] еще в 1882 г. На берегу реки, по его утверждению, были разбросаны развалины поселений и посевы, покинутые туркменами. Было решено постоянно держать этот район под наблюдением. С этой целью в течение 1882—1883 гг. практиковалась посылка так называемых обходных колонн в районы Серахса и Кара-Бента. Это было одним из важных мероприятий, которые осуществлялись царским командованием в целях упрочения русского влияния на подступах к Мерву, Атек, Серахс и Теджен.

Из всего сказанного выше можно заключить, что северные склоны Копетдагских гор и верховья р. Теджен на всем протяжении XIX в. населяли туркменские племена, что эти земли действительно принадлежали им, несмотря на то, что персидские власти произвольно распоряжались ими и взимали подати с туркменского населения. Самоуправство персидских властей особенно усилилось в период соприкосновения туркменского населения Ахал-Текинского оазиса с русскими.

---

[1] «Сб... материалов по Азии», вып. 21, СПб, 1885, стр 143.

[2] Там же. вып. 6, СПб, 1883, стр. 65.

После присоединения Закаспийской степи к России, враждебные отношения персидских чиновников к туркменскому населению Атека приняли еще более острую форму. В этих условиях усиливается стремление населения Атекского предгорья принять русское подданство.

Вопрос об окончательном присоединении Атека к России был лишь вопросом времени.

Развитие взаимоотношений России и Мерва в период с лета 1881—по осень 1883 г.

В середине 1881 г. во взаимоотношениях России и Мерва наметились некоторые сдвиги. Переписка Закаспийских властей с жителями Мерва стала приобретать более оживленный характер. В центр новой области то группами, то в одиночку стали прибывать мервские ханы. Здесь они не только ознакамливались с общей обстановкой в крае, но и получали сведения о дальнейших планах России по отношению к Мерву и другим странам. Царская администрация также стремилась использовать каждый факт пребывания в Ашхабаде мервских ханов в своих интересах.

Специальной инструкцией, полученной в сентябре 1881 г. от военного министерства, туркестанским властям и кавказскому наместнику предписывалось заключить договоры с каждым туркменским родом в отдельности. Согласно такому договору представитель соответствующего рода должен был взять на себя обязательство и дать на «Коране» клятвенное обещание в том, что туркмены его рода никогда не поднимут против России оружие, а в случае если возникнут столкновения, подписавший «условие» должен нести за происшедшее личную ответственность. Таким образом, лицо, ставившее свою подпись под «условием» или договором, становилось ответственным и превращалось как бы в представителя русской власти в пределах своего рода. На него возлагались обязанности следить за всем, что происходило среди его сородичей. Этим договорам или «условиям», навязывавшимся царскими властями мервским ханам и старшинам, придавалось большое значение. В числе многих, и притом самых различных мер, осуществлявшихся царской Россией в целях достижения мирного разрешения вопроса о Мерве, им отводилось определенное место. Вот почему приезд ханов и старшин в областной центр использовался царскими властями как удобный случай для установления контакта с ними. Это

могло способствовать оказанию известного воздействия на население Мерва и, прежде всего на верхушку туркменского общества. Обстановка для этого была самая благоприятная. На имя начальника области бесконечным потоком поступали письма о желании того или иного рода, племени принять подданство России.

К закаспийским властям стали обращаться даже наиболее убежденные в недавнем прошлом противники сближения с Россией. Среди них был и Баба-хан. Он прибыл в Ашхабад лишь в конце сентября 1881 г. При первой встрече с русскими властями Баба-хан отказался от заключения условий. Однако, возвратившись в Мерв, он стал писать письма на имя начальника области, в которых просил выделить из казны средства для содержания 1000 всадников и при них — 100 сердаров. Формирование такой дружины, по его утверждению, необходимо было для поддержания «спокойствия» среди населения. Военное министерство не придавало особенно серьезного значения просьбе Баба-хана, однако считало выдачу ему субсидий на содержание вооруженного отряда в Мерве нецелесообразной и даже опасной. Сам факт отказа русских властей оказать вооруженную помощь мервцам мог вызвать нежелательные для России последствия. Во-первых, англичане могли использовать этот факт для всяческого раздувания версий о «русской опасности» Индии и, во-вторых, они могли сами начать открытое вмешательство в дела Мерва, раздавая оружие местному населению. К тому же царская администрация считала Баба-хана человеком, не пользующимся влиянием среди населения Мерва. Его просьба о выдаче субсидии рассматривалась как вымогательство денег у России для личных нужд[1]. Баба-хан думал больше всего о том, кому выгоднее продать Мургабскую долину — афганским или иранским феодалам, за спиной которых стояли англичане. Большие, хотя и иллюзорные надежды возлагал он на правителей Хивы и Бухары, с которыми пытался сговориться. Правители этих ханств, совсем недавно превращенные в вассалов русского царя, в представлении Баба-хана и других представителей феодальных верхов общества, боявшихся России и враждебно к ней относившихся, выступали еще, очевидно, как самостоятельные правители. Сущность тактики этой колеблющейся части верхушки заключалась в том, чтобы в этих условиях всячески обеспечить свое личное благополучие, сохранить свои привилегии. Вероятнее всего с

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, 1881—1885, л. 160.

этими целями был связан и выезд Баба-хана в Ташкент в 1882 г.[1]. Как и вся верхушка Мерва, он проявлял живейший интерес к происходившим в Туркестанском крае политическим событиям, стремился более подробно разузнать обстановку в крае и поближе ознакомиться с положением местной знати в создавшихся новых условиях в связи с завоеванием русскими среднеазиатских ханств.

Тем временем в Ашхабад продолжали прибывать старшины из Мерва, заключая договоры с местными властями. Царские власти мало верили в серьезность этих договоров. Однако сам факт их заключения сыграл, как уже было отмечено, определенную роль в деле дальнейшего распространения влияния России в Мервском оазисе. Эти договоры представляли собой временную гарантию упрочения связей с Мервом. Прежде всего это касалось хозяйственных и политических отношений. Нередко имели место и казусы. Так, например, в октябре 1881 г. в Ашхабад прибыли Карахан-бек и Анна-Мурат-бек.

От имени своих сородичей они заключали письменные договоры с русскими властями. Прибывшие же после отъезда Карахан-бека и Анна-Мурат-бека делегации с возмущением заявляли о том, что Карахан-бек и его коллега никем не были уполномочены и по существу являлись самозванцами[2].

В истории русско-мервских отношений отмечен ряд подобных фактов. Однако на развитие этих отношений они не оказывали сколько-нибудь ощутимого отрицательного влияния. Более того, Закаспийские власти старались не упускать ни одного случая для заключения таких договоров, делая это и тогда, когда под видом уполномоченных народом представителей являлись самозванцы. Каждая встреча с прибывшим в Ашхабад жителем Мерва способствовала расширению представлений о политической и общественной жизни Мерва, получению новых данных, что имело большое значение.

Представители отдельных родов появлялись в Петроалександровске. Отмечались факты, когда уполномоченные туркмены из Мерва приезжали в Мешхед и обращались к российскому торговому агенту с просьбой о посредничестве в установлении отношений с русскими властями. Они приезжали в Кара-Бент, где только временами можно было встре-

---

[1] Он был возвращен туркестанскими властями с полпути.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, 1881—1882, л. 160. В деле хранится «клятвенное обещание» двух, упомянутых выше мервцев.

тить специальные колонны царских войск, посланных туда с разведывательными целями. В течение 1881—1882 гг. население Мервского оазиса прилагало все усилия для развития взаимоотношений с Россией, выразившиеся в посылке в Ашхабад для переговоров своих представителей и постоянной переписке с официальными лицами областного управления. Однако нельзя пройти мимо фактов и тенденций, враждебных развитию этих отношений и имевших место в этот период. Некоторые из мервских старшин стали посещать британских агентов в Хорасане. Русский торговец Павел Абелов сообщал, что он видел в Мешхеде нескольких туркмен, которые обращались к английским агентам и выражали свое враждебное отношение к русскому продвижению. Британские агенты, естественно, щедро вознаграждали их[1].

Царские власти, учитывая возросшую активность английских агентов и усиление антирусской агитации в Мерве и сопредельных с ним районах, решили привлечь на службу таких резко враждебных России туркменских феодальных вождей, как Махтумкули-хан. Он был одним из руководителей и вдохновителей сопротивления в крепости Геок-Тепе в 1880—1881 гг. Махтумкули-хан после своего бегства из Ахала в начале 1881 г., скрывался в Мерве в имении своего покойного отца Нурберды-хана. В течение нескольких месяцев, боясь преследования со стороны русских властей, он не показывался в Ахале и лишь вел с Ашхабадскими властями переписку, отказываясь возвратиться в свои владения в Ахал-Текинском оазисе. В бытность О'Донована в Мерве, Махтумкули-хан почти всюду сопровождал его, что известно из книги О'Донована «Оазис Мерв»[2].

Начальник Закаспийской области выразил мнение, что установление связей с Махтумкули-ханом будет более полезно для поддержания, как он выразился, «обаяния» России в глазах местного населения

Полковник Соболев, излагая свои соображения по этому поводу, считал целесообразным вернуть Махтумкули-хану его земли и богатство в Ахале и почаще приглашать его в Ашхабад[3], заверив, что в Ашхабаде ему будет оказан радушный прием. В ноябре 1881 г. царские власти категорически заявили, что если Махтумкули-хан в месячный срок

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док..», ч. 1, л. 10, ч. 2, л. 184
[2] О'Донован «Оазис Мерв», СПб, 1883, стр. 352.
[3] ЦГВИА, ф ВУА, д. 8943, 1882—1883, лл. 80—81.

не явится на милость к русским властям в Ахал, то его имущество и земли будут конфискованы. После некоторых повторных попыток отговориться тем, что он заботится о спокойствии в Мерве, Махтумкули-хан явился в Ахал и по существу сдался на милость царских властей.

К концу 1881 г. в Мерве создалось положение, при котором стала необходимой передача власти в руки одного правителя. Царская администрация еще не располагала возможностью назначить кого-либо из старшин или ханов главным правителем Мерва. Не было еще такой возможности и в 1882 г. Это объяснялось не только внутренними, но и внешними факторами. В самом Мерве еще не созрели для этого условия. Царские власти не были уверены, что назначенный Россией ставленник не будет свергнут населением[1]. Влияние враждебно-настроенной части населения на политическую жизнь общества было еще сильным. Кроме того, назначение такого правителя означало бы открытое вмешательство России в дела Мерва, что могли использовать в своей антирусской пропаганде английские агенты.. Учитывая все это, царское правительство решило действовать через хана Хивы, которому было предложено направить в Мерв одного из своих сановников в качестве наместника.

В период с 1881 по 1883 г. на этом посту сменилось несколько ханских сановников. Однако, за исключением крайне небольшого круга людей, никто из жителей Мервского оазиса не признавал власти этих наместников. Тем не менее царские власти использовали их в качестве посредников при решении вопросов, касающихся русско-мервских отношений. Это сопряжено было с большими трудностями, поскольку многие из мервских старшин признавали в качестве действительной власти только Закаспийское начальство. Царское правительство не могло не считаться с этим. В середине августа 1881 г. велась активная переписка между министерством иностранных дел и военным министерством о необходимости выработать инструкцию для начальника Закаспийской области по вопросу взаимоотношений с Атеком и Мервом. Такая общая инструкция вскоре была разработана и разослана на места. Официально она называлась «Инструкцией начальнику Закаспийской области относительно сношений с жителями Мерва, Атека и пограничными персидскими владениями»[2].

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6946, 1882–1883, л. 33.
[2] Там же, 6935, 1881–1883, л. 81.

Уже в первом пункте ее по-существу фиксировалась неприемлемость развития взаимоотношений с Мервом при посредстве хивинских ханов. Назначение хивинского правителя— говорилось в этом пункте, — нужно было для России тогда, когда она не имела непосредственных отношений с Мервом, ввиду преобладания там враждебно настроенных элементов. В дальнейшем же пребывание хивинского правителя в Мерве стало помехой для развития русско-мервских отношений, особенно во время событий 1881—1882 гг., когда эмир Абдуррахман вел борьбу за упрочение своего положения в Северном Афганистане. Английская разведка усилила свою антирусскую деятельность в оазисе. Со второй половины ноября 1881 г. все реже стали прибывать депутации из Мерва, а к концу декабря 1881 г. приезд мервских старшин в Ашхабад совершенно прекратился. События, происшедшие в Герате в начале 1882 г., отрицательно отразились и на отношениях Атека к России. В это время наблюдалось ослабление влияния России в Мерве.

В Теджено-Мургабском районе участились набеги аламанщиков. Основываясь на условиях договора, администрация области стала требовать от старшин частичного возмещения убытков пострадавшему от этих набегов населению. Наблюдалось также усиление разногласий в Мервском обществе. До закаспийских властей доходили сведения об организации целых групп мервцев для нападения на торговые караваны. На базарах и в публичных местах Мерва и Ахал-Текинского оазиса стали распространяться различные слухи о том, что скоро в Мерв придут англичане и освободят туркмен от русских, что англичане уже привлекли к себе на службу Махтумкули-хана и других ханов.

Обстановка требовала усиленного наблюдения за происками англичан. Необходимо было добиться немедленного улучшения положения в сношениях с Мервом.

Влияние России в Мерве действительно оказалось под серьезной угрозой. Английский агент в Мешхеде Мирза-Аббас-хан, выполняя задание своих хозяев, значительно расширил сферу своих действий. В донесениях закаспийских властей указывалось, что мервские старшины стали уклоняться от выполнения требований русских властей компенсировать хозяев ограбленных караванов. Кроме того, они отказывались выдавать аламанщиков.

Царское командование продолжало собирать наиболее достоверные сведения о положении дел в Мургабской долине,

стараясь выяснить степень иностранного влияния на мургабских туркмен. Чиновник, специально посланный в Мерв, сообщил, что «...народ волнуется, и что из Теджена Азиз-сердар выезжал к афганскому эмиру»[1]. В конце донесения говорилось, что до гератских событий особенно крупных связей между Мервом и Афганистаном не было.

К началу 1882 г. политическая жизнь Мерва становится крайне напряженной. Некоторое время правителем Мерва считался Баба-хан, но в силу целого ряда обстоятельств он вынужден был сложить с себя эти обязанности. Власть перешла в руки нескольких ханов. Наиболее влиятельные и враждебно-настроенные по отношению к России представители феодально-клерикальных верхов Каджар-хан, Молла-Мухаммед-Рахим, Дурды-ходжа, Азиз-сердар и другие стали склонять население к тому, чтобы обратиться за помощью к мусульманским правителям Ирана, Афганистана. Другая часть мервской знати находила более правильным включение Мерва в состав Бухары или Хивы, строя свои планы с учетом стремления широких масс туркменского населения к объединению как с туркменами, так и с другими среднеазиатскими народами, уже вошедшими в состав России и ставшими русскими подданными. Сторонники идеи включения Мерва в состав Бухары или Хивы считали, что пригласив кого-либо из чиновников бухарского или хивинского правителей, можно будет решить сразу две задачи: во-первых, убедить население, что они привели человека, который сам служит русским; во-вторых, опираясь на поддержку бухарского эмира или хивинского хана, удержать власть в своих руках. К числу сторонников этой идеи относился и Баба-хан. Баба-хан, по-видимому, все еще продолжал оставаться в плену тех опасений, которые в свое время высказывал его покойный отец Коушух-хан, умерший в 1878 г.[2]. В начале 70-х годов Коушут-хан был одним из самых непримиримых врагов России.

Когда русские войска приблизились к пределам Хивинского ханства, Коушут-хан начал лихорадочно строить Коушут-хан-кала—единственную в оазисе сравнительно укрепленную крепость, в которой предполагалось собрать все насе-

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. дел...», ч. I, л. 8.

[2] В народе говорят, будто Коушут-хан был отравлен русским агентом Алиханов ым. Трудно верить в достоверность такого утверждения, ибо по данным архивных документов и русской периодики первое появление поручика Алиханова в пределах Мерва относится к началу 80-х годов.

ление и оказать сопротивление русским войскам в случае их приближения к Мерву[1].

Отношение Коушут-хана к России стало еще более непримиримым в период рекогносцировок, производившихся русскими отрядами в Закаспийской степи. Как раз в это время панисламистская идея коалиции среднеазиатских государств получила особенно широкое распространение. Однако Коушут-хан, оставаясь самым ярым руссофобом, сумел правильно оценить создавшееся положение. Очевидно он понял, что кровопролитие под Мервом ни к чему не приведет. К последним годам жизни относятся его высказывания о бессмысленности вооруженного столкновения с русскими. Коушут-хан говорил будто бы своим приближенным, что Россия не станет связываться с Мервом, что она пройдет через оазис, ибо ей нужна дорога в Индию, и поэтому нет надобности драться с русскими — пусть они пройдут[3].

Убедившись в нецелесообразности готовившегося сопротивления, Коушут-хан, видимо, был склонен согласиться на принятие вассальной зависимости от Хивы или Бухары, считая это наиболее приемлемым решением с точки зрения сохранения своего привилегированного положения в оазисе.

По словам очевидцев и старожилов, сообщал Ата-Салих[4], Коушут-хан убеждал жителей, что несколько тысяч кибиток туркмен не устоят перед Россией, особенно после того, как она овладела Бухарой и Хивой. Будучи самым богатым в оазисе феодалом, Коушут-хан, как и все богатые землевладельцы, стремился прежде всего сохранить свое господствующее положение в обществе и держать в своем подчинении стремившихся тогда к сепаратизму ханов. А сделать это в тех условиях можно было, по его мнению, только путем признания номинальной зависимости от Хивы или Бухары. Подобная позиция Коушут-хана еще раз свидетельствует о его враждебности русскому продвижению. Не случайно, еще в разгар Зерабулакской битвы под Самаркандом в 1868 г., Коушут-хан возглавлял отряд мервских текинцев, прибывший на помощь бухарскому эмиру.

Не сохранилось ни одного документа, характеризующего

---

[1] Крепость Коушут-хан-кала так и осталась недостроенной.

[2] Н. А. Халфин. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50—80-е годы XIX в.) «Труды Среднеазиатского Госуниверситета», вып. 94, Ташкент, 1957, стр. 29—46.

[3] Записано со слов Ата Салиха—народного поэта Туркменской ССР, 2 января 1951 г.

[4] Устные сведения, собранные А. Ильясовым в течение 1951—1954 гг.

его положительное отношение к русскому продвижению в Средней Азии. Известно лишь, что к концу жизни Коушут-хан не изменил в принципе своих позиций и стал проявлять максимум осторожности к происходившим в то время событиям и, в особенности, планам царской России по отношению к Мерву.

Баба-хан и его сторонники, видимо, разделяли мнение Коушут-хана и также не находили ничего лучшего, как подчиниться Хиве или Бухаре. Принадлежа к реакционной антирусской группировке, Баба-хан вынужден был, как и его отец, мириться с тем, что рано или поздно Мерв войдет в состав России. Значительная часть мервской знати не могла не видеть, что население в своем большинстве, особенно после присоединения Закаспийской степи к России, явно настроено мирно и желает только объединения с Россией. Но этого не хотели понять непримиримо враждебные по отношению к России круги эксплуататорской верхушки. Естественно поэтому, что в вопросе о политической ориентации антирусский лагерь разбился на различные группы, между которыми разгоралась все более острая борьба. Некоторые ханы проявляли нерешительность и колебались, продолжая надеяться на поддержку то из Тегерана, то из Герата, обратив свои взоры затем к Хиве или Бухаре.

В июле 1881 г. большая группа мервских старшин вернулась без определенного ответа от Сепах-Салара — правителя Хорасана, к которому она ездила в надежде получить покровительство персидских властей. Посольство, направленное мервской знатью к эмиру Абдуррахману, также вернулось без положительного ответа. Эту депутацию возглавлял «личный друг» эмира Азиз-сердар. Он же вез письмо Махтумкули-хана к англо-индийским властям в Пешеваре[1]. Мервская депутация просила также покровительства у бухарского эмира. При этом депутация добивалась, чтобы эмир отпустил в Мерв туркмена Кара-Шайтана, занимавшего у него в то время пост дадхо[2]. Расчет был таков, чтобы Кара-Шайтан, вернувшись в Мерв, стал правителем оазиса — наместником бухарского эмира. Но и эта миссия не увенчалась успехом. Бухарский эмир не согласился отпустить Карададху в Мерв[3].

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 180, 1881—1883, лл. 95—96.

[2] Дадхо — в Бухарском ханстве один из высших военных чинов.

[3] Кара-Шайтан, по утверждению поручика Назирова, известен в Бухаре под именем Кара-дадхи. Кара-Шайтан остался служить у бухар-

Более удачным оказалось посольство, отправившееся в Хиву. Хивинский хан, после соответствующей переписки с русскими властями, дал согласие направить в Мерв в качестве своего наместника Юсуф-бая, который прибыл туда в июне 1881 г. Это был первый ханский наместник в Мерве. Вместе с ним прибыл штат из 15 хивинских чиновников, уже состоявших на некоторых должностях по управлению Мервом. Однако население оазиса не признало хивинского наместника, отказавшись выполнять его приказания.

Характеризуя попытки феодальной верхушки Мерва получить покровительство соседних мусульманских государств, начальник Закаспийской области отметил: «...на прочность принятого теперь старшими людьми в Мерве решения трудно рассчитывать...»[1].

Барон Аминов в своем письме на имя поручика Назирова писал из Ашхабада: «Вообще утомышцы почти уже вполне мирные»[2]. Нельзя не отметить в этой связи, что утомышцы составляли почти половину мервских жителей. Хивинский сановник Муртаза-бай, назначенный наместником хана в Мерве после смерти Юсуф-бая, в августе 1881 г. в своих письмах хивинскому хану сообщал о том, что население расположено к России и желает принять ее подданство[3].

Когда поручик Назиров выезжал из Мешхеда в Мерв, он вез рекомендательные письма на имя мервских ханов от Российского коммерческого агента Насырбекова. Последний, по словам Назирова, хорошо знаком с ханами, на имя которых писал свои письма. В этих письмах Насырбеков упорно подчеркивал мысль, что «слабые должны покоряться сильным» и при этом приводил примеры из жизни кавказских мусульман, вошедших в состав Российского государства[4].

Во время своего пребывания в Мерве поручик Назиров внимательно следил за всеми переменами, происходившими в оазисе, часто выезжал в аулы, где вел беседы с влиятельными представителями феодальной верхушки, собирая сведения о различных слухах, распространявшихся среди жителей, чтобы иметь более реальное представление об отношении

ского эмира после того, как туркмены в количестве 3000 всадников, под руководством Коушут-хана приехали для помощи бухарскому эмиру в войне против России в 1868 г.

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. I, л. 11

[2] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 180, 1881—1883, л. 78.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, 1881—1882, л. 65, В тексте «Слава богу, пока текинцы склонны на нашу сторону».

[4] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 180, 1881 – 1883, л. 87.

туркмен к России. Сведения, приведенные в его отчете о поездке в Мерв, весьма скудны. Особенно скудны данные как раз об отношении населения оазиса к вопросу о включении Мерва в состав Российской империи. Тем не менее, Назиров не мог не заметить, что большинство населения оазиса открыто выражало стремление к мирному присоединению к России, понимало его необходимость. Назиров подчеркивал в своем отчете это обстоятельство, хотя непосредственных фактических данных по этому вопросу у него было мало. Опытные проводники, которых прикрепил к нему Российский торговый агент в Мешхеде Насырбеков, помогли ему выяснить положение. Оба они (туркмен по имени Курбан и проводник — Мешеди-Мамед-Али, находившийся в течение 12 лет в плену в Мерве) хорошо знали обстановку и активно содействовали Назирову в сборе сведений. Выводы Назирова, по всей вероятности, более близки к действительности. Значительная часть населения оазиса действительно благожелательно относилась к присоединению к России.

Начало регулярных торговых сношений России с Мервом

В целях сближения с населением Мерва и особенно улучшения хозяйственных связей, закаспийские власти принимали меры к более широкому вовлечению населения оазиса в торговлю с Россией. Сообщалось, что более 200 тысяч рублей казенных денег перешло в руки местных жителей, которые сбывали свой фураж и дрова для войсковых нужд. Мервское население охотно принимало участие в хозяйственных работах и поставляло верблюдов[1]. Ашхабад часто посещался мервцами, которые вели постоянную торговлю с населением города. В докладной записке начальника области сообщалось, что из Мерва в Ашхабад постоянно пригонялись для продажи большие стада баранов[2]. Все это свидетельствует о значительном укреплении в течение 1881—1882 гг. русско-мервских хозяйственных связей. Однако английская агентура, стремясь помешать развитию торговых сношений России с Мервом, стала в еще более широких масштабах применять подкуп и шантаж. Население выражало недовольство происками англичан, особенно когда усилились набеги аламанщиков.

В середине октября 1881 г. на караванном пути из Геок-Тепе в Хиву, недалеко от колодца Дашлы, на караван, при-

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. I, л. 15
[2] Там же.

надлежавший теке-текинцам, напал отряд мервского аламанщика Вели-Кизыл-сердара. По этому случаю закаспийскими властями были отправлены в Мерв письма на имя старшин и ханов с требованием об организации немедленного розыска преступника и возмещения убытков, нанесенных владельцам каравана. На караванный путь были направлены отряды русских войск для несения караульной службы[1]. Для царских властей это был более чем удобный случай для упрочения своего положения на дальних подступах к Мерву. Начиная с середины января 1882 г. в Ашхабад снова стали прибывать депутации от мервцев. В феврале 1882 г. в Ашхабад прибыла целая группа депутатов от рода «бек». Они привезли письмо своих сородичей, проникнутое миролюбивыми настроениями, искренне благожелательным отношением жителей Мерва к русскому покровительству. В письме говорилось, что род «бек» будет соблюдать все требования русских властей, что члены его поведут борьбу с разбоем и уже сейчас удерживают от набегов всех аламанщиков, таких, как Он-беги, Нурикел и другие.

Весна 1882 г. ознаменовалась усилением борьбы населения Атекского и Мервского оазисов против аламанства. Проживавший в то время в Ашхабаде Мешеди Садык (по-видимому коммерсант) писал русским властям, что он получил письмо от своего доверенного в Мерве туркмена Худай-Назара, который сообщал, что тохтомышцы «сообща стараются прекратить набеги»[2].

Судя по письмам мервских старшин, поступавшим на имя Ашхабадских властей, а также по частной переписке и официальным донесениям, весной 1882 г. среди туркмен Мерва усилилось стремление к общению с русскими и принятию русского подданства, хотя некоторые царские администраторы выражали сомнение относительно искренности этих стремлений. Так, например, полковник Аминов писал: «На серьезную привязанность к нам туркмен, по моему мнению, трудно рассчитывать...»[3]. Он считал целесообразным ограничиться мерами «заинтересования, по возможности, большего числа отдельных личностей, заинтересованных в наживе денег торговлею и работою»[4]. Для поддержания «обаяния» России среди жителей, полковник Аминов считал необходимым систе-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, 1881—1882, л. 172.
[2] Там же, л. 177.
[3] Там же, л. 185.
[4] Там же, л. 177.

матически посылать так называемые обходные колонны в Атекский оазис, в район Орта-Кую (на пути в Хиву) и в Кара-Бент. По мнению полковника Аминова, главную задачу в этот период областная администрация видела в том, чтобы постоянно внушать в сознание жителей Мерва мысли о том, что Россия — сильное государство и что она стремится поддерживать с оазисом мирные отношения.

Огромное значение для мервского оазиса имело дальнейшее развитие торговых связей с Россией. Начиная с 1882 г. Мерв стал вести торговлю с Россией непосредственно через Ашхабад. В феврале 1882 г. в Мерв прибыл первый русский караван из Ашхабада. Накануне, старшины всех родов собрались на специальное совещание для решения вопроса о том, допустить русский караван в пределы оазиса или нет. Совещание «едва не кончилось неудачно для каравана... Более других восстал против каравана... Кара-Кули-хан[1] — один из ханов Мерва».

Представители рода «бек» заявили на совещании, что если Кара-Кули-хан будет продолжать действовать против каравана, «то бегцы его свергнут»[2]. Значительная часть населения приняла весть о прибытии русского каравана с радостью. Это было заметно в первые же дни. Вот почему полковник Аминов имел все основания сказать, что «работа по установлению торговых сношений с Мервом и безопасного движения караванов из Бухары в Асхабад идет успешно»[3], и что «дела в Мерве в настоящее время вполне для нас выяснились; сношения между нами и этою страною ежедневные, и мы в состоянии точно следить за всеми будущими мелкими изменениями во внутренних порядках в Мерве»[4].

С первым русским караваном, пришедшим в Мерв, сюда прибыли также хорунжий Соколов и прапорщик Алиханов. Все лица, сопровождавшие караван, были снабжены подробными инструкциями и сведениями с точным указанием маршрута. Перед ними ставились следующие задачи: завязать торговые связи с жителями Мерва, собрать сведения о торговле и дорогах, а также различные данные политического, топографического, статистического и военного характера. Кроме того, все прибывшие с караваном были снабжены пись-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6943, 1882—1883, л. 39.
[2] Там же.
[3] Там же, д. 6938, 1881—1882, л. 155.
[4] Там же, лл. 155—156

мами к влиятельным ханам и кетхудам Мерва и Атекского оазиса.

Относительно результатов первого каравана начальник области в своем донесении писал, что он дал возможность «...ознакомиться с самим Мервом, численностью населения, производительностью, путями...»[1], ведущими к Мерву, и получить необходимые сведения о положении в оазисе, о местных политических силах и их расстановке. «В политическом отношении главные результаты посылки каравана, — писал начальник области, — заключаются в открытии доступа для частных русских караванов в Мерве и в разубеждении мервцев в недоступности их страны»[2].

При возвращении каравана из Мерва в Ашхабад с ним прибыло в центр Закаспийской области несколько туркменских торговцев. Один из них, Комек-бай, даже построил в Ашхабаде дом с лавками, с целью начать торговлю бухарскими товарами. Затем он отправился в Бухару с небольшим караваном, нагруженным железом и нефтью. Комек-бай был снабжен рекомендательными письмами к бухарскому куш-беги и торговой фирме братьев Каменских. Комек-бай предлагал организовать отправку караванов в больших размерах из Бухары через Мерв в Ашхабад[3]. Этот факт служит ярким примером того, как туркмены Закаспийской области и Мервского оазиса втягивались постепенно в торговлю на общероссийском рынке. О том, как стала налаживаться торговля с Мервом, говорят такие данные. За три-четыре месяца — с марта по июль 1882 г. — «десятью мервскими торговцами» было пригнано в Ашхабад на продажу до 4750 голов крупного рогатого скота и до 10 000 баранов и коз[4].

Русские промышленники получили возможность претворения в жизнь плана превращения оазиса в хлопковую базу текстильной промышленности, призывая жителей оазиса увеличить посевы хлопка. Генерал-лейтенант Рерберг в своем рапорте в главный штаб отмечал: «На Мервском базаре было объявлено народу о том, чтобы мервцы по возможности более сняли хлопка, который в Асхабаде будет иметь верный сбыт»[5].

В целях дальнейшего развития торговли и придания ей более устойчивого характера высказывались мнения о необ-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, 1881—1882, л. 213.
[2] Там же, д. 6946, 1882—1883, л. 1.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 2.
[5] Там же.

ходимости занять какой-либо пункт вблизи Мерва. Такого же мнения придерживался и генерал-лейтенант Рерберг, считавший, что подобная мера необходима не только для развития торговых отношений с оазисом, но также и «для противодействия иностранному влиянию в этой стране»[1]. Предполагалось занять Кара-Бент, откуда можно было следить за действиями английских агентов, а также держать более тесную связь с жителями Серахса, всей Тедженской долины и Мургабского оазиса.

Утверждение России в низовьях реки Теджен

Утверждение России в низовьях реки Теджен было подготовлено всем ходом развития событий в южной части Туркмении, происшедших в период с 1881 по 1883 г. Уже к началу 1883 г. жизнь района почти полностью находилась под контролем царского командования. Однако окончательного своего утверждения здесь Россия еще не достигла. Оно произошло в конце 1883 г. Объясняется это рядом обстоятельств. Прежде всего следует указать на такую меру, как укрепление позиций России в пограничных с Персией районах (хотя граница здесь была условной). Туркменские селения, расположенные между Ашхабадом и Тедженом, уже полностью находились в ведении закаспийской администрации. Занятия их произошло по желанию самого населения, искавшего защиты от нападений персидских феодалов и аламанщиков[2]. В туркменских селениях Атекского предгорья, а также низовьев р. Теджен, персидские власти стремились установить свое господство. Об этом сообщалось в письмах туркмен на имя начальника области. На это указывалось в донесениях чинов царской администрации, направлявшихся для сбора сведений о положении дел в этом районе. Однако, тедженские старшины, как на это указывает акад. М. Н. Тихомиров, вели двойственную политику[3]. Некоторые из них делали попытку наладить связи одновременно и с администрацией Закаспийской области, и с персидскими властями. Большинство же населения было на стороне принятия подданства России.

Царская Россия, учитывая создавшуюся в этом районе обстановку, не замедлила принять решительные меры, на-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6946, 1882—1883, л. 3.
[2] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 71.
[3] Там же, стр. 70.

правленные на окончательное утверждение своего господства в Тедженском оазисе. Было решено занять пункт Карры-Бент. Такая мера, по утверждению начальника Закаспийской области, была вызвана необходимостью усиления «фактического надзора за тем, что делается в Мерве, так и для противодействия иностранному влиянию в этой стране, а также для большего обеспечения на будущее время безопасности торгового движения...»[1]. Говоря о значении этого пункта, начальник области указывает, что пребывание русского отряда в Карры-Бенте даст возможность установить контроль над оазисом, так как пункт этот был расположен выше выхода из реки всех оросительных канав.

30 декабря 1883 г. в урочище Карры-Бент прибыл отряд русских войск. В тот же день начальник области телеграфно сообщил наместнику на Кавказе о занятии этого пункта, сыгравшего впоследствии весьма важную роль при осуществлении планов занятия Мерва.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 5159, л. 57.

ГЛАВА VII

УСИЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ПРОИСКОВ В МЕРВСКОМ ОАЗИСЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НИМ РАЙОНАХ В МОМЕНТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ МЕРВА К РОССИИ

Вопрос о Мерве, и обострение англо-русских империалистических противоречий

Мервский оазис стал привлекать внимание колонизаторов еще в 30-х годах XIX в., когда туркменские земли начали посещать британские военно-политические разведчики, направляющиеся сюда Ост-Индской кампанией[1]. Под видом купцов они проезжали по широким просторам Мургабского бассейна и часто заезжали в Мерв, ограничиваясь, однако, в ту пору лишь сбором наиболее важных сведений военного и политического значения, изучая дороги и возможности торговли. В 40-х годах XIX в. Мерв посетили с разведывательной целью английские военно-политические агенты Р. Шекспир (1840), Томсон (1843) и многие другие. Очень часто они стали появляться в Мерве и прилегающих к Южной Туркмении районах в течение 50—60-х годов. Этот период, как известно, характеризуется активизацией действий России в среднеазиатских ханствах.

В конце 70-х годов XIX столетия английские политические деятели и буржуазная пресса настойчиво призывали к завоеванию Средней Азии и превращению ее в колониальное владение Англии. Известно, что определенную роль в даль-

[1] Александр Борис и с ним ряд мусульманских купцов.

нейшем распространении английской экспансии в сторону Средней Азии сыграло соглашение, заключенное между Англией и Россией в 1873 г. По этому соглашению р. Амударья признавалась северной границей Афганистана, а все земли левобережья, независимо от того являлись они владениями Афганистана или нет, оставались за афганцами.

С 1878 по 1880 г. Англия вела вторую по счету войну с Афганистаном, которая закончилась поражением Англии. Однако, по Гандамакскому мирному договору за Англией остались завоеванные ею территории — Курам, Сибин, Пишин и право контролировать внешние сношения Афганистана. Английские агенты разъезжали по Афганистану в сопровождении военных отрядов. Все это использовалось Англией в целях подготовки к овладению Средней Азией. В Гандамакском договоре прямо указывалось, что Афганистан допустит на свою территорию войска Англии, «чтобы отразить иноземное нашествие». Под этим «иноземным нашествием» Англия имела в виду «угрозу ее владениям со стороны России». Под этим же предлогом английская разведка вела активную деятельность в сопредельных с Афганистаном странах, и в первую очередь, в Туркмении, где один за другим стали появляться английские военно-политические разведчики. Один из самых услужливых агентов англичан — Мирза-Аббас-хан, проживавший в одном из хорасанских городов, встретившись с английским полковником Мак-Грегором, угоднически рассказал ему, что у него особый способ исчисления времени. Так, например, 1872 г. он назвал «годом капитана Марша», 1873 г.— «годом полковника Бекера», 1874 г.— «годом капитана Нэпира», и он будет называть 1875 г.— «годом полковника Мак-Грегора»[1].

С еще большей откровенностью, чем Мирза-Аббас-хан, высказался Ч. Марвин, прямо указавший, что со времени завершения хивинской экспедиции 1873 г. не проходило года без того, чтобы английский офицер или кто-либо другой не продвигался вдоль туркменской границы от Серахса до Каспия. Все они вели подрывную деятельность против России и не только побуждали туркмен к сопротивлению русским, но и постоянными запросами — не хотят ли они принять английский протекторат — прямо намекали на помощь из Индии в борьбе против русского продвижения. Марвин открыто писал, что вплоть до дня осады Геок-Тепе текинцы ожидали офицеров из Кандагара, которые возглавили бы их движение против

[1] Мак-Грегор Хорасан (перевод с англ.), ч. I, СПб, 1882, стр. 194.

русских, а когда крепость уже была занята русскими, то в конюшне был найден прекрасный боевой конь, которого текинцы держали для ожидаемого английского генерала[1].

Оценивая агентурную и подрывную деятельность английских военно-политических разведчиков, рыскавших на туркмено-персидской границе, Марвин указывал, что если бы Бекер и Мак-Грегор, Нэпир и Батлер не появлялись на северо-восточной границе Персии, Россия была бы избавлена от целой серии туркменских кампаний. Визиты этих офицеров, по его утверждению, «стоили России миллионы рублей и сотен человеческих жизней...»[2]. По словам Марвина, этот исторический акт, который никогда должным образом не рассматривался даже самими русскими, говорит о том, что эти разведчики причинили огромный вред державе — сопернице[3].

Еще в 1869 г. известный английский публицист и разведчик Генри Роулинсон выступил в качестве глашатая «наступательной политики» на границах Индии. Под этим флагом английское правительство начало войну против Афганистана, следствием которой должно было быть присоединение к английским владениям не только Афганистана, но и всех земель до Амударьи, а также Мерва.

Период 70—90-х годов прошлого столетия характеризуется дальнейшим расширением политики колониальных захватов со стороны так называемых великих держав.

Опираясь на стратегически-важные пункты, приобретенные в Афганистане, английские империалисты рассчитывали дойти до Аральского моря, отторгнуть казахские земли и выйти к побережью Каспийского моря. В планы английских господствующих кругов входил также захват всех туркменских земель и, в первую очередь, Мервского оазиса. Захватив Мервский оазис, или по крайней мере установив свое непосредственное влияние на эту часть Туркмении, британские империалисты рассчитывали создать угрозу всем колониальным приобретениям России в Средней Азии.

В своем письме на имя военного министра от 24 IX 1880 г. генерал Скобелев писал: «...операционный план британских войск в 1878 г. угрожал нашим Среднеазиатским владениям большою опасностью». По сведениям, официально сообщенным российским военным агентом в Лондоне генерал-лейтенантом Горловым, «он заключался в намерении выйти правым

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6865, 1881, л. 1.

[2] Н. А. Халфин. «Присоединение Туркмении к России», стр. 339—370.

[3] Там же.

флангом к Файзабаду, а левым—к Герату»[1]. Сообщение генерал-лейтенанта Горлова подтверждается открытым признанием английского полковника Маллесона, который писал: «туркмены и безводные пустыни — суть лучшие союзники Великобритании. Удастся ли России уничтожить туркмен, или напротив того, Англия, заняв Герат, сделает из них наиболее прочных и верных союзников?»[2].

Английская дипломатия, в целях более тонкой маскировки, мотивировала свои действия и планы тем, что при движении русского отряда к Мерву, население оазиса начнет якобы уходить к Бадхызу (Герат), что вызывает опасение не только у Англии, но и у эмира Афганистана[3]. Прикрываясь «беспокойством за свои индийские владения», британское правительство предупреждало, что если Россия займет Мерв и граница ее подойдет к пределам Афганистана, это вынудит афганского эмира «к соединенному оборонительному действию с пограничными туркменскими племенами»[4]. Это значило, что еще в 1877 г. британские колонизаторы стремились использовать в своей борьбе против России силы не только Афганистана, но и туркмен. В письме от 17 июня 1877 г. русское министерство иностранных дел сообщило начальнику штаба генералу Гейдену о ноте английского посла в Петербурге, в которой он вновь напоминал об обещании князя Горчакова, данном в ноябре 1875 г. Горчаков говорил тогда, что Россия не пойдет на Мерв. В связи с этим, английский посол указывал в своей ноте, что движение русских войск в туркменских степях и занятие Мерва приведет к плохим последствиям. Он требовал от России воздержаться не только от занятия Мерва, но даже от приближения к нему.

В условиях обострения русско-английских противоречий, царское правительство, видимо, не нашло ничего лучшего, как постараться изобразить занятие русскими войсками Красноводска в качестве меры, вызванной будто бы необходимостью подавления волнений и разбоев среди местного населения.

Излагая свои дальнейшие планы, царское правительство разъясняло Англии, что Красноводский отряд будет наблюдать за ближайшими крепостями, и что занятие Мерва, который находится на расстоянии 1000 верст от Красноводска, не входит в планы России. Но это не мешало царскому правительству расширять район действия своих войск в Закас-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 4, 1880 г., л. 186.
[2] Там же, л. 187.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6899, 1877, л. 54.
[4] Там же, л. 56.

пийской степи. Конечной целью оно ставило овладение всей Туркменией, включая и Мерв. Не случайно поэтому в высших военных кругах России ахал-текинским экспедициям придавалось особенно важное значение. Так, например, генерал Скобелев считал, «...что ахал-текинская экспедиция не просто «экзекуция текинцев», а с точки зрения интересов России в Азии есть государственная необходимость»[1]. Это значит, что основной задачей России в Закаспийской степи являлось решение вопросов, связанных с окончательным присоединением всей Туркмении к Российской империи и овладение всеми землями, простиравшимися на огромной территории между Каспийским морем и Амударьей. Такова была главная и ближайшая задача, которую планомерно и с учетом всей обстановки царизм осуществлял в Туркмении в 70-х и первой половине 80-х годов прошлого столетия. В незамедлительном претворении в жизнь захватнических планов царизма в Туркмении были заинтересованы помещичьи и в особенности буржуазные круги России, давно мечтавшие о новых торговых путях, проложенных «...по побережью Каспийского моря...»[2].

Усилиями английских военных специалистов, политиков и журналистов среди широких кругов общественности страны было распространено мнение о том, что Мерв является ключом к Индии, и что перед тем, в чьих руках находится этот ключ, открывается самый удобный и легчайший путь к английским владениям. Отсюда английские политики и военные специалисты выдвигали вывод, что русских нельзя допускать в Мерв, так как он будет служить им опорным пунктом для последующего продвижения в Индию. Английская пресса подхватила эти утверждения и в течение долгого времени занималась усиленным их распространением, дабы оправдать тем самым экспансионистскую политику Англии в Азии.

Широким пропагандированием лживой версии о русской угрозе Индии занимались в Англии упомянутый выше Роулинсон, Мак-Грегор, Марвин и многие другие. Говоря о так называемой «научной границе» Англии в Азии, Генри Роулинсон требовал, чтобы России дали понять, что для нее есть еще время подумать «о необходимости изменить ее наступательные приготовления, заявив, что ей не позволят ни утвердиться на афганской границе, в Мерве, Серахсе или даже Абиверде, ни вести интриги» против английского владыче-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, 1880 г., л. 125.

[2] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии. М., ИВЛ, 1960, стр. 327—328.

ства в Индии. Россию, — продолжал Роулинсон, — нужно предупредить, что Англия готова на крупные материальные затраты для подрывной антирусской деятельности в Средней Азии[1].

К удивлению мировой общественности, по мере приближения русских к Мерву шумиха, поднятая английской прессой вокруг этого пункта и его значения, стала все больше ослабевать. Но, когда занятие Мерва русскими было осуществлено, английские газеты стали убеждать своих читателей, что присоединение этого оазиса к России было неизбежно. Англия, как сообщалось в русском журнале «Родина»[2], смотрела на этот факт совершенно спокойно. Правда, утверждение России в Мерве породило бурную реакцию в Англии[3]. Шумиха, поднятая английской прессой вокруг мервской проблемы, затихла, и английские империалисты должны были считаться с продвижением русских к Мервскому оазису, как с реальным историческим фактом.

Здесь произошло то же самое, что и в Ахале. Российский военный агент в Лондоне генерал Горлов писал в июне 1880 г. относительно позиций консервативной и либеральной партий в вопросе о продвижении русского отряда в Ахал-Теке. Газета «Таймс» поместила на своих страницах антирусские статьи. Неожиданное возбуждение газеты «Таймс», по словам генерала Горлова, объяснялась тем, что консервативная партия всячески стремилась раздуть в Англии вражду к России. Он писал: «теперь упрекают либеральное правительство за дружбу с Россией — худшим, как утверждают консерваторы, врагом Англии»[4]. Чтобы защититься от этого нападения, либеральная партия поручила своей газете нападать на Россию с целью показать обществу, что в такой же степени, как и правительство Биконсфильда, либералы зорко следят за движениями России в Азии. Эти статьи, по утверждению генерала Горлова, ни к чему не обязывали либеральное правительство.

Не распространяясь на анализе данного вопроса заметим, что буржуазная печать Англии, так усердно проповедовавшая ложную версию «о русской угрозе Индии» еще накануне присоединения Россией Мервского оазиса, вновь проявила себя как продажная буржуазная пресса. В вопросе о пропаганде

---

[1] Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря. СПб, 1880, стр. 28.

[2] Журн. «Родина» за 1884 г., № 6, стр. 65.

[3] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., «Наука», 1965, стр. 364.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 3, 1880, л. 109.

хода присоединения Ахала и Мерва к России наиболее отчетливо сказался характер эклектичности буржуазной печати. Однако, нельзя считать, что английская империалистическая буржуазия полностью смирилась с этим и оставила свои экспансионистские замыслы в отношении Средней Азии. Наоборот, под предлогом «вынужденной обороны Индии» английские экспансионисты сосредоточили теперь внимание на упрочении своего положения в Афганистане, который должен был стать опорной базой Англии на Востоке. Используя эту базу, английские империалисты предполагали овладеть долиной Мургаба, а затем опираясь на этот пункт, нанести удар России на Среднем Востоке. Именно поэтому Мак-Грегор[1], Роулинсон[2], Ч. Марвин[3] и другие глашатаи британской агрессивной политики в своих объемистых сочинениях продолжали всячески превозносить значение Мерва, изображая его как важнейший в Центральной Азии стратегический пункт.

Продолжали они в соответствии с этим и раздувать страсти вокруг «Мервского вопроса», искусственно нагнетая страх перед Россией. Венский корреспондент газеты «Стандарт» передавал письмо некоего персидского государственного деятеля, в котором последний излагал свое отношение к русской политике в Средней Азии. По его мнению, занятие Мерва нужно русским для того, чтобы превратить его в «складочное место оружия» и идти затем в Индию. Успешному осуществлению этих планов способствует, как утверждал автор указанного письма, распространившаяся в последние годы среди туркмен версия о том, что им, туркменам, достанется при этом богатая добыча. Именно «эта надежда богатой наживы, давно лелеемая туркменами, больше способствовала «умиротворению их...»[4], а надежда эта, в их представлении, связывалась с успехами русских. Мнимый автор «письма» упрекал английское правительство в том, что оно оставило Персию на произвол судьбы и либо не желает, либо не в состоянии остановить наступательное движение России. Страхом перед «казацкой пикой» на вершинах Гималаев проникнута книга А. Гамильтона «Афганистан», вышедшая уже в начале XX в. Россия изображается в ней как агрессивная держава, которая, пользуясь английской «бездеятельно-

---

[1] «Сб.... материалов по Азии», вып. 4. 1891. Мак-Грегор. Оборона Индии, ч. 1—2.

[2] Н. А. Халфин. «Присоединение...», стр. 22.

[3] Там же, стр. 23.

[4] Журн. «Родина» за 1884 г., № 9. стр. 102—103.

стью», делает медленные, но твердые шаги[1] на Востоке, в результате чего опасность с ее стороны угрожает Афганистану. Овладев Мервом, Россия через Ардеванский проход подойдет не только к Герату, но и к Кандагару. По заявлению Гамильтона, Россия подготовила уже все необходимое для переправы на афганский берег.

Подтянув подкрепления из Мерва и опираясь на такие главные базы для военных операций, как Кушка, Пенде, Такур-Сенги, Кала-и-Хумб, Чушка-Гузар, Келиф и Термез, она, мол, может напасть в любое время на Северный Афганистан[2]. Под предлогом надвигающейся опасности английское правительство стало открыто укреплять северные районы Афганистана, задабривая афганскую правящую клику огромными субсидиями; строились большие крепости, укреплялась цитадель Герата. Гамильтон пугал английских читателей не только «казацкой пикой», но и торговой конкуренцией России. Он писал, что русские торговцы стали полными хозяевами на Хорасанском рынке. Британская торговля не в силах с ними бороться, и «русское торговое влияние... грозит низвести Сеистан до положения коммерческой базы, откуда Индия может быть атакована русской мануфактурой»[3].

В числе важнейших мер, осуществление которых необходимо для предотвращения «русской опасности», А. Гамильтон предлагал провести железную дорогу до Кандагара. Он писал: «Если Кандагар будет соединен железной дорогой с Индией и Афганистан будет нашим союзником, а Персия будет свободна от влияния России и зависима от Англии, то наше положение в Средней Азии будет так сильно, что оно отразит все будущие проявления русской деятельности на Среднем Востоке[4]». Совершенно очевидно, что все это говорит о далеко идущих экспансионистских планах британского империализма.

Искусственно раздутая шумиха об «обороне Индии» служила для английской буржуазии той дымовой завесой, под прикрытием которой она стремилась любыми средствами подчинить своим интересам Афганистан, превратить бассейн Амударьи в свою опорную базу и установить свое колониальное господство во всей Средней Азии. Отсюда и непомерный шум вокруг Мерва, поднятый английской буржуазной прессой о его якобы исключительном значении в страте-

[1] А. Гамильтон. Афганистан (перевод с англ.), СПб, 1908, стр. 9.
[2] Там же, стр. 24.
[3] Там же, стр. 82.
[4] Там же, стр. 86.

тических планах России. Англо-индийские власти ни на один момент не выпускали из поля зрения широкие просторы туркменских степей и постоянно засылали туда военно-политических разведчиков, которые должны были своей подрывной деятельностью подготовить условия для вторжения сюда в дальнейшем английских колониальных войск.

Попытки британской разведки создать заслон русскому продвижению

Стремясь превратить Мерв в серьезный барьер для русского продвижения, британские правящие круги стали практиковать переброску военно-политических разведчиков непосредственно в этот район. Первоначально переброска осуществлялась поодиночке, а затем, к моменту присоединения Мерва к России, небольшими группами на сравнительно большой срок. Одним из первых сюда был переброшен Эдмунд О'Донован. Это было в феврале 1881 г. Момент был выбран более чем удачно. С одной стороны, в Мерв продолжали прибывать беженцы из Ахал-Текинского оазиса, а с другой, здесь все более усиливались брожение и разлад. Все это благоприятствовало деятельности О'Донована и позволило ему вначале сравнительно легко добиться известных успехов. Попал О'Донован в Мерв без особого труда и по существу даже там не скрывал своих намерений.

Царское командование запретило иностранным корреспондентам посещать Ахал-Текинский театр военных действий. О'Донована, выдававшему себя за корреспондента одной из лондонских газет, также было отказано в посещении этого района. Но это нисколько не смутило его. Он продолжал оставаться в северных пограничных районах Ирана, деятельно готовясь к переброске в Мерв.

Выехав из Астрабада в направлении Дерегеза, О'Донован перебрался оттуда в Келат. В течение 23 дней он находился в «гостях» у местного ильхани Бебуд-хана, а затем двинулся в сторону Серахса и уже оттуда в Мерв. Здесь он встретился с Каджар-ханом, считавшимся в то время ханом Мерва. С ним О'Донован был более чем откровенен и не замедлил раскрыть карты. По его настоянию часть мервской знати, придерживавшаяся английской ориентации, стала организовывать достройку крепости Коушут-хан-кала и вооружать население оазиса. Организована, предложенная О'Донованом система стражи, учреждена должность ее главного

начальника ясаул-баши[1]. В распоряжение последнего была передана сотня всадников. Меры, предпринятые по прибытии О'Донована в Мерв, говорят о попытке английского «корреспондента» установить более совершенную форму управления оазисом, подчинив его интересам «обороны» от русских[2]. По признанию самого О'Донована идея создания централизованной, так называемой полицейской стражи принадлежала ему, впоследствии состав был доведен до 1000 человек. «Люди эти были переселены по приказанию обоих ханов в Мерв из окрестностей и, живя в привезенных ими с собой кибитках на пространствах дугою реки Мургаб и стенами новой крепости, обязаны были являться по первому требованию ясаул-баши»[3], — указывалось в одной из статей, опубликованных на страницах журнала «Военный сборник».

Укрепление Коушут-хан-кала стало приобретать вид настоящего оборонительного пункта, хотя с военной точки зрения О'Донован и находил расположение крепости неудачным. По его же настоянию ежедневно 6—7 тыс. человек работали по ремонту и достройке крепости. За укрепление крепости и все связанные с этим работы несли ответственность ханы утомышей и тохтомышей — Баба-хан и Аманнияз-хан, руководствовавшиеся в основном указаниями того же О'Донована. По утверждению поручика Назирова, он платил рабочим за работу у крепости Коушут-хан-кала[4].

Большое значение придавалось укреплению и других крепостей. С этой целью О'Донован произвел осмотр развалины старого укрепления Порсу-кала, а также холмов Геок-Тепе и Марма-хан-тепе. Во время таких разъездов, специально предпринимавшихся для осмотра местностей, О'Донована сопровождали некоторые из мервских ханов. Подробнейшие сведения о географическом положении Мервского оазиса наносились на карту. О'Донованом подготовлены кроки Мерва. В подлиннике они попали в руки Российского торгового агента в Мешхеде, который затем передал их инженеру Лессару.

---

[1] Ясаул-баши обязан был оказывать помощь ханам во всех мероприятиях, проводившихся в оазисе, согласно решениям меджлиса—совещательного органа мервцев.

[2] Иззот-Усто, посетивший Мерв летом 1881 г. сообщил подробно о том, как О'Донован призывал ханов привести в порядок артиллерию и укрепить крепость, а содержание войск он брал «на свой счет». См. об этом ЦГИА УзССР, ф. л. I, оп. 34, ед, хр. 509, л. 47.

[3] Журн. «Военный сборник» за 1881 г., № 11, стр. 200.

[4] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 180, 1881—1883, л. 125.

В начальный период своей деятельности О'Донован пользовался доверием у некоторой части Мервской знати. Выдавая себя за лицо, уполномоченное на посредничество между туркменами и английским правительством, он обещал им поддержку со стороны Англии не только деньгами и оружием, но и войсками, если они организуют выступление жителей против русских.

Ханам — правителям Мерва, О'Донован советовал не возвращать русским властям Кидяева, настаивал на том, чтобы они продали ему этого русского пленного для отправки в Англию[1]. Отдельным ханам, вернувшимся в Мерв после падения Геок-Тепе, он советовал не возвращаться в Ахал. В числе таких ханов был и Махтум-Кули-хан. О'Донован склонял его на английскую службу.

Такова была та кипучая деятельность, которую О'Донован с первых же дней своего пребывания в Мервском оазисе развернул здесь в целях подготовки выступления против России. Влиятельная английская газета «Дейли Ньюс» систематически помещала на своих страницах письма О'Донована из Мерва[2], которые не оставляют ни тени сомнения в его антирусской деятельности. Среди населения стали распространяться различные слухи. Говорили о том, что О'Донован выставил на базаре значок, утверждавший, что крепость Мерв принадлежит англичанам. Рассказывал об этом торговец Машгай, посетивший в то время Мерв. Тот же торговец доставил в Ашхабад письмо на имя русских властей от Юсуп-хана[3], который сообщал, что англичанин (очевидно О'Донован) предлагал мервским текинцам стать нукерами[4] Англии. Этот же англичанин заверял жителей оазиса, что Англия не будет брать денег с туркмен, что русских она не допустит в Мерв[5]. Усиленно распространяя подобные слухи, О'Донован смог привлечь на свою сторону, хотя и ненадолго, известную часть населения оазиса.

Судя по архивным данным, а также по опубликованным источникам, февраль и март 1881 г. были временем наиболее активной деятельности О'Донована в Мерве и наибольших успехов. После этого от О'Донована стали отхо-

---

[1] ЦГВИА, ф. ФУА, д. 6935, 1881—1883, л. 62.
[2] «Военный сборник», I 11, 1881.
[3] Впоследствии царский офицер.
[4] В смысле войск.
[5] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. 1, л. 290.

дить его сторонники и единомышленники. Стало известно, что часть населения оазиса, намеревавшаяся откочевать в пределы Персии и Афганистана, отказалась от этой затеи и решила заняться по-прежнему своим мирным трудом. Это обстоятельство, по-видимому, положило начало разрядке атмосферы в Мерве. Когда для большинства жителей стало ясно, что происки английского агента имеют своей целью спровоцировать туркмен на кровопролитную войну с Россией, чего не скрывал и сам О'Донован, то он потерпел полный крах. В этих условиях О'Донован, по приказанию своих хозяев из Мешхеда и Тегерана, поспешил ускорить свой отъезд. Однако та часть мервской знати, которая была враждебно настроена по отношению к России, продолжала вплоть до самых последних дней прямо или косвенно, открыто или тайно поддерживать О'Донована. Преследуя свои узкокорыстные цели, эта часть господствующей верхушки не решалась окончательно разорвать свои отношения с «представителем» британской короны. На «торжественные» проводы, о которых О'Донован хвастливо писал в своей книге «Оазис Мерв», прибыли Каджар-хан, Баба-хан, Аманниаз-хан, Довлет-Назар-бек и главарь мервских аламанщиков Меред-Али. Был здесь также и Махтум-Кули-хан. Они снабдили О'Донована конвоем, состоявшим из 20—30 всадников, которые во главе с Каджар-ханом сопровождали его до Мешхеда, где у правителя Хорасана была разыграна комедия передачи «пожелания» мервцев стать иранскими подданными[1]. Зная, что прибывшие в Мешхед всадники вовсе не уполномочены вести переговоры, правитель Хорасана отправил часть «депутации» обратно, поручив им «посоветоваться с обществом».

На пути в Тегеран О'Донован заехал в Решт и посетил русского консула Власова, которому сообщил много любопытного о Мерве и о своем пребывании среди туркмен. При этом он договорился до того, что туркмены, якобы, все свои надежды возлагают на покровительство и заступничество Англии. Как сообщал Власов, английский «посредник» показал ему «прошения» мервских ханов. Однако в ходе беседы О'Донован вынужден был признать действительное положение в Мерве. Он отметил, что большинство населения высказывает желание подчиниться России. Именно поэтому враждебные России ханы, по его словам, просили О'Донована ускорить свой отъезд в Лондон, чтобы передать великобританскому правительству их ходатайство о принятии мерв-

[1] Подр. об этом см.: М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 105.

ского населения под защиту Англии. Английский эмиссар признал также, что письмо мервских старшин на имя английского правительства составлено было по его же инициативе.

Генерал Скобелев в своих письмах упоминал о том, что индийские власти опекают деятельность О'Донована в Мерве, а вице-король Индии с нетерпением ждал его сообщений. По возвращении из Мерва жил у английского агента Мирза-Аббас-хана. Через него же доставлялись письма и газеты в период пребывания его в Мерве[1]. Аббас-хан был хорошо известен в Мерве. У него был здесь частный агент Ходжа-Кули, который обеспечивал доставку в Мешхед подробных сведений о положении в оазисе. Когда же Ходжа-Кули был заподозрен в связях с англичанами и в Мерве стали перехватывать письма английских агентов, то эту функцию стал аккуратно выполнять некий Голам-Реза.

10 августа 1881 г. лондонские газеты с удовлетворением сообщили об «освобождении» мервского корреспондента «из туркменского плена» и о прибытии его в Мешхед[2]. Через некоторое время на страницах английских газет была опубликована телеграмма, извещавшая своих читателей о прибытии О'Донована в Константинополь. Газеты сообщили также о том, что О'Донован привез с собой «поручение» от населения Мерва быть их посланником при европейских государствах. Сообщалось также, что О'Донован везет «прошение» за подписью мервских старшин оказать им «содействие» в борьбе против замыслов России. Явно преувеличивал и искажал он в выгодном для английских захватчиков духе сведения о планах России по отношению к Мерву. Вместе с тем пресса Англии всячески стремилась приукрасить и оправдать позорную историю с миссией О'Донована. На страницах английских газет дело изображалось таким образом, будто он случайно очутился в Мерве и «попал» к туркменам в плен. Все это было заведомой фальшью. Поставленная перед ним задача заключалась в том, чтобы подготовить упорное сопротивление населения Юго-Восточной Туркмении русскому продвижению в Мерв. Для осуществления этой задачи О'Донован должен был склонить на сторону Англии господствующие круги Мерва. И он делал все возможное для того, чтобы добиться этих целей, пустив в ход такие испытанные

---

[1] ЦГВИА, ф. 400. Гл. шт. Аз ч. д. 45, 1882—1887, л. 105. Этот факт подтверждал и Каджар-хан. См. протокол следствия, произведенного в Ашхабаде по делу Сиях-Пуша.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, 1880—1881, лл. 448—452.

средства, приемы и методы британских колонизаторов, как подкуп, шантаж, интриги, разжигание межфеодальной и межплеменной розни, создание конфликтов путем натравливания туркменских аламанщиков на персидские пограничные районы.

Деятельность О'Донована в Мерве не оставляет ни тени сомнения в том, что он специально был переброшен в Мерв англо-индийскими властями, а его действиями в Мерве руководил полковник Стюарт. Под видом частного лица О'Донован выполнял задание английской агентурной группы, орудовавшей тогда в северных районах Персии и Афганистана. Прав поручик Назиров, который утверждал, что О'Донован специально пробрался в Мерв с целью: «...в случае движения русских на Мерв, воздвигнуть им на этом месте второе, более грандиозное Геок-Тепе»[1].

Однако переброска О'Донована в Мерв, попытки англо-индийских властей организовать сеть разведывательных постов, при помощи которых можно было бы создать надежный заслон в Туркмении, не увенчались успехом.

Авантюра О'Донована и его англо-индийских покровителей окончилась полным провалом. Но британская разведка на этом не успокоилась. Она стала искать новые пути и способы переброски других своих агентов в Мерв. Всей этой операцией руководил в основном полковник Стюарт. Постоянно разъезжая по пограничным с туркменскими землями районам, Стюарт собирал огромное количество сведений военного, экономического и политического характера, составлял подробное описание границ, производил съемки наиболее важных в стратегическом отношении мест[2]. Русский посланник в Тегеране Аргиропуло, говоря о поездке полковника Стюарта в северные районы Персии, в своем донесении приводил примеры, характеризующие враждебную России деятельность полковника Стюарта, склонявшего переселенцев Хивинского ханства к антирусским выступлениям[3].

Уже в конце июля 1883 г. русский консул Мельников сообщил в министерство иностранных дел, что Стюарт, «временно проживавший» в тот момент в Мешхеде, открыто

---

[1] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 180, 1881—1883, л. 125.

[2] «Сб. материалов по Азии» ,вып. XXI за 1885 г. Доклад полковника Стюарта «Долина Герата и персидская граница от Герируда до Сеистана», стр. 158.

[3] По сведениям Аргиропуло, Стюарт склонял вождей племен Агдарбенди и Амгани к переселению в Герат. Эти племена известны под наз-

распространял среди жителей различные антирусские слухи. Широкое хождение среди населения получил, в частности, слух, согласно которому все европейские государства настаивают будто бы на том, чтобы Россия очистила Ахал-Теке. Распространение подобных слухов направлено было на то, чтобы вызвать волнение среди туркмен Ахала и Мерва.

В июле 1883 г. Стюарт прибыл в Дерегез, где действовал его подручный — персидский подданный Гаджи Али, через которого он настраивал местное население, особенно духовенство, против России.

Весной 1883 г. шахский министр Мирза Сеид-хан в своей беседе с Мельниковым заверял русского посланника в том, что в случае поездки Стюарта в Хорасан, персидские власти будут вести строгий надзор за действиями этого английского агента, и что об этом разослана специальная инструкция пограничным властям. Однако не прошло и нескольких месяцев, как генерал Комаров писал в Тифлис о том, что английский полковник Стюарт продолжает по-прежнему свою деятельность в качестве военно-политического агента.

С деятельностью полковника Стюарта связана переброска О'Донована, а затем и целой группы английских агентов в пределы Южной Туркмении.

Усиление антирусской деятельности английских агентов к моменту присоединения Мерва к России

Ровно через год после отъезда О'Донована из Мерва, в конце августа 1882 г., в пределах Мургабской долины появилась хорошо замаскированная, тщательно укрытая под религиозной вывеской, группа английских агентов, руководимая «дервишем» по имени Сиях-Пуш («Черноризец»). Группа эта, состоявшая из нескольких человек[1], также стала вести антирусскую пропаганду среди туркмен, но делала это гораздо более утонченно.

С первых же дней своего пребывания в Мерве Сиях-Пуш выдавал себя за факира. О нем распространялись самые различные версии.

ванием «ургенджи». Летом 1882 г. «ургенджи» в числе 1000 кибиток переселились в Герат.

[1] Сиях-Пуш — он же Шер-Али, Сеид-Сиях-Пуш, Сеид-Шах-Джи, Сеид-Шах-чи (настоящее его имя так и осталось невыясненным), Ахмед-шах, Султан Махмуд I, Ахмет-Кули

На своих собеседников он, по-видимому, умел производить впечатление. Некоторые из жителей Мерва прямо заявляли, что они глубоко убеждены в том, что Сиях-Пуш — это мусульманский фанатик, пожертвовавший своей жизнью в поисках истины, что его деятельность связана с именем Махди[1], который должен явиться скоро для восстановления справедливости. Прикрываясь флагом «махдизма», Сиях-Пуш старался увеличивать число своих приверженцев и добиться утверждения своей духовной власти в пределах всего оазиса.

Для достижения своей цели Сиях-Пуш и его группа вела довольно широкую религиозную пропаганду. По своему содержанию она напоминает известное на Востоке религиозное учение махдизм. Сиях-Пуш в своих прокламациях внушал населению, что согласно священной книги, в XIV веке Хиджри будто бы должен придти на землю Махди[2], который уже родился и появится среди людей лишь через 27 лет. До его появления Сиях-Пуш будет халифом. В одном из его воззваний говорится, что он, Сиях-Пуш, поднял знамя ислама. Кто предан исламу, тот не должен сомневаться в этом, и все мусульмане должны объединиться под его знаменем при появлении имама Махди Проповедь Сиях-Пуша приобрела политическую окраску в соответствии с теми целями, которые ставили перед его группой англичане. Он писал: «Когда я буду халифом, англичане и персияне, афганцы и турки будут мне помогать, а если русские станут нападать на Мерв, я им сам напишу и удержу их»[3]. В течение полутора лет, с сентября 1882 г. по март 1884 г., эти «воззвания», с их туманно-выраженным, но политически весьма определенным содержанием, распространялись среди населения. Учение махдизма не получило среди туркмен широкого распространения. Видимо, никто из жителей Иолотани, откуда он проник в Мерв, не желал оказаться жертвой немыслимой затеи. Через 5 месяцев после своего приезда в Иолотань, он был посажен Сары-ханом в яму. Ореол «божественности Мансура», который всячески рекламировался его сторонниками, постепенно рассеивался Вскоре Сиях-Пуш и его сообщники из «дервишской» группы пробрались в Мерв. Сары-хан писал: «Некто неизвестной самоличности Сиях-Пуш, как человек,

---

[1] Махди — мусульманский пророк. См. М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 105.

[2] Соответствует октябрю 1882 г.

[3] ЦГВИА, ф. 400, Гл. Шт. Аз, ч. д. 45, 1884—1887, л. 23.

возбуждающий смуты и раздоры, взят отсюда Каджаром, который обещал Сиях-Пушу совершить восстание посредством некоторых дурных и злых людей и действовать с ними заодно. Из наших жителей никто к нему в товарищи не поступил»[1].

Каджар-хан действительно весьма активно проявлял свою привязанность к новоявленному «имаму», с исключительным рвением оказывая ему всяческую поддержку. Сиях-Пуш вел обширную переписку с влиятельными людьми оазиса.

В своих письмах он обещал удержать русских, если они попытаются двигаться в пределы оазиса. Сиях-Пуш неизменно убеждал своих собеседников, что в случае объявления священной войны врагом мусульман останется одна Россия, «остальные государства связаны взаимной дружбой»[2].

Сиях-Пуш постоянно держал связь с английской разведкой. Об этом свидетельствует письмо некоего Абдул-Азиза, в котором последний просил Саид-Шаха-Джи[3] сообщить ряд важных сведений о туркменах, и прежде всего об их отношениях к так называемому «газавату» — «священной войне». Он также рекомендовал Сиях-Пушу повидаться с пятью главными лицами среди туркмен и сообщить им об Абдул-Азизе[4].

Имеющиеся документальные материалы показывают, как Сеид-Сиях-Пуш осуществлял планы подготовки жителей Мерва к «восстанию». Далее автор письма уверяет, что Сиях-Пушу в скором времени будут доставлены деньги и просит не «беспокоиться по этому вопросу», а заниматься проповедями и наставлениями, склоняя народ к «джихад-фи-Себилуллах» и «...стараться собрать народ», обеспечив его «готовность к делу».

Упомянутое нами письмо Абдул-Азиза представляет несомненный интерес. Стиль, манера изложения, тон письма, подпись на самом письме и на конверте, поставленная по-латыни — все это наводит на мысль, что оно написано старшим по чину, в подчинении и под контролем которого находился

---

[1] Под текстом 4 подписи: 1. Сары-хан, 2. Мухаммед-Баги Халифа-оглы. 3. Нияз Берды Куллар Агасы. 4. Аман-Кылидж-бек. Письмо датировано 12 марта 1884 г. См.: ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт. Аз. ч., д. 45, 1884—1887, л. 5.

[2] ЦГВИА, ф. 400, Гл. Шт. Аз. ч., д. 45, 1884—1887, л.71.

[3] Афганское прозвище Сиях-Пуша. Видимо, с целью сохранения инкогнито.

[4] ЦГВИА, ф. 400. Гл. шт. Аз. ч., д. 45, 1884—1887, л. 42.

Сиях-Пуш. Абдул-Азиз, как видно из письма, был вполне знаком с политическим положением в Мерве.

В период пребывания в Мерве, члены группы постоянно испытывали материальные затруднения. Денежные средства на содержание своей группы, а также на подкуп мервских ханов Сиях-Пуш получал от своих мешхедских хозяев[1].

В письме, написанном на туркменском языке на имя Каджар-хана, сообщалось, что из Хафа запрашивали сведения о положении в Мерве, напоминалось о том, чтобы он сообщил о причинах молчания Дурды Ходжи[2]. Автор напоминает Каджар-хану о его обязательствах перед какой-то личностью, проживавшей в то время в Хафе. Он строго предупреждал Каджар-хана, что из некоторых соображений необходимо «постараться всякими мерами, чтобы никоим образом не попали в руки русских письма, посланные раньше как от автора письма так и из Хафа»[3]. Каджар-хану предлагалось отправить полученные им письма обратно к Мирзе-Аббас-хану[4].

Из Мешхеда на имя Каджар-хана и участников группы Сиях-Пуша приходили письменные инструкции.

Сиях-Пуш вел переписку с афганским джернейлем в Пенде, с Эюб-ханом, посылал письма турецкому посланнику в Тегеране, даже Бухарскому эмиру. В доставке на места назначения всех этих писем большую услугу Сиях-Пушу оказывал Каджар-хан.

Жажда власти заставила Каджар-хана втянуть в сети английской разведки своих родственников — Молла-Мухаммед Рахима и Ораз-Клыча, слывшего в Мерве известным аламанщиком. Они оказывали в свое время помощь О'Доно-

---

[1] По всей вероятности, Мирза-Аббас-хан

[2] ЦГВИА, ф. 400, Гл. Шт., Аз. ч. д., 45, 1884—1887, лл. 98—99. В письме указывается, что исходя из соображений конспирации, на них не будет ставиться печать, и что подпись автора заменяется условным обозначением « عاى ». Тот же « عاى » от имени Аббас-хана пишет мерву Дурды Ходжа о том, будто Аббас-хан слышал об аресте Каджар-хана и о переводе его в ашхабадскую тюрьму: «Для предупреждения Вас, на всякий случай — нам пишут сообщить Каджар-хану, чтобы никоим образом не попали в руки русских писанные раньше своего письма как ему, так и Дурды Ходжи. Если действительно Каджар-хан отправлен в Асхабад, то об этом сообщить ему туда, в противном случае в Мерв».

[3] Там же.

[4] Там же, л. 98. Судя по тону и стилю вышеуказанных писем можно предположить, что их написал кто-либо из сподручных английского агента Мирза-Аббас-хана.

вану и были связаны с Мирзою Аббас-ханом, персидским принцем Рукн-эд-Доуле и другими агентами англичан.

В апреле 1884 г. майор Махтум-Кули-хан сообщил о том, что в Мухаммед-Абаде некий Гаджи-Али служит английским агентом и что этот «Гаджи-Али передал дерегезскому жителю Магомет-Гасану, находящемуся в Магомет-Абаде армянину — шушинскому жителю Михаилу Артемову Асатурьянц два письма: одно на имя Каджар-хана, другое — мервца Дурды-Ходжа, для доставки их в Мерв. Оба эти письма были вложены в один пакет»[1]. Пакет этот Асатурьянц передал Махтум-Кули-хану, а тот, в свою очередь, направил его ашхабадскому начальству. Во время следствия по делу Сиях-Пуша, Дурды-Ходжа признал, что он имел переписку с Дерегезом. Служил он Сиях-Пушу с таким же усердием, как и в свое время О'Доновану.

Приведенные сведения, а также некоторые архивные документы проливают свет на тот момент деятельности Каджар-хана и Дурды-Ходжи, о котором говорилось выше. Можно предполагать, чт таинственный « علی » означал имя Гаджи-Али, действиями которого руководил английский полковник Стюарт.

В качестве курьеров и пособников, помимо Каджар-хана, использовались также рядовые туркмены— жители северных провинций Персии, Афганистана, немало курдов, белуджей, хезарейцев, крестьяне из числа жителей Чар-Вилайета. Все они служили слепым орудием в руках английских агентов. Политически неискушенные, забитые, абсолютно неопытные в сколько-нибудь сложных вопросах общественной жизни, местные крестьяне не в состоянии были быстро ориентироваться в создавшейся обстановке и потому в какой-то мере поддавались различным провокационным слухам, сознательно распространявшимся английскими агитаторами, позволяли подчас втягивать себя в их махинации и подрывную антирусскую деятельность.

Очень показателен в этом отношении отчет дипломатического чиновника Чарыкова о его поездке в Теджен. В этом отчете Чарыков говорит, что джигит из конвоя рассказывал свои впечатления о силе афганцев. Последние, говорит джигит, получают от англичан большие деньги, за что дали им слово не пропускать русских[2]. Аналогичные суждения были

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док.», ч. 2, л. 144.

[2] «Сб... материалов по Азии». Н. В. Чарыков. Описание поездки по берегам р. Теджена-Герируда, стр. 148.

широко распространены среди жителей оазиса. Реакционное духовенство всячески способствовало разжиганию вражды к гяурам, то есть к русским.

Местные жители верили в «божественность» Сиях-Пуша, этого «черноризца», закутавшегося для маскировки с головы до ног в черное одеяние. Многие признавали его «пиром». Его «мюриды» в восторге писали своему «Мансуру», что слухи о нем дошли до Меана и Чаача[1]. Но когда этот главный «дервиш» и «корифей» стал распространяться на политические темы, то многие стали отходить от него.

Наиболее влиятельная верхушка Мерва, искавшая включения Мерва в состав какого-либо сильного государства, видела в этом лишь личную выгоду, с недоверием относилась к Сиях-Пушу. По словам Мулла-Мухаммед-Рахима, влиятельный в Мерве Молла-Тюра отказался написать ответное письмо Сиях-Пушу, говоря, что «и русских надо бояться»[2]. Эти слова Молла-Тюра выражали взгляды определенной части населения оазиса, прежде всего — известных кругов его знати. Между тем, Сиях-Пуш, находясь в заключении в Иолотани, продолжал собирать и передавать сведения о положении в Мерве своим покровителям из Лондона. Члены группы Сиях-Пуша постоянно получали информацию от Дурды-Ходжа. В одном из своих писем он писал: «Со стороны Ахала, Хивы, Чарджуя, Бухары, Самарканда и Туркестана пока никаких сведений, заслуживающих сообщения, не имеется»[3]. Дурды-Ходжа сообщал[4] англичанам все интересующие их сведения, например, о мерах по сбору нукеров, о переселении жителей в район плотины под предлогом якобы борьбы с аламанством и т. д. Сообщал он и о поездке Баба-хана в столицу России[5] будто бы с целью привести оттуда русского начальника и о положении на Сырдарье, где назревает, согласно его информации, конфликт с Китаем. Но наибольшее внимание он уделяет положению в Мерве. По его сообщениям, здесь «каждый имеет свой отдельный взгляд». В секретном письме, полученном будто бы от некоего Сефирек-хана, последний, как сообщает Дурды-Ходжа, советует ему приложить усилия к тому, чтобы склонить народ Мерва к принятию покровительства Англии. Дурды-Ходжа со своей стороны заверил Сефирек-хана, что он всегда склонял туркмен к принятию

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт. Аз. ч., д. 45, 1884—1887, л. 37.
[2] Там же, л. 23.
[3] Там же, л. 144.
[4] Там же, лл. 143—144.
[5] Речь идет, видимо, о попытке Баба-хана поехать в Ташкент.

английского подданства, и что «общий дух» в этом отношении в Мерве благоприятен для Англии. Обо всем этом он просил передать своему «обнадежнику», указав, что будет ожидать от адресата письма два раза в месяц—одно с караваном, другое — с нарочным.

Антирусская деятельность англичан, бесспорно, сказывалась на положении в Мерве. По словам Аба-Он-Беги «брожение» в Мерве было вызвано пребыванием там англичан, «которые говорят народу, что англичане готовы вступить с мервцами в те же отношения, которые предлагают им, мервцам, со стороны русских»[1]. По сведениям инженера Лессара, «...после нападения на топографа, неспокойная партия в Мерве подняла голову...»[2] В этих условиях Сиях-Пуш должен был организовать открытое выступление туркмен против русских. Но планам этим не суждено было осуществиться.

Сложившаяся в Мервском оазисе в 1883 г. внутриполитическая обстановка и развернувшиеся там события не дали возможность им организовать крупное выступление против русского продвижения. В ходе осуществления некоторых мер, таких, как упрочение позиции России в Атекском предгорье, утверждение ее в Теджснском оазисе, установление и укрепление взаимоотношения России с Мервом, царское правительство добилось ослабления политического накала, роста сил русской ориентации и изоляции в самом Мерве антирусски настроенных элементов, действовавших по указке английских военно-политических разведчиков и их подручных.

Обстановка, создавшаяся в Мерве, более чем благоприятствовала осуществлению царской Россией следующего шага в Южной Туркмении — овладению землями в долине реки Мургаб.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6946, 1882—1883. л. 83.

[2] Там же. Здесь речь идет о нападении в ноябре 1882 г. на топографа Парфенова.

ГЛАВА VIII

ВХОЖДЕНИЕ МЕРВСКОГО И ИОЛОТАНСКОГО ОАЗИСОВ В СОСТАВ РОССИИ ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ

Итоги подготовительных работ, проводившихся царским правительством в период с 1881 по 1883 гг.

Среди множества самых разнообразных мер, проводившихся царским правительством по обеспечению присоединения Мерва, следует указать на практику привлечения ханского правительства Хивы в дело развития взаимоотношений России с населением долины реки Мургаб.

Указанную меру трудно отнести к числу главных и наиболее эффективных. Наоборот, она носила характер второстепенных, дополнительных мер. Тем не менее она оставила заметный след в развитии русско-мервских отношений. Любопытно отметить, что идея осуществления такой меры была «подсказана» не «сверху», как это случалось прежде, а ходом событий, «снизу», благодаря создавшейся в Мерве общей обстановки.

Решение было принято сразу же после появления в 1881 г. туркменской «депутации» в Хиве, которую возглавлял Кара-Кули-хан.

Население Мервского оазиса обращалось к хивинским властям с просьбой оказать содействие в принятии подданства России. С просьбой взять мервцев под покровительство России «депутации» туркмен появлялись также в Петро-

Александровске. В обоих случаях это было выражением стремления населения Мервского оазиса стать подданными России.

Амударьинский отдел (с центром в Петро-Александровске), служил как бы связующим звеном между Мервом — с одной стороны и русско-хивинскими властями — с другой.

Хан Хивы, после соответствующей консультации с русскими властями по данному вопросу, дал свое согласие направить в Мерв одного из своих сановников. В июне 1881 г. в Мерв прибыл наместник хана Хивинского Юсуф-бай. Вместе с ним прибыл штат из 15 хивинских чиновников, каждый из которых должен был вести определенный участок работы по управлению Мервом.

Действия ханского наместника сразу же вызвали серьезные осложнения во внутренней жизни Мерва. Население выразило свое недовольство деятельностью ханского наместника, требовавшего уплаты «хераджа». При этом он объявил, что делает это с разрешения русских начальников. Волнения среди жителей все более усиливались и стали принимать характер острой социальной борьбы.

Можно было привести ряд других примеров, характеризующих сложность политической обстановки в Мерве.

Юсуф-бай не сумел ослабить царившую здесь напряженную обстановку, которая в официальных кругах именовалась «анархией» и «неурядицей». Туркестанские власти, видя опасность создавшегося в Мерве положения, не замедлили предупредить об этом хана Хивы[1].

В этих условиях царское правительство обязало хивинские власти не назначать больше в Мерв своего правителя. Населению мервского оазиса было рекомендовано «каждому из четырех племен выбрать себе хана с тем, чтобы ханы эти были утверждены русским правительством, и в случае споров между ханами, они приезжали для разбора в Асхабад»[2]. Кроме того, ставилось условие, по которому начальник Закаспийской области пользовался правом направлять в Мерв своих уполномоченных для разрешения возникавших споров. Таким образом, закаспийские власти обязывали мервских ханов подчиняться русским начальникам, которым предоставлялось право прямого вмешательства во внутренние дела оазиса.

В октябре 1882 г. Юсуф-бай умер. Хан Хивинский назначил нового наместника — Абдурахман-бая. Когда поставлен

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, 1881—1882, л. 232.

[2] Там же, д. 6946, 1882—1883, л. 19.

был вопрос об отзыве его из Мерва, бывший тогда Туркестанским генерал-губернатором генерал Черняев счел это несвоевременным. Такая мера, по его мнению, могла бы подорвать престиж хана Хивы в глазах туркмен[1]. Назначение преемника умершего Юсуф-бая было результатом прямых указаний генерала Черняева, который без предварительного на это согласия Кавказского наместника и, вопреки предосторожностям вышестоящих инстанций в данном вопросе, распорядился отправить в Мерв нового наместника, что и было незамедлительно исполнено ханом Хивы. Пока решался вопрос об отозвании нового наместника, на Абдурахман-бая начали поступать жалобы жителей Мерва. Тенденции превышать свои полномочия наблюдались и у преемника Юсуф-бая. Они имели место и в последующей практике назначения ханских наместников в Мерве. Таким образом, действия наместников хана Хивинского привели к обострению политической обстановки в Мерве. Ханские сановники, как показал опыт, не справились с возложенными на них задачами. По-прежнему политическая обстановка в Мерве оставалась напряженной[2]. Стало совершенно очевидным, что деятельность правителей из Хивы оказывала отрицательное влияние на внутреннюю жизнь Мерва. По-прежнему в Мерве отсутствовала централизованная власть, которая могла бы оказать действенную помощь в развитии русско-мервских отношений.

В январе 1883 г. начальник Главного штаба генерал Обручев сообщил начальнику области генералу Рербергу о том, что согласно полученным им в частном порядке сведениям, в Мерве царит неблагоприятная для России атмосфера. Проверка этих сведений на месте была поручена Махтум-Кули-хану, который, характеризуя положение, отметил, что «брожение» в Мерве связано с пребыванием там Абдурахман-бая[3]. Генерал Рерберг настойчиво потребовал отозвать Абдурахман-бая из Мерва в Хиву[4].

Население Мерва потребовало передачи власти в руки одного правителя. По мнению генерала Рерберга, наиболее подходящей кандидатурой на эту должность был Махтум-Кули-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6946, 1882—1883, л. 79. По прибытии в Петро-Александровск, Черняев принял депутацию от мервских туркмен, которая стала настойчиво требовать отправки в Мерв нового правителя из Хивы. Делегацию мервцев, как и прежде, возглавлял Кара-Кули-хан. Подробно об этом см.: М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 122.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6946, 1882—1883, л. 19.

[3] Там же, л. 87.

[4] Там же, л. 121.

хан. По поручению областных властей он находился в это время в Мерве. Закаспийское областное начальство рассчитывало, что пребывание Махтум-Кули-хана в Мерве будет способствовать упрочению там позиций России. Проведены были перевыборы ханов. Однако, вопреки предположениям русских властей в Закаспии, Махтум-Кули-хан оказался неизбранным вовсе. Ханом двух отделений был избран Майлы-хан. Ашхабадские власти не одобрили избрание последнего. Администрация области в официальных донесениях и отчетах характеризовала Майлы-хана как человека непопулярного, бесхарактерного и нерешительного.

Кампания переизбрания ханов, проходившая в условиях крайнего обострения социальной борьбы и межродовой розни, показала усиление влияния царской России в Мерве. Царские власти практически стали добиваться установления такой формы управления населением, которая способствовала бы осуществлению главной задачи — присоединения Мерва.

Изменившаяся обстановка способствовала улучшению взаимоотношений Мерва с Россией. В оазисе заметно усилилось влияние сторонников русской ориентации. В связи с этим товарищ министра иностранных дел в своем письме на имя Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе указывал на нецелесообразность посылать в Мерв правителя Хивы. Он писал: «Завязавшиеся в последнее время между нами и населением этим сношения и прием, сделанный мервцами как каравану, так и путешественникам нашим, посетившим эту местность, делают означенную меру ненужной, но напротив того, обязывает нас заботиться об устранении из Мерва всякого постороннего вмешательства и влияния с тем, чтобы постепенно приучать тамошних старшин и население подчиниться непосредственно нашему собственному авторитету»[1].

Весной 1883 г. в Мерве появился новый наместник Хивинского хана — Бабаджан-бек, сменивший Абдурахман-бая. Бабаджан-беку было разрешено собрать подать с населения на содержание джигитов. Указанная мера так же отрицательно отразилась на внутреннем положении Мерва.

Осенью 1883 г. в Мерве распространился слух, будто Россия уступила мервский оазис хану Хивы. Это вызвало возмущение жителей. В ноябре 1883 г. мервский старшина Сары-Батыр в письме на имя начальника области сообщил, что население выражает резкое недовольство. Он писал: «Мы, кроме

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 483, д. 116, 1882, л. 1—2.

вас, другого начальства не признаем, и если вы себя считаете нашим мервским господином, то пришлите кого-либо в Мерв, который мог бы вникнуть в положение бедных жителей»...[1]. Сары-Батыр писал также о том, что разбои аламанщиков наносят большой ущерб беднейшим слоям населения. Отношение значительной части населения к вопросу о назначении правителя из Хивы выразил Сары-хан — один из влиятельных в Мерве старшин. Он писал: «...Высланное к нам из Хивы в правители лицо, должно быть с правосудием и покровительствовать беднякам...»[2].

Местная администрация располагала сведениями о том, что Абдурахман-бай вел секретные переговоры с англичанами через Иолотань[3], где действовала группа английских агентов, возглавляемая Сиях-Пушем, а Бабаджан-бек, по свидетельству Лессара, открыто призвал мервских жителей не подчиняться русским властям в Ашхабаде[4].

Царские власти считали необходимым принять безотлагательные меры по ликвидации неправильных, с точки зрения русской администрации, действий хивинских правителей Мерва.

В связи с этим было решено прекратить так называемую двойственную систему непосредственного воздействия на Мерв через Туркестанское генерал-губернаторство и Кавказское наместничество.

На совещании 1883 г. представителей важнейших правительственных ведомств и генерал-губернаторов[5] наряду с другими, обсуждался так же вопрос об отозвании хивинского правителя из Мерва. Вскоре Бабаджан-бек был отозван. На этом порядок назначения наместника хана хивинского в Мерве был прекращен.

Таковы в общих чертах принятые царским правительством меры по усилению влияния России на внутреннюю жизнь Мерва через Хиву и Петро-Александровск. Указанная мера, несмотря на некоторые отрицательные стороны, действительно, сыграла определенную роль в создании условий для непосредственного осуществления плана присоединения Мерва.

Некоторые успехи, достигнутые Россией в деле упрочения своих позиций в Мерве были тесно связаны с улучшением

---

[1] Марыйский обл. архив. «Сб. арх. док...», ч. 2, л. 99.
[2] Там же, л. 25.
[3] Там же, ч. 1, л. 367.
[4] «Сб... материалов по Азии», вып. 13, СПб, 1883, стр. 103.
[5] Степного, Туркестанского и начальник Закаспийской области.

внешнеполитического положения оазиса. Важное значение в этом смысле имело решение вопроса о землях, на которые правительство Ирана имело свои притязания. Речь шла, прежде всего, о землях в Атекском оазисе. Возникла настоятельная необходимость урегулирования этих вопросов, прежде чем перейти к осуществлению планов присоединения Мерва. По соответствующим каналам велись переговоры, в ходе которых царское правительство добивалось отказа Персии не только от Атекского оазиса, но и земель, расположенных на правом берегу реки Теджен.

Исходя из общих задач урегулирования вопросов взаимоотношений с Персией, царские дипломаты прилагали усилия к тому, чтобы убедить персидские власти в целесообразности отказа от своих намерений занять какой-либо пункт на правом берегу Теджена. При этом они ссылались на условия Конвенции от 9 декабря 1881 г. о границе между Россией и Персией, согласно которой эти земли отходили к России.

Осенью 1882 г. были приняты меры, направленные на устранение из Мерва «постороннего вмешательства и влияния»[1] с определенной целью — «приучить мервских старшин и население подчиняться непосредственно русским властям».

Начальнику Закаспийской области было приказано собрать точные сведения относительно того, как мервские старшины и ханы относятся к распоряжениям русских начальников и к вопросу о необходимости разрешения своих споров при непосредственном участии русских властей[2].

Местным властям было рекомендовано укреплять позиции России в Мерве «путем внушений и убеждений», избегать принудительных мер и воздержаться от предъявления жителям Мервского оазиса требований, могущих вызвать среди них недовольство[3]. Наряду с этим указывалось на целесообразность практиковать посылку уполномоченных в Мерв, ограничивая круг деятельности командируемых «обязанностями официальных агентов»[4].

Усиленный контроль был установлен за Атеком. Царские власти считали необходимым пресечь прежде всего происки англичан в этом районе. В связи с усилением вмешательства в дела Атека персидских пограничных властей, которые, как утверждалось в донесениях и рапортах царских чиновников,

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6916, 1882—1883, л. 26.
[2] Там же, л. 28.
[3] Там же, л. 27.
[4] Там же, д. 6946, 1882—1883, л. 29.

сознательно нарушали условия русско-персидской Конвенции от 9 декабря 1881 г. о границе. Сюда специально был командирован инженер Лессар, которому поручалось выяснить обстановку в этом районе. Лессару и другим лицам, командированным в Атек, было приказано действовать так, чтобы не вызвать недовольство среди местных жителей и Персии. Малейшую неосторожность по отношению к Мерву и Атеку могли использовать и использовали английские агенты.

В целях быстрейшего пресечения английских интриг в Мерве, генерал-лейтенант Рерберг считал необходимым занять несколько пунктов на реке Теджен наемными всадниками из местных жителей, а для упрочения русского влияния среди туркмен и укрепления репутации главных ханов, назначить денежное содержание четырем главным ханам из числа правителей Мерва[1]. Однако царское правительство, исходя из ряда причин внутреннего и внешнего характера, считало преждевременным осуществление подобных мер[2]. Приняты были другие, не менее существенные меры, способствовавшие усилению влияния на Мерв. Внешнеполитическое положение оазиса чревато было новыми осложнениями.

Русский посланник в Тегеране Зиновьев, сообщая новые факты об усилении происков англичан, высказывал мнение о необходимости принятия самых неотложных мер по предотвращению вмешательства англичан в так называемый «туркменский вопрос»[3]. Вместе с тем он считал необходимым всеми мерами удержать мервских туркмен от аламанов на персидскую или афганскую территорию. И, действительно, набеги аламанщиков могли служить поводом для новых серьезных осложнений как во внутренней, так и внешнеполитической жизни оазиса.

Во второй половине 1882 г. имели место случаи нападения на русских чиновников со стороны аламанщиков: в середине ноября—на съемочную партию, которую возглавлял русский офицер Парфенов, и в декабре месяце—на русского топографа Гладышева. Капитану Гладышеву было предложено прежде, чем войти в город[4], попросить разрешения у мервских жителей. А начальник области в своем рекомендательном письме на имя мервских ханов просил их оказать русскому топографу содействие и защиту. Сам Гладышев, приехав в Мерв,

---

[1] ЦГВИА. ф ВУА, д. 6946, 1882—1883, л 7

[2] Там же, л. 54.

[3] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп 34, д. 540, л. 12.

[4] Имеется в виду Мерв.

поставил в известность старшин о том, что он должен установить астрономическую точку и, что никаких целей, могущих нанести ущерб населению, он не преследует. В самом Мерве в эти дни полным ходом орудовала группа английских агентов, возглавлявшаяся Сиях-Пушем.

В Мерв, для выяснения на месте причин инцидента с группой Парфенова, был направлен Махтум-Кули-хан. Ему было поручено убедить мервских ханов в необходимости принять меры против ставших частыми разбоев и выдать виновников нападения[1]. Что касается нападения на капитана Гладышева, то для выяснения обстоятельств дела в Мерв прибыл П. М. Лессар. Пребывание Махтум-Кули-хана и инженера Лессара помогло выяснить новую, изменившуюся обстановку в оазисе, характеризовавшуюся более благоприятным отношением к России, а это в свою очередь позволило потребовать от мервских ханов соблюдения пунктов «Условий».

Нападение на топографическую группу Парфенова, дело с капитаном Гладышевым, усиление межплеменной розни, которую разжигала и подогревала британская агентура, отрицательные последствия деятельности хивинских правителей — все это послужило поводом для русских властей, которые не замедлили с принятием решительных мер по овладению Мервом.

Присоединение Мервского оазиса к России

Обстоятельства, складывавшиеся к концу 1883 г. в Южной Туркмении, дали возможность царскому правительству ускорить решение вопроса о присоединении Мерва к России. Установление довольно прочных отношений с туркменами Атекского предгорья и долины р. Теджен, положительные результаты развивающихся русско-туркменских сношений, открытое стремление большинства населения Мерва к объединению с русскоподданными туркменами в составе сильного государства, наличие четко определившихся признаков провала подрывной деятельности британских агентов в долине Мургаба, сделало возможным перейти к осуществлению более решительных мер в отношении Мервского оазиса.

Особое совещание[2] с участием представителей правительственных ведомств, состоявшееся летом в 1882 г., отметило, что Мерв представляет собой преграду на пути экономических, прежде всего торговых связей между среднеазиатскими вла-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6946, 1882—1883, л. 45. Парфенов раненым добрался до Атекского селения Чааче и оттуда выехал в Ашхабад.

[2] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 207.

дениями России и Каспийским морем. Присоединение Мерва явилось бы также последним этапом в осуществлении русско-афганского разграничения. Кроме того, усиление английских происков в Туркмении грозило новыми осложнениями для России в этом оазисе и, как подчеркивали видные представители различных царских ведомств, мешало укреплению там русского влияния. Это была четко разработанная царизмом программа действий в Южной Туркмении. В конце 1883 г. в Мерв с целью практического решения этого вопроса были командированы поручик Алиханов и Махтум-Кули-хан.

Вопросы о ходе переговоров, которые велись между посланцами России в лице Махтум-Кули-хана и Алиханова с одной стороны и населением Мервского оазиса — с другой о подготовке созыва Генгеша, роли в этом ханши Гюльджемаль, результатах этого довольно представительного совещания, мнимых «заслугах», которые приписывал себе поручик Алиханов в «дипломатической подготовке» мирного присоединения Мерва и ряде других вопросов, связаных с включением Юго-Восточной Туркмении в состав России, подробно рассматриваются в упомянутом выше ценном исследовании акад. М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России»[1]. Эти вопросы нашли свое освещение в трудах проф. А. К. Каррыева[2], Н. А. Халфина[3].

Не распространяясь на детальном изложении всех этих вопросов, нам хотелось бы остановиться лишь на некоторых моментах процесса присоединения Мерва. Материалы следствия в Ашхабаде по делу участников группы Сиях-Пуша, которые вводятся в научный оборот впервые, проливают свет на некоторые стороны этого своеобразного процесса, результаты которого оставили заметный след во всей истории присоединения Туркмении к России.

1 января 1884 г. был созван Мервский генгеш[4], который от

---

[1] М. Н. Тихомиров. Указ. раб., стр. 140—161.

[2] История Туркменской ССР, т. I кн. 2, Ашхабад, Изд-во АН ТССР, 1957, стр. 130—138; Ага Каррыев и др. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. АН ТССР, Ашхабад, 1951, стр. 363—364.

[3] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., «Наука», 1965, стр. 358—364.

[4] Генгеш, маслахат (Чрезвычайный маслахат) — общеплеменное собрание или совет старшин. В работах генгеша, созванного в Мерве 1 января 1884 г принимали участие поручик Алиханов и майор милиции Махтум-Кули-хан. Краткое содержание речи Алиханова на этом совете приводится в работах М. Н. Тихомирова (указ. раб. стр. 149) и Н. А. Халфина (указ. раб., стр. 363)

имени большинства жителей оазиса вынес решение о принятии подданства России. Кавказский наместник князь Дондуков-Корсаков в своей телеграмме на имя военного министра Ванновского сообщал в связи с этим решением генгеша, что в данном случае нельзя допускать каких-либо подозрений относительно искреннего желания мервского населения стать подданными России[1]. Поэтому Дондуков-Корсаков считал необходимым всемерно ускорить практическое осуществление этого вопроса. В связи с этим он считал целесообразным отозвать из Мерва хивинского наместника Бабаджан-бека. Такая мера, по мнению самых авторитетных лиц, должна была обеспечить окончательную передачу власти Мерва в руки начальника Закаспийской области[2].

Согласно решению Мервского генгеша в Ашхабад для переговоров с закаспийскими властями направлены были 4 хана и 23 кетхуда — по одному от каждой большой канавы. 25 января 1884 г. эта группа ханов и кетхудов прибыла в Ашхабад. В ее составе были Сары-батыр, Ораз-Нияз, Майлы-хан, Мурад-хан, Юсуф-хан. Все эти кетхуды, представлявшие население оазиса, подписали «клятвенное обещание».

Из числа известных мервских ханов не явились в Ашхабад Кара-Кули-хан и Каджар-хан, которые все еще не хотели мириться со сложившимися обстоятельствами и продолжали оставаться во враждебном к России лагере. Кара-Кули-хан и Баба-хан были в самых близких отношениях с хивинским наместником, а Каджар-хан оставался верным своему «мансуру» Сиях-Пушу и вместе с другими антирусски настроенными элементами готовился оказать сопротивление продвижению русских.

Род бег, не желавший оставаться на положении оторванных от мервского населения и, вопреки позиции Кара-Кули-хана, единодушно выразил желание принять русское подданство, избрав своим главой вместо Кара-Кули-хана, Мурад-хана[3]. В числе 4 главных ханов Мурад-хан выехал в Асхабад. Он был уполномочен вести от имени своего рода переговоры с русскими властями о принятии «бегцев» в подданство России.

---

[1] Сб «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 229.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 243.

В искренности желаний рода «бег» Мурад-хан заверил находившегося в феврале 1884 г. в Мерве Алиханова, сказав последнему, что он от души желает прихода русских в Мерв «в интересах народа, которому нужны порядок и спокойствие, и мне нечего подготавливать народ свой, он давно готов, скажи, и мы в точности исполним твои приказания»[1].

Для занятия Мерва 21 февраля 1884 г. в Карры-Бент, где еще с декабря 1883 г. стоял отряд царских войск, прибыл начальник области, которого сопровождали ханы и кетхуды, находившиеся на пути из Асхабада в Мерв. Возвращавшимся в оазис ханам и кетхудам было поручено организовать встречу русского отряда в Мерве. На следующий день после отъезда ханов из Асхабада начальник области получил известие о том, что сообщники Сиях-Пуша призывают население к сопротивлению. Враждебные России элементы развернули активную антирусскую деятельность. Духовенство проповедовало идею, согласно которой «коран запрещает мусульманам уступать свою землю без боя»[2].

28 февраля русский отряд достиг района Карабата и вступил в культурную зону Мервского оазиса. Здесь было получено новое сообщение о том, что отряд туркмен численностью в 4000 человек приближается к лагерю русских с целью нападения на него[3]. Организатором его был Каджар-хан.

За несколько дней до этого Каджар-хан, узнав о продвижении русского отряда в сторону Мерва, послал Мухаммед-Рахима в Иолотань за Сиях-Пушем. Однако «мансур» не решился ехать в Мерв и направил вместо себя одного из членов своей группы. Каджар-хан в это время был занят вербовкой мервцев в отряд для нападения на русские войска. Об этом свидетельствует показание Ахмед-шаха, одного из сподвижников Сиях-Пуша, который во время следствия в Ашхабаде заявил: «Сам Каджар-хан был в это время на базарной площади, говорил там, что надо побить русских, что идет против русских. В полночь Мулла Мухаммед-Рахим собрал 2000 человек и повел их от дома Каджар-хана к пескам»[4]. По сведениям того же Ахмед-шаха, в песках у Кала-и-Кехна отряд Молла Мухамед-Рахима соединился с отрядом Каджар-хана.

---

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 243.

[2] Там же, стр. 253.

[3] Как раз в это время Каджар-хан находился в лагере. Он прибыл туда, по-видимому, с целью разведать русские силы. Он даже имел беседу с начальником области, находившемся в лагере.

[4] ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт., Аз. ч., д. 45, 1884—1887, л. 15.

Но, судя по показаниям того же Ахмед-шаха, «войско» Каджар-хана состояло преимущественно из мирно настроенных жителей, отнюдь не желавших воевать против русских[1]. Вдохновители сопротивления обманывали народ, уверяя его в том, будто из Иолотани должен прибыть Сиях-Пуш с огромным войском. Но Сиях-Пуш прибыл в Мерв лишь 6 марта, когда русский отряд уже прочно занял свои позиции в районе Коушут-хан-кала. Еще до этого, 29 февраля, недалеко от Мерва между джигитами из русского отряда и «нукерами» Каджар-хана произошла стычка, в результате которой толпа сообщников Каджар-хана была рассеяна, и на месте столкновения остались убитые и зеленый значок[2]. В тот же день в русском лагере были получены сведения о том, что агенты Сиях-Пуша энергично готовятся, чтобы «поднять население против русских. На базаре собралось много народу; большинство не желает принимать участие во враждебных действиях против русских. Перед вечером, когда благонамеренные разошлись по домам, шайка, числом более тысячи человек под предводительством Ахмед-шаха и Ораз-Кирижи, известного аламанщика, двинулась к аулу Анна-Чепек-Мурад требовать выдачи годных для стрельбы орудий, отбитых у персиян. Но получили отказ. Произошла драка, закончившаяся тем, что мятежники захватили два орудия, бывшие на лафетах, и поставили их на валу, с целью выстрелами произвести тревогу в оазисе и привлечь на свою сторону всех не сочувствующих общему настроению»[3].

2 марта стало известно, что отряд Каджар-хана, численностью до 2000 человек, стал приближаться к лагерю русских. Между двумя отрядами началась перестрелка. После короткого боя сторонники группы Сиях-Пуша обратились в бегство. 3 марта русская колонна уже стояла на берегу Мургаба, но опасность враждебного нападения на русский отряд еще не миновала. Каджар-хан, отправившийся за Сиях-Пушем в Иолотань, к тому времени находился недалеко от Мерва и мог в любое время поднять выступление антирусски-настроенной части населения. В ночь на 6 марта были получены сведения о приближении Каджар-хана и Сиях-Пуша к Мерву. Но организовать вооруженное выступление против русских им не удалось, они были арестованы и преданы суду.

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, Гл. шт., Аз. ч., д. 45, 1884—1887, л. 15.

[2] Значок сделан Ахмед-шахом.

[3] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 256.

После ареста Сиях-Пуша и его главных сообщников, попытки антирусских выступлений больше не повторялись. Судя по русским источникам, повсюду наблюдалось спокойствие, настроение людей было мирным. Начальник области в своем рапорте от 29 мая 1884 г. указывал: «10 марта я начал объезд теке-текинских аулов, везде мною найдено полное спокойствие...»[1]. Для управления оазисом был учрежден военно-административный округ с центром в Мерве.

Так был практически решен вопрос присоединения Мервского оазиса к России.

Добровольное вхождение в состав России Иолотанского оазиса. Образование Мервского и Тедженского округов

Присоединение Мервского оазиса дало возможность приступить к решению очередной задачи — включению в состав России еще одной компактной массы туркмен, проживавших в долине р. Мургаб. Речь идет о туркменах Иолотанского оазиса, население которого давно искало русского покровительства. 1 марта 1884 г. в русский лагерь, расположенный недалеко от Мерва, прибыла депутация от жителей Иолотанского оазиса, которая заявила, что «сарыки желают во всем последовать примеру мервцев»[2], то есть стать подданными России. Начальник области заявил членам депутации, что вопрос о просьбе иолотанских туркмен будет рассмотрен после того, как он прибудет в Коушут-хан-кала. «Пендинские сарыки почти единодушно заявляют желание перейти на нашу сторону»[3],—сообщал генерал Комаров в Тифлис командующему войсками в своей телеграмме от 28 марта.

9 марта из поездки в Иолотань возвратился Махтум-Кули-хан, который был командирован туда специально для окончательного урегулирования вопроса о присоединении Иолотани к России. Вместе с ним к начальнику области явилась новая депутация от иолотанских жителей, в состав которой входили Сары-хан и 12 старшин. От имени 5400 кибиток жителей оазиса они заявили, что желают принять подданство России. По-

---

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 258.

[2] Там же, стр. 256. Сведения о подробностях переговоров с иолотанскими депутациями о стремлении жителей оазиса к принятию русского подданства содержатся в работе П. М. Лессара, «Юго-Западная Туркмения...», СПб., 1885, стр. 9—15.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 483, д. 121, 1885, л. 17.

скольку к этому времени в правительственных кругах было известно о желании новой группы туркмен присоединиться к России, то царские власти в Закаспии уже занимались вопросом о порядке принятия туркмен-сарыков в русское подданство. Высказывались различные мнения на этот счет. Одни предлагали окончательно занять оазис, другие считали более целесообразным ограничиться пока назначением туда русского офицера в качестве пристава, дав ему небольшой конвой. Было решено удовлетворить просьбу иолотанцев не откладывая. Дондуков-Корсаков писал по этому поводу: «Просьба сарыков является совершенно естественным последствием присоединения Мерва...»[1]. Поэтому отвергать «их желание, значило бы оттолкнуть от себя...»[2] это племя. Однако, в Петербурге было принято иное решение. Князю Дондукову-Корсакову, находящемуся тогда в пути, было телеграфно сообщено из Ашхабада, что Министерство иностранных дел предписывает воздержаться от формального принятия сарыков в подданство России и не посылать туда русского офицера с конвоем[3].

Администрация области объявила сарыкским депутатам, что вопрос о присоединении Иолотани будет рассматриваться властями «наравне с другими туркменскими племенами»[4]. Пока же они будут пользоваться покровительством России, к ним будет назначен начальник от русских властей[5]. 22 апреля депутация во главе с Сары-ханом представилась Кавказскому наместнику, который ехал в Мерв через Закаспийскую область. К этому времени вопрос о присоединении Иолотанского оазиса был полностью решен в высших правительственных кругах царской России.

В конце апреля 1884 г. жители Иолотанского оазиса были приняты в состав России. 12 мая 1884 г. из земель Иолотанского оазиса было образовано приставство с подчинением мервскому окружному начальнику. В составе мервского округа, помимо Иолотанского приставства, было образовано еще Серахское приставство, которое было включено в состав Тедженского округа (с 1890 г. — уезда)[6]. Из всех земель, расположен-

---

[1] Сб. «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 260.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 261.

[5] Начальником Иолотанского оазиса был назначен Сары-хан.

[6] Серахс был занят русским отрядом еще в мае 1884 г. (М. Алиханов-Аварский. Закаспийские воспоминания.— «Вестник Европы», 1904, октябрь, стр. 458—471). Окончательное его присоединение произошло несколько позднее — в 1886 г. См.: «Афганское разграничение», ч. 2, стр. 59. Дата

ных в низовьях р. Теджен, был образован Тедженскнй округ, с подчинением его начальнику Закаспийской области. Так было определено административное устройство Мервского, Иолотанского, Тедженского и Серахского оазисов, вошедших в состав России. Неприсоединенными к России оставались только туркмены, населявшие оазис Пенде, и формально Атекское предгорье, где уже четко вырисовывались контуры будущего административного района. Таким образом, в течение 1884 г. вопрос о присоединении к России туркмен, населявших низовья рек Теджен и Мургаб, окончательно был решен.

Рост стремлений пендинских туркмен к объединению с русскоподданными туркменами

Тяготение жителей Пендинского оазиса к России особенно усилилось после присоединения Мерва и Иолотани. Пендинские туркмены стремились быть вместе с другими туркменскими племенами, уже вошедшими в состав Российского государства. Яркое проявление такого стремления отражено в письмах туркмен на имя русских начальников[1].

Лихорадочные военные приготовления, которые осуществили афганские власти в районе расположения туркменских селений и усиление произвола со стороны последних, привели к тому, что население стало с еще большей настойчивостью и открыто искать опору в лице России. Живой и наглядный пример жителей Иолотани, которые сообщали, что с принятием русского подданства они избавились от постоянно висевшей над ними до этого угрозы войны, еще сильнее укрепил тягу к России.

Сеис-Батыр в своем письме на имя начальника Мервского округа подп. Алихаиова писал о том, что местные жители выражают свое глубокое возмущение произволом афганских властей. Сеис-Батыр указывал в своем письме, что он был одним из сопровождающих русского инженера[2] и что поэтому напоминает, что «афганцы несколько стесняют»[3] их. Он писал: «Мы боимся, мы овцепасы, состоим из тысячи с лишком дво-

---

сго присоединения приводится в «Отчете...» Графом Паленом. «Краевое управление».

[1] Многие из этих писем хранятся в делах фондов ЦГВИА. Писали бедные скотоводы и земледельцы. Писали торговцы, купцы, богатые скотовладельцы.

[2] Речь идет, по-видимому, об инженере Лессаре, который был послан Закаспийскими властями для обследования оазиса Пенде в 1884 г.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 483, д. 126, 1885, л. 23.

ров, питаем надежду на Вас»[1]. Это письмо заканчивалось словами: «Первая и последняя надежда на Вас»[2].

В письме на имя подполковника Алиханова, инженера Лессара и Сары-хана жители Пендинского оазиса сообщали: «Мы—бедное общество, ни с каким народом не имеем споров, недоразумений, разговоров и боя. Наши стада на вашей стороне, да будет о них Ваше попечение. Мы — бедные люди, и действие бедняг не должно быть порицаемо»[3].

В селениях, где производила свою работу английская часть разграничительной комиссии, народ жил в состоянии постоянной тревоги и неуверенности. «Очень боимся, не имеем средств — ие вольны, но надеясь на вас, продолжаем жить на местах своих»[4], — писали местные жители. В письме выражалась надежда на Россию: «Не верим словам (намек на англичан и афганцев—А. И.), вы очень сильное государство»[5].

Английские офицеры усиленно занимались укреплением гератской крепости и концентрацией войск в районе работ разграничительной комиссии, что воспринималось жителями оазиса как признак грозящих им новых бед. Туркменское население оазиса в создавшейся обстановке, угрожавшей их мирной жизни новыми несчастьями, беспокоила их будущая судьба. Среди туркменского населения, обеспокоенного своей судьбой, охваченного страхом за завтрашний день, распространялись мрачные слухи о новой войне, провоцируемой англичанами. Особенно упорно шел слух о том, что афганцы намерены воевать с русскими и что для этого из Герата прибудут афганские и английские войска.

Британские офицеры усиленно занимались натравливанием туркменского населения против России, добивались через афганских военачальников распространения среди солдат афганской армии идеи «газавата» против русских.

Генерал Комаров в одном из своих донесений писал: «Дух афганских солдат довольно бодрый, они сильно говорят, что идут на «газават» и не пустят Россию»[6].

Англичане в сопровождении большого конвоя разъезжали

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 483, д. 126, 1895, л. 23. (В деле хранится подлинник письма).

[2] Там же.

[3] Там же, л. 26. Письмо подписано Джепбар-ханом и Мехти-баем, людьми, по всей вероятности, состоятельными. Но в данном случае содержание письма в какой-то мере выражает общее настроение.

[4] Там же, л. 33.

[5] Там же.

[6] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 637, 1884—1885, л. 26.

по районам Серахса, Пуль-и-Хатун, Джама, Мухсинабада, Надиркала, Кусана, Кушки, Тахта-Базара, Кала-и-Нау, Бала-Мургаба, Меручака и другим пунктам. Во время разъездов по пограничным местам они занимались подкупом туркменской знати. Так, например, афганские власти назначили некоего Ишана Джума пендинским казием, а англичане сделали ему подарки[1].

Некий Качи-бек, туркмен, вместе с одним афганцем вел антирусскую пропаганду среди жителей. Указанные эмиссары призывали туркмен стать афганскими подданными[2]. Туркменское население Меручака выражало им свое недовольство произволом афганских властей и жаловалось, что афганцы их обирают[3]. Для достижения своих целей англичане всячески старались задобрить эксплуатируемую верхушку. Так, например, в конце января генерал Лемзден «вызвал к себе «почетных» пендинцев в количестве 500 человек и почти половине из них сделал подарки ценностью от 500 до 600 кранов, а четырем туркменам подарил по магазинному ружью... всем им Лемзден объявил, что англичане богаче русских и имеют лучшее оружие, почему заставят русских уйти из Иолотани, Мерва, Серахса, и народ будет избавлен от «закята» и других налогов»[4].

Житель Иолотанского оазиса по имени Дервиш сообщил: «Я посетил большую часть сарыкских аулов, виделся со всеми влиятельными людьми. Пендинские сарыки ждут только Вас, чтобы избавиться от афганцев, даже старшины, щедро одаренные Лемзденом и считающиеся слугами Англии, просили тайно передать, что сердца их на русской стороне». Известно, что старшины обращались к подполковнику Риджуэй со словами: «уходи, возьми с собою своих афганцев, не приноси несчастья на наши головы». В ответ на это Риджуэй накинулся на афганского джернейля[5]: мы переплатили вам более миллиона денег на вооружение сарыков и укрепление Пенде. Что вы сделали!»[6]. Пендинские старшины рассказывали о том, что «афганцы их очень ласкают, но что они не доверяют этим ласкам и многие готовы выселиться, но только не позволяют им это сделать афганские войска»[7]. Нередко были случаи, когда аф-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 637, 1884—1885, л. 3.
[2] Там же, л. 31.
[3] Там же, л. 32.
[4] Там же, л. 8.
[5] Генерала.
[6] Там же, л. 227.
[7] Там же, л. 15.

ганцы хватали переселившихся из туркменских селений жителей и возвращали обратно. Сообщалось о том, что к афганскому главнокомандующему «явилась депутация почетных сарыков с предложением удалиться из Пенде ввиду приближения русских, так как они не желают отделиться от своих братьев — иолотанских сарыков» и испытать на себе кровопролитие[1]. Чем сильнее нависала над Пенде угроза войны, тем все больше росло среди туркменского населения оазиса возмущение действиями афганской власти и усиливалась тяга к России. «Сарыки, живущие в Пенде и в других местностях, пограничных с Афганистаном, между собой решили присоединиться к России, увлекаемые к тому примерами Мерва и Иолотани»[2], — сообщалось в одном из документов.

Об интригах англичан, об усилении ими среди туркмен антирусской пропаганды свидетельствует также донесение поручика Лопатинского. Он писал: «Англичане ведут деятельную пропаганду между сарыками, раздавая деньги и распуская слух, что границей Закаспийской области должен быть Ашхабад. Деньги раздавались сначала через афганцев, но так как при подобной системе раздачи доходили лишь крохи, то теперь эта раздача делается самими англичанами»[3]. При содействии афганских властей англичане производили вербовку туркмен в армию, используя их в качестве нукеров[4]. Конным нукерам англичане платили по 30 рупий в месяц. Как сообщили прибывшие в Бухару в конце января 1885 г. по торговым делам туркмены из Пенде, англичане раздавали деньги туркменам-сарыкам и производили среди них набор нукеров[5].

Начальник Имам-Бабинского поста сообщил о том, что посланный им разъезд был остановлен афганцами в Сары-Язы, при этом английский офицер, находившийся в отряде афганцев, угрожающе заявил, что земля, вплоть до Иолотани, принадлежит им, англичанам, и что они ожидают прибытия 400 всадников для расположения постов в Сандыкали и Имам-Баба, которые приказано остановить всеми средствами[6].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 637, 1884—1885, лл. 15, 16.
[2] Там же, л. 4.
[3] Там же, л. 13.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 483, д. 121, 1885, л. 21.
[5] Там же, л. 29.
[6] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 540, л. 9

Движение русского отряда к Кушке. Бой у Ташкепри 18 марта 1885 г.

Присоединив Мервский и Иолотанский оазисы, русский царизм приступил к осуществлению следующего, последнего этапа присоединения Туркмении. Царские войска стали продвигаться на юг по туркменским землям, к Пендинскому оазису, которые афганские власти считали своими. Британские офицеры из числа англо-русской разграничительной комиссии пользуясь тем, что пограничная линия в этом районе еще не была определена, стали усиленно провоцировать Афганистан на войну с Россией. Еще несколько раньше правительство эмира Абдуррахмана, получив от англичан огромную денежную субсидию и по указанию британских властей усиленно вело работы по укреплению северо-западной границы Афганистана. При непосредственной помощи английских военных специалистов была реорганизована армия, она получила английское вооружение и снаряжение. При помощи англичан в Кабуле был основан большой арсенал.

О лихорадочных военных приготовлениях в англо-афганском лагере сообщалось и в письмах жителей пограничных селений. Так, Мухаммед-Текке-хан из Серахса на имя русских властей сообщал о том, что 4 англичанина, прибывшие из Герата, заняты расстановкой афганской кавалерии, которая сгруппирована по 400—500 человек[1].

В течение февраля месяца 1885 г. афганские войска заняли наиболее значительные пункты вдоль пограничной линии, осматривали в спешном порядке объекты, расположенные как на этой линии, так и в землях, которые издавна считались пастбищами пендинских туркмен.

Мероприятия англичан по подготовке войны проводились по всей линии пограничных селений, вплоть до Атека. «По приказанию англичан в Кала-и-Мор, Ислим-Чешме, Кара-Тепе в спешном порядке шла заготовка дров, к которой насильно привлекались местные жители». По течению р. Теджеи в ряде пунктов также ожидалось прибытие в Зур-Абад англичан с афганцами для закупки пшеницы, продовольствия и дров. Населению стало известно о намерении англичан довести строительство дороги до Имам-Баба. О движении англо-афганских войск рассказывали и жители туркменских селений, которые выражали убеждение, что в начале весны начнется война. И, действительно, к весне 1885 г. афганские посты все более вклинивались в пределы отошедших уже к

[1] ЦГА УзССР, ф. II-1, оп. 34, д. 540, 1885, л. 9.

России земель. Все более накалялась политическая атмосфера на пограничной линии. Чувствовалось, что военное столкновение между афганцами и русскими неизбежно.

13 марта афганцы начали обстрел русских постов. Мургабский отряд получил приказ командования о наступлении на афганцев. Так начался известный в истории Кушкинский бой 18 марта 1885 г., который едва не привел к войне. По выражению В. И. Ленина в результате этого столкновения Англия и Россия оказались «на волосок» от войны[1]. Военное столкновение 18 марта 1885 г. закончилось победой русских. Афганская регулярная армия в 4000 человек была разбита. Потери афганцев составили 500 чел. убитыми. Вся артиллерия, весь лагерь, обозы и запасы их были взяты русскими в качестве трофеев. Английские офицеры руководили действиями афганских войск, а когда русский отряд нанес афганцам сокрушительный удар, они бежали без остановки до самого Герата.

По признанию Генерала Комарова, «афганцы сражались храбро, энергично и упорно в крытых траншеях, и даже по окончании боя не сдавались...»[2], но русские солдаты, одержав победу над превосходящими силами противника, еще раз продемонстрировали всему миру свое мужество и доблесть. Плечом к плечу с русскими солдатами в бою у Кушки сражалась и туркменская милиция. О доблестных подвигах туркмен генерал Комаров сообщал в своей телеграмме, излагавшей результаты боя. Он писал: «...милиция Мервского округа, вооруженная одними саблями, геройски сражалась рядом с казаками в первой линии...»[3]. Смертью храбрых в этом бою пал и каахкинский старшина Сейид-Назар-Юзбаши, а также рядовые туркмены. Одно из знамен, отбитых у афганских воинских частей, было взято урядником милиции Аман-Клычем.

В результате одержанной мургабским отрядом победы в сражении у Кушки, царская Россия прочно заняла Пендинский оазис, а жители пендинских селений были приняты в русское подданство. Так земли с туркменским населением в верховьях Мургаба были включены в состав России. Из этих земель был образован новый военно-административный район — Пендинское приставство, которое входило в состав Мервского округа. Включение Пендинского оазиса означало завершение присоединения всей Туркмении к России.

---

[1] В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., Госполитиздат, 1939, стр. 620.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6948, 1885, л. 1.

[3] Там же, л. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ[1]

Присоединение Туркмении к России представляет собой весьма сложный процесс, характеризующийся своеобразностью и разноречивостью отдельных его моментов и периодов.

В целом вхождение Туркменистана в состав Российской империи произошло в результате колониально-захватнической экспансии царизма, стремившегося опередить Англию в приобретении «доступных для колонизации» районов на востоке от Каспийского моря. Как в момент присоединения, так и после него царизм проводил в туркменских районах агрессивную национально-колонизаторскую политику со всеми вытекающими из нее последствиями. С этой точки зрения и следует оценивать характер кровопролитных сражений в Туркмении в момент ее присоединения и завоевания. Мужественная борьба туркмен Ахала, как и восстания хивинских туркмен по своему содержанию и характеру были явлениями прогрессивными, справедливыми и исторически закономерными. В жестокой и неравной борьбе туркмен, потерпевших поражение, была разоблачена истинная сущность колонизаторской, завоевательной политики царизма. В кровопролитных сражениях проявились отвага и мужество туркмен, выступивших против насилия и зла, в защиту своей земли, чести и свободы.

Двукратные сражения под стенами Геок-Тепе в 1879 и 1880—1881 гг., восстания хивинских номутов в 1873—1874 гг. и другие столкновения туркмен с царскими войсками явились существенными моментами во всем процессе присоединения Туркмении к России.

Наряду с этим в силу ряда обстоятельств большинство районов Туркмении были присоединены к России мирным пу-

[1] Обзор литературы и источников по проблеме присоединения Туркменистана к России предполагается издать отдельным выпуском.

тем. Многовековые и постепенно развивавшиеся торгово-экономические и политические связи прикаспийских туркменских племен с русским государством явились одним из серьезных факторов, обусловивших мирное присоединение огромной территории Западного Туркменистана к России. Население Западного Туркменистана занималось ловлей рыбы, выделывало шкуры, войлоки, ткало ковры, добывало нефть, озокерит, серу, краски, соль и другие виды сырья, которые в основном предназначались для продажи русским купцам и промышленникам. Жители скотоводческих районов Прикаспия испытывали потребность в пастбищах, хлебе и различных промышленных товарах, что в условиях постоянно натянутых отношений с соседними феодальными государствами заставляло их искать помощи и покровительства у России.

В сближении с Россией были заинтересованы не только трудовые низы, больше всех страдающие от притеснений и междоусобиц, набегов соседних феодалов, но и богатая верхушка туркмен, хозяева нефтяных колодцев, промысловых рудников, больших отар овец, рыбачьих артелей.

Наиболее известные представители прикаспийских туркмен, подобно Кият-хану, стремились при помощи русского государства упрочить свое экономическое и политическое влияние в среде своих соплеменников. Это же можно сказать относительно Атамурад-хана — хана хивинских номутов, Нурберды-хана — текинского и других феодалов туркмен, искавших покровительства России.

Царское правительство на первых порах соприкосновения с туркменами также придерживалось очень осторожной политики, ловко и тонко маскируя свои захватнические цели «добрыми намерениями». Осторожность эта была вызвана определенными причинами внутреннего и внешнеполитического характера. В первую очередь, принимались в расчет некоторые тактические соображения, вытекающие главным образом из недостаточной изученности страны туркмен, настроения и взглядов его жителей и, следовательно, невыработанностью того «образа действия», которого следовало бы придерживаться при подчинении Закаспийского края. Прежде чем перейти к решительным действиям, требовалась своего рода тщательная разведка, на протяжении которой признавалось целесообразным стремиться всячески «укрепить нравственное влияние России среди туземного населения Закаспия».

Стремление избежать внешнеполитические осложнения, в первую очередь, открытые конфликты с Великобританией, бы-

ло также одной из основных причин, удерживающих царское правительство от решительных действий в Закаспии. Соперничество с Англией на востоке хотя и торопило царизм с завершением захвата Средней Азии, но именно из дипломатических соображений (а порой — затруднений) царизм бывал вынужденным или маскировать свои действия, стараясь придавать им мирные нотки, или же приостанавливать их на определенное время. Так было, например, в середине 70-х годов, когда пришедшие к власти в Англии консерваторы стали проводить по отношению к России жесткую политику, а на Балканах разгорелся кризис, грозивший перерасти в новую «восточную войну». Так было и летом 1878 г. после русско-турецкой войны и во время берлинского конгресса, пересмотревшего условия Сан-Стефанского договора, когда царское правительство, оставшись в одиночестве против союза Англии, Австро-Венгрии и Германии, было вынуждено пойти на значительные уступки, обязавшись не предпринимать каких-либо мер, могущих вызвать недовольство союзных держав. Так было и к середине 80-х годов, в период, когда царизм бесшумно «осваивал» Мургабский бассейн и, когда, по выражению В. И. Ленина, опасность войны с Англией повисла «на волоске».

Продолжительный процесс присоединения Туркмении к России изложен с учетом внешнеполитического положения России, с учетом предельно натянутых в тот период англо-русских противоречий на Ближнем и Среднем Востоке.

Одним из наиболее существенных факторов, обусловивших мирное присоединение большинства туркменских районов к России, явилось стремление основной массы населения этих районов избавиться от постоянных внутренних междоусобиц и произвола своих феодалов, а также от бесконечных грабительских, опустошительных нападений и войн извне.

Испытывая тяжелый гнет «своих» баев и ханов, постоянно страдая от разорительных набегов соседних феодальных государств, народные массы искали пути и возможности избавиться от такого невыносимого положения. Им надоело жить в постоянном страхе за свою жизнь, надоела необходимость держать соху одной рукой, чтобы другой держать наготове оружие. Именно эта жажда мира и спокойствия и обусловила, в первую очередь, тяготение туркмен к России, к которой они неоднократно обращались в прошлом в тяжелые для них годы. История знает немало примеров, когда русские власти протягивали руку помощи голодающим туркменам, высылая к ним суда с хлебом, предоставляя им убежище от преследо-

вания врагов, разрешая селиться в просторах Южной России. По данным источников, значительная часть северных туркмен — около 115 тыс. человек, еще к середине XIX в. находилась в составе России, приняв ее подданство.

В Ахале и Мерве внутриполитический кризис, обусловленный социально-экономическим развитием всего туркменского общества, появлением крупных феодалов, баев и ханов, возглавлявших постоянно враждующие между собой родо-племенные подразделения, особенно обострился в самый канун завоевания и присоединения этих районов. Вопрос об отношении к России был самым главным вопросом, вокруг которого велись споры на многочисленных сходках-маслахатах. Часто подобные споры перерастали в кровопролитные стычки, от которых страдали народные массы. Поэтому несколько лет до Геок-тепинских сражений даже в Ахале преобладало влияние сторонников присоединения к России. Летом 1875 г. большой общеплеменной маслахат, состоявшийся в Геок-Тепе, вынес единогласное решение о присоединении Ахала к России. К русскому командованию была послана специальная делегация с письменным заявлением, содержащим в себе все пункты решения маслахата. Царское правительство по ряду причин не воспользовалось возможностью мирного присоединения Ахала, что в известной мере отразилось на настроении жителей оазиса.

Серьезными причинами последовавшего затем ухудшения русско-туркменских взаимоотношений явились усиление антирусских происков английских империалистов и их персидско-турецких приспешников, а также провокационная панисламистская деятельность представителей реакционного духовенства текинцев. Однако самой главной, решающей причиной кровопролитных сражений под Геок-Тепе была агрессивная политика царского правительства, вставшего впоследствии на путь открытого и беззастенчивого колониального захвата.

Учитывая внешние и внутренние факторы, после завоевания Ахала царские власти снова встали на путь более осторожных действий. Был намечен мирный курс укрепления позиций в Мерве. Награды, подарки, представления к чинам, привлечение к службе в административно-управленческом аппарате, организация поездок в Петербург и прочие мероприятия, практикуемые русскими властями по отношению к мервской феодально-родовой знати туркмен, должны были произвести соответствующее влияние на последних. Этим же целям служили большие торговые караваны, отправляемые русским командованием в Мерв.

Одновременно среди трудового населения оазиса стало постепенно возрастать влияние России. Беженцы, прибывшие из Ахала, внесли также определенное расстройство среди жителей Мерва. Произвол и анархия наносили большой ущерб трудовому населению, мешали их мирному труду, создавали атмосферу постоянной тревоги за будущее. Агенты британской разведки усилили свои провокационные действия, стараясь поднять народ на «священную войну» против русских.

В таких условиях присоединение Мерва к России было наиболее целесообразным и благоприятным выходом из создавшегося положения. В Ашхабад к русскому командованию стали приходить депутации и представители отдельных подразделений мервских туркмен, которым здесь старались внушить мысль о полезности принятия русского подданства.

1 января 1884 г. собрание представителей мервских туркмен вынесло решение о присоединении Мерва к России. Вслед за Мервом был присоединен Иолотанский оазис, жители которого неоднократно обращались перед этим с просьбой о принятии их в русское подданство.

Путем различных провокаций британским империалистам удалось организовать вооруженное нападение афганцев на русский отряд. Инцидент, происходивший у местечка Таш-Кепри 18 марта 1885 г., закончился победой русских войск и занятием ими Пендинского оазиса.

Таким образом не все населенные районы Туркменистана были присоединены к России в одинаковой форме. Для правильного определения характера присоединения отдельных туркменских районов учитываются местные условия и особенности этих районов, особенность хозяйства, социально-экономического развития, степень развитости взаимоотношений местного населения с Россией, особенности всей их внутренней и внешней обстановки, обуславливаемой конкретными историческими обстоятельствами и т. д.

* *
*

Несмотря на колониальную политику царизма, присоединение Туркменистана к России по своим объективным результатам и последствиям имело большое прогрессивное значение. Прогрессивность эта в первую очередь сказалась на экономическом развитии края, в проникновении сюда новых капиталистических отношений. Включение Туркменистана в сферу русской капиталистической экономики явилось началом лик-

видации патриархально-феодальной замкнутости хозяйства туркмен, способствовало появлению в области промышленных предприятий, железных дорог. Строительство городов вызвало приток пришлого населения из других районов страны.

Присоединение туркменских земель к России было явлением прогрессивным и в том отношении, что оно уничтожило раздробленность отдельных туркменских племенных обществ, положило конец межплеменным войнам, работорговле, аламанству и оградило туркмен от постоянных разорительных набегов иранских, хивинских и бухарских феодалов, предотвратило угрозу превращения Туркменистана в колонию Британской империи.

Туркменский народ получил возможность не только хозяйственного, но и духовно-культурного сближения с другими народами Российской империи, в первую очередь, с великим русским народом, о котором В. И. Ленин писал, что он «не может завоевать себе свободы, не борясь за свободу других народов».

Царскому самодержавию не удалось отравить революционное сознание пролетариата России. Под руководством русского пролетариата в составе Российской империи возник и окреп классовый союз трудовых эксплуатируемых масс всех национальностей, союз, направленный против общего врага — класса эксплуататоров.

Россия постепенно превращалась в центр мирового революционного движения, стала родиной ленинизма, страной, где уже отчетливо намечались реальные перспективы революционного переворота и гигантских темпов социально-экономического развития. Именно в этом аспекте и следует оценивать сущность и значение присоединения Туркмении к России.

Приобщение туркменского народа к революционной борьбе всех угнетенных народов Российской империи и, прежде всего, к революционной борьбе русского народа и его авангарда — рабочего класса во главе с Коммунистической партией — вот в чем состоит самое важное и самое решающее прогрессивное значение присоединения Туркменистана к России.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции туркменский народ, как и все ранее угнетенные народы царской России, приобрел социальную и национальную независимость, совершил при бескорыстной братской помощи великого русского народа гигантский скачок от патриархально-феодальной отсталости к развитой социалистической экономике и культуре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава первая. Туркменистан накануне присоединения к России 9

Глава вторая. Присоединение Западного Туркменистана к России 35

Глава третья. Подчинение русским царизмом Хивинского ханства. Установление царского протектората в Хивинском ханстве и введение в его туркменских районах военно-колониальных порядков 68

Глава четвертая. Взаимоотношения русских властей с жителями Ахала перед военным продвижением царизма в глубь Туркмении (1874—1876 гг.) 88

Глава пятая. Военные экспедиции и завоевание Ахала царизмом 102

Глава шестая. Экономические и политические связи России с туркменами, населявшими Теджено-Мургабский район (начало 1881 — конец 1882 гг.) 180

Глава седьмая. Усиление английских происков в Мервском оазисе и сопредельных с ним районах в момент присоединения Мерва к России 207

Глава восьмая. Вхождение Мервского и Полотанского оазисов в состав России. Завершение присоединения Туркмении к России 228

Заключение 248

Дж. Давлетов, А. Ильясов

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Туркменской ССР